

Майн Рид

В поисках белого бизона

Глава I. ДОМ ОХОТНИКА-НАТУРАЛИСТА

Пойдемте со мной к великой реке Миссисипи. Это самая длинная река в мире. Если бы Миссисипи вытянуть в одну прямую линию, то длина этой линии равнялась бы расстоянию до центра Земли. Другими словами, длина Миссисипи — четыре тысячи миль.

Пойдемте же со мной к этой величественной реке. Я приглашаю вас не к самому ее истоку, а только к Пойнт Купе, который расположен в трехстах милях от устья. Там мы на некоторое время остановимся, совсем ненадолго, так как нам предстоит большое путешествие. Путь наш лежит далеко на запад — по необъятным прериям Техаса, и мы начнем свое путешествие от Пойнт Купе.

Возле Пойнт Купе есть старенькая деревушка, не совсем обычная, похожая на французскую. Это одно из самых ранних поселений тех, кто вместе с испанцами были первыми колонистами запада Америки. Поэтому до сих пор по всей долине Миссисипи и районам, расположенным к западу от реки, встречаются французы и испанцы, французские и испанские имена и обычаи.

Сейчас мы не будем на этом долго останавливаться, да нам, собственно, больше и нечего добавить о Пойнт Купе. Предметом нашего внимания является странного вида дом, который много лет назад стоял на западном берегу реки, за милю от деревни. Весьма возможно, что он стоит там и поныне, так как это был крепкий, хорошо построенный дом из тесаных бревен, тщательно прошпаклеванных; все щели были промазаны известью. Крыша из кедровой дранки, выступая над карнизом, защищала стены от дождя.

Такой дом в этой местности называют «двойным», так как посередине его — широкий проход, по которому мог бы проехать воз с сеном. Этот внутренний проход имел такие же крышу и потолок, что и дом, и такой же пол из крепких досок. Поднятый на фут от земли, пол выдавался вперед, образуя крыльцо или веранду, легкую крышу которой поддерживали резные столбики из кедра. Столбики и перила веранды были обвиты кустами роз, а также диким виноградом и другими вьющимися растениями, на которых почти круглый год распускались прекрасные цветы.

Дом выходил фасадом к реке и стоял, как я уже говорил, на западном берегу — на той же стороне, что и Пойнт Купе. Перед домом простирался луг; он тянулся ярдов на двести в сторону реки и кончался обрывом. Луг был окружен высокой изгородью; на нем рос кустарник и декоративные деревья. Большинство их было местного происхождения, но встречались и экзотические. Здесь росли магнолия, вся в крупных белых цветах, красная шелковица, катальпа с бледно-зелеными листьями, высокое тюльпановое дерево и апельсиновые деревца с блестящей листвой. На фоне яркой листвы этих деревьев выделялись темные конусообразные кедры и островерхие тисы. Тут были и финиковые пальмы и плачущие ивы, грациозно склоняющиеся над самой водой. Можно было увидеть и другие растения и деревья южного климата: большое мексиканское алоэ, юкку с узкими и длинными листьями, похожими на штыки, и карликовую пальму с веерообразными листьями. В гуще древесной листвы и над лугом порхало множество красивых, разнообразных птиц.

Проход, о котором уже упоминалось, представлял собой любопытную картину. Это был скорее зал. С обеих сторон по стенам его было развешено различное охотничье снаряжение: ружья, дробовики, подсумки, фляжки, охотничьи ножи и все виды капканов и сетей — короче говоря, все то, чем можно добывать диких обитателей земли, воздуха и

воды. На стене висели испанские и мексиканские седла, рога оленя и лося; на этих ветвистых рогах были развешаны волосяные уздечки. На полочках по стенам стояли искусно сделанные чучела редких птиц и четвероногих. Здесь были также застекленные ящики с расположенными в систематическом порядке бабочками и другими насекомыми, наколотыми на булавки. Иными словами, этот зал напоминал маленький музей.

Войдя внутрь дома, мы обнаружили бы там несколько просторных комнат, уютно обставленных и наполненных охотничьим снаряжением и различными предметами, относящимися к изучению естественной истории.

В одной из комнат мы увидели бы на стене барометр и термометр, старые часы над камином, саблю, пистолеты и книжный шкаф с ценными, тщательно подобранными книгами.

За домом находилась маленькая бревенчатая кухня, содержащая обычную кухонную утварь. Дальше тянулся крытый двор, на одном конце которого стояли амбар и конюшня. В конюшне помещались четыре лошади, а за перегородкой — несколько мулов. Во дворе наше внимание привлекла бы большая рыжая собака с длинными ушами, очень похожая на охотничью.

Издали этот дом можно было принять за дом богатого плантатора, но при ближайшем рассмотрении становилось очевидно, что это не так. Здесь не было ни негритянских лачуг, ни сахароварен, ни складов табака, которые неизбежны около жилища плантатора. Ничего подобного здесь не имелось. Не было перед домом и большого участка обработанной земли.

Темный кипарисовый лес, на фоне которого стоял дом, бросал тень почти до самых стен.

Ясно, что это не дом плантатора.

Что же это за дом и кто его обитатели?

Это дом охотника-натуралиста.

Глава II. ОХОТНИК-НАТУРАЛИСТ И ЕГО СЕМЬЯ

В 1815 году произошла знаменитая битва при Ватерлоо *note 1*, и в этом же году Наполеона Бонапарта сослали на остров Святой Елены. Многие французские офицеры, сторонники этого великого авантюриста, эмигрировали в Америку. Большинство из них, естественно, отыскивали французские поселения на Миссисипи, понастроили себе дома и остались там жить. Среди эмигрантов был один, по имени Ленди, бывший полковник стрелкового полка наполеоновской армии. Корсиканец по происхождению, он стал офицером французской армии только потому, что в молодости дружил с одним из родственников Бонапарта, а на самом деле его еще с юности гораздо больше привлекала наука, чем военная служба.

Во время испанской кампании Ленди женился на баскской девушке, которая родила ему троих детей — все трое сыновья. Мать умерла незадолго до битвы при Ватерлоо, поэтому, когда Ленди эмигрировал в Америку, его семья состояла только из троих сыновей.

Сначала Ленди отправился в Сент-Луис, но вскоре перебрался вниз по реке, к Пойнт Купе, в Луизиану, где купил себе дом, который мы только что описали, и поселился в нем.

Разрешите пояснить вам, что Ленди ни в коей мере не нуждался. Перед отъездом в Америку он продал доставшееся ему от отца имение на Корсике за такую сумму, которая давала ему возможность жить, не работая, где угодно. Ему не было необходимости избирать себе на новом местожительстве какое-либо ремесло или специальность. Чем же тогда было заполнено его время?

Сейчас я вам расскажу.

Ленди был образованным человеком. До вступления во французскую армию он изучал

Note1

Ватерлоо — селение в Бельгии, под Брюсселем; место исторического сражения (18 июня 1815 года), в котором Наполеон потерпел поражение от англо-голландских и прусских войск.

естественные науки. Он был натуралистом, а натуралист может найти себе занятие везде, получить ценные сведения и удовольствие там, где другие будут умирать от скуки и безделья.

Помните: «Камни поучают, а ручьи заменяют книги». Ленди не был кабинетным натуралистом. Как и знаменитый Одюбон *note 2*, он был увлечен внешним миром и любил брать уроки у самой природы. В Ленди сочетались страсть к охоте и тонкий вкус к научным исследованиям, и где бы он нашел лучшее место для всего этого, как не в долине Миссисипи, которая изобиловала природными дарами, представляющими интерес как для охотника, так и для ученого! С моей точки зрения, он выбрал для своего жилья как нельзя более удачное место.

Ленди не сидел без дела: он охотился, ловил рыбу, изготавливал чучела птиц и выделывал шкуры редких зверей, сажал и подрезал деревья, воспитывал своих мальчиков и тренировал собак и лошадей. Его мальчики помогали ему во всем, в чем могли. Был у него и еще один помощник — Гуго.

Кто такой был Гуго?

Сейчас я вам опишу его.

Гуго был француз — очень маленький француз, не выше пяти футов и четырех дюймов, чрезвычайно живой и подтянутый. У него был орлиный нос внушительных размеров и, несмотря на маленький рост, огромные усы, которые почти скрывали рот, это придавало Гуго довольно свирепый вид, что, в сочетании с военной выправкой и быстрыми, почти механическими движениями, сразу говорило о том, кто он такой, а именно — французский солдат. Он и в самом деле раньше был капралом стрелкового полка, где Ленди служил полковником. Об остальном вы легко догадаетесь: Гуго последовал в Америку за своим бывшим начальником, он жил теперь в его доме и был ему верным слугой. Редко можно было встретить натуралиста и не увидеть рядом с ним огромные усы. Если бы судьба надолго разлучила Гуго с его полковником, это убило бы старого капрала.

Конечно, Гуго всегда сопровождал своего хозяина на охоту. Мальчики тоже, как только научились держаться в седле, стали ездить с отцом в его научные и охотничьи экспедиции. Обычно, когда все уезжали на охоту, дом запирался, так как у Ленди не было ни домоправительницы, ни каких-либо других слуг. Дом оставался запертым на несколько дней, а иногда и недель, так как натуралист со своим маленьким отрядом предпринимал далекие экспедиции в окружающие леса. Они возвращались нагруженные добычей — шкурками птиц и зверей, растениями и редкими породами камней. После этого в течение нескольких дней они обрабатывали свои новые приобретения. Так Ленди и его семья проводили свое время.

Гуго был одновременно поваром, камердинером, грумом, дворецким и рассыльным. Я уже говорил, что никакой другой прислуги, ни мужской, ни женской, в доме не имелось — следовательно, Гуго выступал и в роли горничной. Однако его разнообразные обязанности были не так уж сложны, как может сначала показаться. Полковник отличался скромностью в своих привычках. Он приобрел ее, будучи солдатом, и воспитал сыновей в том же духе. Ленди ел простую пищу, пил только воду и спал на походной кровати, покрытой лишь одеялом и шкурой бизона. Белье стирала прачка из Пойнт Купе. Как видите, Гуго не так уж был занят домашними делами.

Маленький француз ежедневно совершал путешествие в поселок — на базар и на почту, откуда часто приносил письма. На многих из них красовались большие печати и герб принца.

Иногда пароход привозил бывшему полковнику посылки с научными книгами или с какими-то непонятными инструментами. Несмотря на все это, в жизни охотника-естествоиспытателя не было ничего таинственного.

Ленди не был человеконенавистником — он часто посещал деревню и любил поболтать

Note2

Одюбон Джон Джеймс (1780—1851) — американский ученый-орнитолог.

со старыми охотниками и другими деревенскими жителями. Крестьяне называли его за глаза «старым полковником» и относились к нему с уважением. Они только удивлялись вкусам натуралиста, которые казались им странными. Кроме того, их поражало, как это он ухитряется вести хозяйство без служанки. Но полковника не интересовали их догадки. Он лишь посмеивался над любопытными, оставаясь все в тех же хороших отношениях со своими деревенскими соседями.

По мере того как подрастали его мальчики, они тоже становились всеобщими любимцами. Они считались лучшими стрелками среди своих сверстников, могли соревноваться в верховой езде с любым, могли переплыть Миссисипи, умели управлять пирогой, бросать лассо и бить гарпуном крупную рыбу. Все это они проделывали совсем как взрослые. Это были настоящие маленькие мужчины. Простые крестьяне инстинктивно чувствовали над собой превосходство этих юношей, которые были образованны и прошли хорошую закалку; мальчики, однако, не были заносчивы и обходились со всеми очень приветливо. Все это вместе взятое заставляло окрестных жителей относиться к сыновьям Ленди с большим уважением.

Соседи приходили к полковнику только по делу. У него вообще не бывало гостей, за исключением кое-кого из давнишних знакомых по армии, которые жили в Новом Орлеане и примерно раз в год приезжали к нему поговорить о былых временах и попробовать его оленины. В таких случаях основной темой разговора был, конечно, «великий Наполеон». Как и все старые солдаты империи, Ленди боготворил Наполеона; но был один член семьи Бонапарта, к которому натуралист питал еще большее чувство, перешедшее в искреннюю дружбу: то был Шарль Люсьен, принц Музиньянский.

Не все Бонапарты были плохи — некоторые члены этой замечательной фамилии доказали миру, что они обладают благородством. Скромные изыскания принца Музиньянского в области естественной истории могут, однако, рассматриваться как победы в царстве природы, и, хотя их затмили более блестящие и кровопролитные триумфальные подвиги императора, труды принца все же дают ему больше права на благодарность и уважение со стороны человечества. Он-то и был подлинным героем натуралиста Ленди.

Многие годы полковник вел тот образ жизни, который мы описали. Но вот произошло событие, чуть не ставшее для него роковым.

Еще по время кампании на Пиренейском полуострове Ленди был ранен в ногу. Однажды, после падения с лошади, рана открылась, и возникла необходимость ампутировать ногу.

Жизнь Ленди была спасена, но он уже не мог больше наслаждаться охотой — ему оставались лишь более спокойные занятия натуралиста.

Ленди ходил, прихрамывая, на своей деревянной ноге по дому и лугу, подрезал деревья, ухаживал за своими четвероногими любимцами, которых завел себе немало. Гуго все время следовал за ним, как тень. Мальчики же по-прежнему отправлялись на охоту и собирали образцы для коллекций. Все шло своим чередом.

Такова была их жизнь, когда я впервые познакомился с натуралистом Ленди, его слугой Гуго и тремя сыновьями Ленди — мальчиками-охотниками, героями нашей небольшой книги.

Юный читатель, разреши мне познакомить тебя с ними поближе — я думаю, что ты полюбишь их всех троих и охотно побудешь некоторое время в их обществе.

Глава III. ПИСЬМО ПРИНЦА

Прекрасное весеннее утро. Мы приближаемся к дому и входим на лужайку через боковую калитку. Нам не надо заходить в дом, так как там никого нет. Погода слишком хороша, чтобы сидеть в помещении, но все члены семьи неподалеку от дома: они разместились на лужайке и на веранде.

Все заняты кто чем. Сам полковник кормит своих четвероногих подопечных. Гуго

помогает ему — носит корзинку с пищей.

Полковника можно назвать интересным мужчиной. Его волосы и усы белы как лунь, бороды он не носит; лицо цвета красноватой бронзы гладко выбрито, выражение его доброе, но мужественное. Ленди очень похудел за последнее время из-за ампутации ноги. Одежда его проста: желтая нанковая куртка, полосатая бумажная рубашка и широкие ярко-синие брюки. Широкополая панама защищает глаза от солнца. Ворот рубашки расстегнут, так как день теплый.

Гуго одет примерно так же, но материал его куртки и брюк грубее, а шляпа — из простых пальмовых листьев.

Посмотрите на Базиля, старшего мальчика. Он прикрепляет ремешки к охотничьему седлу, лежащему на земле возле него. Базилю семнадцать лет. Это милостивый юноша, хотя его и нельзя назвать красивым. У него мужественное лицо, и вся его фигура выражает силу. Волосы у него прямые, черные как смоль. Он больше своих братьев похож на итальянца. Он поистине сын своего отца — настоящий корсиканец. Базиль — «могущественный охотник» и любит охоту превыше всего на свете. Он любит охоту ради охоты и наслаждается ее опасностями. Он уже вышел из того возраста, когда ловят птиц и стреляют белок, — его честолюбие может быть теперь удовлетворено только охотой на кугуара, медведя или бизона.

Как не похож на него Люсьен, второй сын! Люсьен — изящный белокурый юноша; он больше похож на свою мать, которая была блондинкой, как многие из ее народа — басков. Люсьен страстно любит книги и науку. И сейчас он сидит на веранде с книгой. Он изучает естественную историю, и его любимые науки — ботаника и геология, в которых он достиг больших успехов. Люсьен сопровождает Базиля во всех охотничьих экспедициях, но в разгар самой отчаянной погони может вдруг соскочить с лошади, если ему на глаза попадет редкое растение, цветок или необычный камень. Люсьен не очень разговорчив — не так, как большинство мальчиков, — но, обыкновенно молчаливый, он обладает редким здравым смыслом, и, если дает совет, совет этот обычно принимают с уважением. Таково скрытое воздействие интеллекта и образованности.

Следующий по возрасту и самый младший — Франсуа, умный кудрявый мальчуган, безудержно веселый, всегда жизнерадостный, непостоянный в своих вкусах и привязанностях, многосторонний в своих талантах — короче говоря, больше француз, чем кто-либо из братьев. Франсуа — знаменитый ловец птиц. В настоящий момент он чинит свои сети, и его двустольный дробовик, который он только что закончил чистить, лежит рядом. Франсуа — всеобщий любимец, он доставляет немало хлопот Гуго, над которым вечно подшучивает.

В то время как натуралист и его семья были заняты каждый своим делом, с низовьев реки послышался громкий гул. Он немного напоминал пушечную стрельбу, хотя звуки были мягче и глуше.

— Пароход! — воскликнул Франсуа, услышавший его первым.

— Да, — сказал Базиль. — Я думаю, что он идет из Нового Орлеана в Сент-Луис.

— Нет, — спокойно возразил Люсьен, поднимая голову от книги, — это судно из Огайо.

— Откуда ты знаешь, Люс? — спросил Франсуа.

— По свистку, конечно. Я узнаю его. Это «Олений глаз» — почтовое судно, идущее в Цинциннати.

Вскоре над деревьями стало видно белое облако пара, а затем из-за излучины реки показалось большое судно, рассекающее коричневую воду. Через несколько минут пароход был уже против лужайки и действительно оказался, как и говорил Люсьен, почтовым пароходом «Олений глаз». Люсьен воспринял свой триумф с присущей ему скромностью.

Прошло всего несколько минут, и от Пойнт Купе послышался громкий, пронзительный свисток. Пароход причаливал.

— Гуго! — обратился к слуге полковник. — Может быть, что-нибудь есть для нас —

пойди посмотри.

Не мешкая, Гуго отправился выполнять поручение. Он был хороший ходок и вернулся быстро. В руках он держал письмо, внушительное по величине и виду.

— От принца Люсьена! — воскликнул Франсуа, который везде должен был быть первым. — Это от принца, папа, — ведь это его печать!

— Успокойся, Франсуа, успокойся! — строго сказал отец, ковляя к веранде, чтобы взять очки.

Письмо было распечатано и прочитано.

— Гуго! — крикнул полковник, закончив читать.

Гуго ничего не ответил, но предстал перед своим хозяином, по-военному отдавая честь.

— Гуго, тебе придется съездить в Сент-Луис.

— Слушаюсь, полковник.

— Ты отправишься с первым же пароходом.

— Слушаюсь, полковник.

— Ты должен добыть мне шкуру белого бизона.

— Это не составит труда, месье.

— Боюсь, что это труднее, чем ты думаешь.

— За деньги, месье?

— Да, даже за деньги, Гуго. Слушай: мне нужна шкура, не просто мех, а настоящая шкура — с головой, ногами, вся целиком, чтобы можно было сделать чучело.

— А-а, полковник! Это другое дело.

— Боюсь, что это будет очень нелегко... — задумчиво произнес полковник. — Я сомневаюсь, удастся ли вообще ее достать. Но нет, мы должны это сделать во что бы то ни стало! Да, во что бы то ни стало!

— Сделаю все, что в моих силах.

— Заходи в каждый меховой магазин в Сент-Луисе, наведи справки среди охотников и трапперов *note 3* — ты знаешь, где их найти. Если из этого ничего не получится, помести объявление в газетах на английском и французском языках. Сходи к коммерсанту Шото, куда угодно... Не считайся с расходами, но достань мне шкуру!

— Будьте спокойны, полковник, все будет исполнено.

— Тогда готовься в путь. Возможно, еще сегодня пойдет пароход... Тш-ш! Я слышу, он уже идет, и, может быть, как раз в Сент-Луис.

Некоторое время все стояли молча, прислушиваясь. Ясно был слышен шум парохода, идущего вверх по реке.

— Он действительно идет в Сент-Луис, — сказал Люсьен. — Это «Красавица Запада».

Люсьен обладал способностью определять по свистку название почти каждого парохода, курсирующего по Миссисипи.

Через полчаса показался пароход, и все увидели, что Люсьен опять прав: пароход шел в Сент-Луис и назывался «Красавица Запада».

Гуго не надо было долго собираться. Пароход не успел поравняться с домом, а маленький француз уже все собрал, получил от своего хозяина еще несколько инструкций и кошелек с деньгами и отправился в Пойнт Купе, чтобы встретить пароход у причала.

Глава IV. СБОРЫ НА БОЛЬШУЮ ОХОТУ

Прошло целых три недели, прежде чем Гуго вернулся. Для старого полковника, который волновался, что Гуго не удастся выполнить поручение, это были долгие недели.

Ленди написал ответ принцу Бонапарту и обещал постараться добыть шкуру белого бизона; принц просил его в письме именно об этом. Полковник ни за что на свете не хотел

Note3

Траппер — охотник па пушного зверя в Америке, пользующийся чаще всего западнями.

бы нарушить свое обещание, и неудивительно, что во время отсутствия Гуго он все время испытывал беспокойство и нетерпение.

Наконец, поздно вечером, Гуго вернулся. Полковник не мог дождаться, когда тот пойдет в дом, и встретил его в дверях со свечой в руке. Вопросы были излишни: ответ был написан на лице Гуго. Сразу стало ясно, что он не достал шкуру. Вид у него был совершенно убитый; огромные усы его, казалось, поблекли и обвисли.

— Не достал? — спросил полковник упавшим голосом.

— Нет, полковник, — пробормотал в ответ Гуго.

— Ты всюду пытался?

— Всюду.

— Ты давал объявления в газетах?

— Во всех газетах, месье.

— И предлагал высокую цену?

— Да, но это ни к чему не привело. Я не достал бы шкуры белого бизона, даже если бы предложил в десять раз больше. Я не смог бы достать ее и за тысячу долларов.

— Я бы дал пять тысяч!

— Это не помогло бы, месье: ее нельзя достать в Сент-Луисе.

— А что говорит Шото?

— Что очень мало шансов найти то, что вам нужно. Он говорит, что можно проехать по всем прериям и так и не встретить белого бизона. Индейцы ценят белых бизонов превыше всего, и, когда им попадается случайно белый бизон, они уж его не упустят. У одного торговца мехами я сыскал две-три шкуры, но это не то, что вы хотели, месье: это только мех, но даже и за него просили порядочную сумму.

— Нет, это не годится. Шкура нужна для другой цели — для большого музея. Боюсь, что мне не раздобыть ее. Уж если нельзя достать в Сент-Луисе, тогда где же еще...

— Где еще, папа? — прервал Франсуа, который вместе с братьями стоял и слушал весь этот разговор. — Где же еще, как не в прериях!

— В прериях... — машинально отозвался его отец.

— Да, папа. Пошли Базиля, Люсьена и меня — мы найдем тебе белого бизона, я ручаюсь!

— Bravo, Франсуа! — воскликнул Базиль. — Ты прав, брат, — я и сам хотел это предложить.

— Нет-нет, мальчики мои! Вы слышали, что говорит Шото? Нечего и думать об этом. Ее нельзя достать... А я-то написал принцу, я обещал ему!

Лицо и жесты старого полковника выражали разочарование и огорчение. Люсьен, с болью заметивший это, сказал:

— Папа, Шото правда имеет большой опыт в торговле мехами, но он сам себе противоречит. (Люсьен, как вы, наверно, заметили, был очень рассудителен.) Гуго видел две-три шкуры в Сент-Луисе, — кто-то должен же был найти животных, которым принадлежали эти шкуры! К тому же Шото утверждает, что они высоко ценятся индейскими вождями, которые часто носят их в качестве одежды. Это доказывает, что белые бизоны в прериях есть. Почему же мы не можем напасть на них, как другие?.. Франсуа и Базиль, поедem искать их!

— Войдем в дом, дети мои, — сказал отец, явно обрадованный и до некоторой степени утешенный предложением сыновей. — Войдем в дом... Мы обсудим это после ужина.

С этими словами старый полковник, ковыляя, вошел в дом. За ним шли трое его мальчиков, а Гуго, измученный и голодный, замыкал шествие.

За ужином и после него вопрос обсудили со всех сторон. Отец с самого начала был склонен дать согласие на предложение сыновей, а они, особенно Базиль и Франсуа, горячо доказывали ему осуществимость своего замысла.

Едва ли надо говорить вам, чем все это завершилось. В конце концов полковник дал согласие: было решено, что мальчики немедленно отправятся в экспедицию на поиски белого

бизона.

Натуралист согласился по двум причинам: он жаждал доставить удовольствие своему другу-принцу и был втайне доволен, что сыновья проявили такую храбрость и решительность. Не в его характере было препятствовать их замыслам и охлаждать их пыл. Недаром он часто хвастал перед соседями и друзьями, как он воспитал и закалил детей, и называл их своими маленькими мужчинами. Насколько это было в его силах, полковник действительно растил их так, что они были подготовлены к самостоятельной жизни. Он научил их ездить верхом, плавать, нырять, бросать лассо, лазить на высокие деревья, взбираться на отвесные утесы и метким выстрелом из лука или ружья сбивать птицу на лету, а зверя — на бегу. Он приучил их спать на открытом воздухе, в дремучих лесах, в голой прерии, в непогоду, прямо на земле, — где угодно, пользуясь вместо постели лишь одеялом и шкурой бизона. Приучил питаться самой простой пищей и дал знания в области практической ботаники, к которой привил им большую любовь, особенно Люсьену. Это давало им возможность в случае необходимости использовать в пищу растения и деревья, корни и фрукты — короче говоря, находить средства к существованию там, где несведущий человек умер бы с голоду.

Мальчики знали, как добыть огонь даже без помощи кремня, огнива или пороха. Они умели определять направление без компаса — по скалам, деревьям, солнцу и звездам. Кроме того, они были обучены в пределах знаний того времени географии той необъятной пустыни, которая простиралась от их дома до далеких берегов Тихого океана.

Полковник знал, что может спокойно отпустить сыновей в прерию. И правда, он согласился на эту экспедицию, испытывая при этом скорее гордость, чем беспокойство. Но, пожалуй, больше всего им руководило другое чувство. Его вдохновляло честолюбие естествоиспытателя; он думал о том, какой будет триумф — послать в большой европейский музей такой редкий экспонат. Если когда-нибудь, мой юный читатель, ты станешь натуралистом, ты поймешь нашего охотника-естествоиспытателя.

Сначала Ленди предложил, чтобы мальчиков сопровождал Гуго, но они не желали и слышать об этом и все трое яростно воспротивились: они и думать не могут о том, чтобы взять Гуго. Гуго нужен отцу дома, а им без него будет даже лучше, — заявили мальчики. Они свободно обойдутся без посторонней помощи.

На самом же деле молодые, честолюбивые охотники не желали делить свою славу ни с кем, хотя Гуго вряд ли оказался бы их соперником на охоте — он не был ни охотником, ни даже воином, несмотря на то что служил в свое время конным стрелком и носил такие воинственные усы.

Старый полковник хорошо знал все это и не очень настаивал на том, чтобы Гуго ехал вместе с мальчиками.

Гуго блистал талантами в другой сфере — на кухне. Тут он был как у себя дома. Он умел приготовить омлет, фрикасе из цыпленка или утку с оливками не хуже самого лучшего повара, но не чувствовал ни малейшей склонности к охоте, хотя в течение многих лет сопровождал своего хозяина и его сыновей в их охотничьих странствиях. Гуго ужасно боялся медведей и кугуаров, не говоря уже об индейцах. О, индейцы!..

Ты будешь поражен, мой юный читатель, когда я скажу тебе, что в прериях живет и бродит около пятидесяти воинственных племен. Многие из них — заклятые враги белых. Они убивают белых везде, где бы ни встретили, так, как ты убил бы бешеную собаку или ядовитого паука.

Узнав это, ты будешь поражен, что старик-отец согласился отпустить сыновей в такую опасную экспедицию. Это кажется невероятным, не правда ли?

Действительно, в это трудно поверить: ведь полковник горячо любил своих детей — он дорожил ими, может быть, не меньше, чем собственной жизнью, — и тем не менее едва ли можно было найти лучший способ избавиться от них, нежели отпустить их одних в прерию.

На что же он рассчитывал? На их возраст? Нет. Он слишком хорошо знал индейцев, знал, что возраст не будет принят во внимание, если только мальчики повстречаются с

каким-нибудь племенем, враждующим с белыми. Правда, индейцы, возможно, не оскальпировали бы их, учитывая, что это все же почти дети, но наверняка взяли бы их в плен, из которого те, вероятно, никогда не вернулись бы. А может быть, отец предполагал, что они продвинутся не дальше той территории, на которой живут дружественные племена? Нет, он не мог этого предположить. Ведь тогда они не смогли бы выполнить свою задачу. В такой местности они бы встретили очень мало бизонов, так как хорошо известно, что бизонов можно найти в большом количестве только в тех местах прерий, которые называются «военной тропой» — то есть там, где охотятся несколько враждующих между собой племен. Бизонов там больше, чем где бы то ни было, поскольку охотников в этих местах меньше, так как они боятся столкновений с чужими племенами. На той же территории, которая целиком находится во владении одного какого-нибудь племени, бизонов очень скоро убивают или они сами покидают ее из-за непрерывной охоты на них.

В прериях всем охотникам хорошо известно, что там, где много бизонов, много и опасностей, тогда как обратное бывает редко. На нейтральных или военных тропах индейцев вы можете встретить дружественное племя, а на следующий день — попасть в руки к врагам, которые снимут с вас скальп в мгновение ока.

Отец наших троих мальчиков-охотников знал все это не хуже меня. Как же понять его явно неразумный поступок, почему он разрешил им рисковать своей жизнью? Это действительно было бы совсем непонятно, если бы не тайна, о которой я расскажу вам потом.

Пока что я могу сказать только, что, когда мальчики уже сели на коней и готовы были отправиться, полковник подошел к ним и, вынув из кармана маленький кожаный мешочек, отделанный крашеными иглами дикобраза, подал его Базилу со словами:

— Никогда не расставайся с этой вещью. Ваша жизнь может зависеть от нее... С Богом, мои храбрые мальчики! До свиданья!

Базиль перекинул на шею ремешок и, привязав к нему мешочек, спрятал его на груди под рубашкой. Пожав руку отцу и прищипорив коня, он быстро ускакал.

Люсьен поцеловал отца, грациозно помахал рукой Гуго и последовал за Базилем.

Франсуа немного задержался; подъехав к Гуго, он потянул его за длинный ус, что заставило бывшего солдата усмехнуться. Звонко расхохотавшись, Франсуа повернул свою лошадку и поскакал вслед за братьями.

Полковник и Гуго некоторое время стояли и смотрели им вслед.

Когда мальчики-охотники достигли опушки леса, все трое остановились, повернулись в седлах и, сняв шляпы, прокричали прощальное приветствие. Полковник и Гуго крикнули им в ответ. Когда снова все утихло, донесся голос Франсуа:

— Не беспокойся, папа, мы привезем тебе белого бизона!

Глава V. ЛАГЕРЬ МАЛЬЧИКОВ-ОХОТНИКОВ

Наши юные искатели приключений повернули на запад и скоро ехали уже под сенью величественного леса. В те времена на запад от Миссисипи было очень мало поселений белых. Единственными признаками цивилизации были разбросанные по берегам реки маленькие города, расчищенные для обработки участки земли и хижины скваттеров *note 4*. После одного дня пути на запад все это оставалось позади, и путешественник попадал в лабиринт болот и лесов, которые простирались перед ним на сотни миль. Правда, еще дальше на запад, по притокам Миссисипи, иногда встречались селения, но большая часть ландшафта представляла собой дикую местность.

Примерно через час наши путешественники были уже далеко от селений, окружавших Пойнт Купе, и продвигались по лесным тропинкам, по которым редко проходил кто-нибудь,

Note4

Скваттер — человек, поселившийся на государственной земле с целью ее приобретения.

кроме индейцев или местных охотников. Мальчики хорошо знали эти тропинки — они часто бывали здесь и прежде во время охоты.

Не буду подробно описывать все события, происшедшие в пути. Это займет слишком много времени и утомит вас. Я подведу вас прямо к тому месту, где они впервые остановились, чтобы расположиться лагерем на ночь.

Это была одна из тех небольших лужаек, которые часто встречаются в лесах к западу от Миссисипи. Она представляла собой около акра земли, поросшей травой и цветами, среди которых можно было заметить подсолнечник и синий лупинус. Лужайку окружали высокие деревья, и, судя по их листве, здесь росли многие породы. Это можно было определить и по их стволам, так как все они были разные. У одних деревьев стволы были гладкие, а у других растрескавшаяся кора свисала завитками в фут длиной. Красивые тюльпановые деревья было легко отличить по их прямым, как колонны, стволам, которые распиливают, как вы, наверно, видели, на длинные доски для обшивки. Плотники и строители называют это дерево белым тополем. Название «тюльпановое дерево» происходит от его цветов, формой и размером очень напоминающих тюльпаны: цветы эти — зеленовато-желтого цвета, с оранжевым отливом. Больше всего на этой поляне было именно таких деревьев. Кроме того, сразу бросались в глаза магнолии с большими, словно восковыми, листьями и цветами. Тут можно было увидеть и высокий сахарный клен, а пониже — раскидистый конский каштан с красивыми оранжевыми цветами и заросли орешника гикори. Огромные ползучие растения обвивали стволы и тянулись от дерева к дереву. На одной стороне лужайки виднелись толстые стебли тростника, похожего на высокую траву. Лес на другой стороне был намного реже — очевидно, в свое время пожар уничтожил весь подлесок в этом направлении. Веерообразные листья карликовых пальм и листья юкки придавали всей местности южный, тропический характер.

Юные охотники сделали привал часа за два до захода солнца, чтобы заблаговременно разбить лагерь. Примерно через полчаса лужайка представляла собой следующую картину.

Около опушки стояла маленькая брезентовая палатка в виде белого конуса, или пирамиды. Полог палатки был откинут, так как вечер был теплый. В палатке никого не было. Немного в стороне лежали на траве три седла. Это были мексиканские седла с высокой лукой; стремена их были стальные — не грубые деревянные, которые обычно так уродуют мексиканские седла. Рядом с седлами находился какой-то странный предмет: он напоминал гигантскую книгу, слегка приоткрытую и поставленную корешком вверх. Это было седло для вьючных животных, тоже мексиканское, называемое в этой местности «альпареха». На седле была крепкая кожаная подпруга с ремнем, который не позволял ему съезжать на шею животного.

Недалеко от седел на траве лежало несколько красных и зеленых одеял и шкуры медведя и бизона. На ветке висели кнуты, уздечки, бутылки из тыквы и шпоры. К стволу тюльпанового дерева, возвышавшегося рядом с палаткой, были прислонены три ружья. Два из них — карабины, один намного длиннее другого, третье — двуствольный дробовик. Патронташи и рога с порохом свисали с ружей на ремнях, перекинутых через шомпола.

С другой, подветренной стороны палатки горел костер. Его зажгли недавно, и он разгорался, потрескивая. По сильному красному пламени видно было, что это горит гикори — дерево, лучше всех других пригодное для костров, хотя для того, чтобы разжечь костер, мальчики воспользовались сухими ветками более легко воспламеняющихся деревьев.

По обеим сторонам костра в землю были воткнуты развилками вверх две палки, между которыми была перекинута еще одна, свежесрезанная, палка. На ней висел над огнем железный походный котелок, в котором уже начинала закипать вода. Вокруг были разбросаны сковородки, жестяные миски, пакеты с мукой, вяленным мясом и кофе, кофейник из прочного олова, небольшая лопата и легкий топорик с изогнутым топоричем из орехового дерева.

Это неодушевленные детали картины. Теперь перейдем к одушевленным.

Прежде всего — наши герои, три мальчика-охотника: Базиль, Люсьен и Франсуа.

Базиль был занят палаткой, вбивал в землю колышки. Люсьен следил за костром, который он только что развел. Франсуа ощипывал диких голубей, подстреленных им по дороге. Все трое были одеты по-разному. Одежда Базиля была вся из оленьей кожи, за исключением шапки, сделанной из шкуры енота.

Шапка была украшена полосатым хвостом енота, свисавшим до плеча, словно страусовое перо. Капюшон охотничьей куртки был по краям отделан бисером. Куртка в талии была перехвачена ремнем, с которого свешивались охотничий нож в ножнах и маленькая кобура с поблескивающей из нее рукояткой пистолета. На ногах у Базиля были искусно расшитые вдоль швов гамашы из оленьей кожи и мокасины. Он был одет, как заправский лесной охотник, только белье его было тоньше и чище, а вышивка на куртке сделана с большим вкусом, чем у профессионального охотника.

Одежда Люсьена была небесно-голубого цвета: не то блуза, не то охотничья куртка и брюки из плотной хлопчатобумажной материи. На ногах у него были сандалии со шнурками, а на голове — широкополая панама. В общем, наряд его не выглядел так воинственно, как у старшего брата, но и у него на ремне тоже висел с одной стороны нож, а с другой — вместо пистолета маленький томагавк.

Люсьен носил томагавк не для того, чтобы убивать им кого-нибудь, — нет, он носил этот топорик, чтобы раскалывать не черепа, а скалы. Это был томагавк геолога.

Франсуа был еще в школьной курточке и брюках. Брюки были заправлены в краги, на ногах надеты мокасины; из-под суконной шапочки выбивались пышные кудри. На поясе у него тоже висел охотничий нож, а на левом бедре — маленький пистолет.

Ближе к середине поляны паслись три лошади, привязанные лассо к колышкам так, чтобы они не мешали друг другу.

Все три лошади были разные. Одна — большая караковая, с примесью арабской крови, очень сильная и норовистая. Это был конь Базиля, заслуженно пользовавшийся большой любовью мальчика. Звали его Черный Ястреб — в честь знаменитого вождя племени Лисиц, друга старого полковника, с которым тот познакомился во время посещения им племени индейцев.

Вторая лошадь была самая обыкновенная, гнедая, из породы, известной под названием «коб» *note 5*. Это было тихое, спокойное животное; во внешности ее не было ничего охотничьего или воинственного. Лошадь была упитанная и лоснящаяся, как дородный горожанин, поэтому ее звали Буржуа. Она, конечно, принадлежала спокойному Люсьену.

Третью лошадь можно было бы назвать пони, если принять во внимание ее рост, — она была намного меньше других.

Однако это была настоящая лошадь и по сложению и по нраву, одна из представительниц той породы низкорослых, но горячих лошадок, которых привезли в Новый Свет испанские завоеватели. Эти лошади известны теперь по всей западной части страны под названием мустангов.

Так как я буду еще говорить об этих красивых существах, то сейчас отмечу только, что этот маленький мустанг был пятнистый, как леопард, и отзывался на кличку «Кошка», особенно когда его звал Франсуа, ибо это была его лошадь.

Немного поодаль от лошадей стояло другое животное, грязно-серого цвета, с белыми подпалинами на спине и на боках. Это был настоящий мексиканский мул, упрямый и злой, как всякий представитель данной породы. Звали мула Жаннет — это была самка.

Жаннет привязали на некотором расстоянии от лошадей, чтобы они не могли лягнуть друг друга, потому что мул и мустанг были не в особенно дружеских отношениях.

Жаннет и являлась обладательницей странного выючного седла. Ее долгом было возить палатку, провизию, снаряжение и утварь.

На лужайке можно было видеть еще одно живое существо — собаку Маренго. По росту

Note5

Коб — невысокая, коренастая лошадь.

и коричневато-рыжему цвету ее можно было принять за кугуара, однако длинная темная морда и широкие висячие уши указывали на то, что это сильное животное — охотничья собака, помесь ищейки с догом. Собака примостилась около Франсуа в ожидании потрохов птиц, которых он сейчас ощипывал.

Ну вот, юный читатель, теперь перед тобой полная картина ночного лагеря мальчиков-охотников.

Глава VI. РЫЖАЯ БЕЛКА В ЗАПАДНЕ

Франсуа вскоре закончил ощипывать голубей и погрузил их в кипящую воду. Он добавил кусок вяленого мяса, соли и перцу, которые достал из мешка с запасами, так как хотел приготовить из голубей суп. Затем он смешал с водой немного муки, чтобы подправить его.

— Как жаль, — сказал он, — что у нас нет овощей!

— Подожди! — воскликнул Люсьен. — По-моему, в этой местности есть много всякой зелени. Дай я посмотрю — может быть, найду что-нибудь.

С этими словами Люсьен пошел по лужайке, внимательно глядя себе под ноги. Не найдя ничего подходящего среди трав, он направился к берегу маленького ручья, протекавшего поблизости.

Через несколько минут Люсьен уже возвращался, неся целую охапку овощей. Он молча бросил их перед Франсуа.

Овощи были двух видов: одни напоминали мелкую репу и действительно были индейским турнепсом, а другие — дикий лук, который часто встречается в Америке.

— Ого! — воскликнул Франсуа, сразу узнав их. — Какая удача! Честное слово, это репа и дикий лук. Теперь я сварю такой вкусный суп!

И он весело принялся резать овощи и кидать их в дымящийся котел.

Скоро мясо и голуби сварились, и суп был готов. Котелок сняли с огня, и три брата, усевшись на траве, наполнили жестяные миски и приступили к еде.

У них был запас серого хлеба на несколько дней. Когда хлеб кончится, они должны будут сами печь его из муки, которую взяли с собой в мешке, а когда и мешок истощится, они намеревались обходиться совсем без хлеба, как им частенько приходилось делать и раньше во время подобных экскурсий.

Пока мальчики наслаждались супом из голубей и обглаживали косточки жирных птиц, внимание всех троих внезапно привлекло какое-то движение на одной стороне поляны. Они заметили, как что-то, точно вспышка желтого света, мелькнуло вверх от земли. Все трое догадались, что это молниеносный прыжок белки по стволу дерева. А вот и сам зверек. Он вплотную прижался к стволу, замерев на мгновение, как обычно делают белки перед следующим прыжком.

— Смотрите-ка, — воскликнул Люсьен приглушенным голосом, — это рыжая белка, и какая красавица! Видите — она вся в отметилах, как пятнистая кошка. Папа дал бы двадцать долларов за такую шкурку!

— Она обойдется ему гораздо дешевле, — отозвался Франсуа, подкрадываясь к своему ружью.

— Стой, Франсуа, — сказал Люсьен. — Пусть Базиль попробует выстрелить — он стреляет лучше тебя.

— Хорошо, — ответил Франсуа. — Но если он промахнется, не мешает быть наготове.

Базиль уже поднялся и молча стал пробираться к ружьям. Подойдя к ним, он взял самое длинное и повернулся к белке. В это же время Франсуа вооружился своей двустволкой.

Дерево, по которому побежала белка, было мертвым — гнилое тюльпановое дерево, поврежденное молнией или бурей. Оно стояло немного поодаль от других, на открытом месте. Кругом почти ничего не росло. Голый ствол возвышался, как колонна, высотой в шестьдесят футов. Все сучья были сломаны ветром, за исключением одного, который, точно

длинная рука, протягивался вверх по диагонали. Этот сук, изогнутый и расщепленный в нескольких местах, был не очень толстый; на нем не было ни веток, ни листьев; он был сухой, как и все дерево.

В то время, когда Базиль и Франсуа готовились к выстрелу, белка сделала еще прыжок и оказалась на конце сука, где и уселась в развилке, как бы любуясь закатом солнца. Лучшей мишени нельзя было и желать, тем более что мальчики могли подойти достаточно близко: зверек, казалось, не обращал внимания ни на них, ни на лошадей. Очевидно, на него никогда не охотились.

Белка сидела на задних лапках, подняв вверх и распушив, словно веер, пушистый хвост. Можно было подумать, что она наслаждается теплыми закатными лучами.

Мальчики осторожно продвигались по краю поляны. Базиль шел впереди. Когда он был уже на расстоянии выстрела, прицелился и хотел спустить курок, белка, которая до сих пор не замечала охотника, вдруг вздрогнула, будто испугавшись, опустила хвост и побежала по суку. Футах в двух от верхушки дерева она остановилась и распласталась на стволе.

Что могло испугать ее? Не мальчики, потому что она до этого не обращала на них внимания. К тому же белка все еще была на виду, по-прежнему представляя собой хорошую мишень. Если бы она испугалась охотников, она бы, как все белки, спряталась за стволом, — но нет, она не боялась их, так как лежала, прижавшись к стволу и подняв голову; по ее движениям было видно, что она опасается какого-то врага сверху.

Так это в действительности и было, потому что в воздухе прямо над деревом кружила большая хищная птица.

— Стой! — прошептал Люсьен, кладя руку на плечо Базиля. — Стой, брат! Это краснохвостый ястреб. Смотри, он хочет снизиться. Понаблюдаем за ним.

Базиль опустил ружье, и все трое стояли в ожидании.

Над головами мальчиков была раскидистая ветка, и птица не видела их или, может быть, поглощенная тем, чтобы заполучить свою добычу, не обращала на них в этот момент внимания.

Едва Люсьен кончил говорить, как ястреб, который до этого парил, широко раскинув крылья, вдруг сложил их и с громким «уиш-ш» устремился вниз. Ястреб упал почти перпендикулярно, чуть не коснувшись белки, и все трое, когда он снова взлетел, посмотрели, не держит ли он ее в когтях. Однако он промахнулся. Белка была настороже и, когда ястреб устремился вниз, с быстротой молнии обогнула ствол.

Управляя хвостом, как рулем, ястреб вскоре повернул и подлетел к другой стороне дерева, где теперь находилась белка. Несколько взмахов сильных крыльев быстро помогли ему набрать прежнюю высоту, и он снова ринулся вниз, на намеченную жертву. Белка опять увернулась и перебежала на другую сторону ствола. Ястреб еще раз повернул, поднялся, кинулся вниз на добычу, промахнулся и взмыл кверху. Четвертая попытка оказалась столь же безуспешной, и птица опять взлетела в небо и продолжала кружить над деревом.

— Странно, что рыжая плутовка не перескакивает на другое дерево, — пробормотал Франсуа. — На дерево с густой листвой, которая закрыла бы ее, или на то дерево, где у нее гнездо, — там она была бы в безопасности.

— Она как раз это и хочет сделать, — ответил Люсьен. — Но смотри, враг прямо над ней. Вблизи нет ни одного дерева, и, если она попытается бежать по открытому месту, ястреб сейчас же схватит ее. Ты видел, как он стремительно падал?

В самом деле, белка поглядывала на соседние деревья с большим беспокойством. Хотя ей до сих пор и удавалось ускользать от врага, она все же была очень напугана. Как только ястреб снова поднялся над деревом на несколько ярдов, он опять начал кружить, издавая странный крик. То был не пронзительный крик, который часто можно услышать у этих птиц, а крик другого рода — будто он звал товарища. Так и оказалось. Через несколько минут из глубины леса послышался ответ, и в следующее мгновение другой ястреб, такой же краснохвостый, но намного крупнее, уже парил в вышине. Это явно была его подруга, так как самки этих птиц всегда намного крупнее самцов.

Теперь птицы вдвоем стали кружить над деревом, пересекая орбиты полета друг друга и глядя вниз. Белка, казалось, перепугалась еще больше — она хорошо понимала их намерения. Она начала бегать вокруг ствола, время от времени поглядывая по сторонам, как будто хотела спрыгнуть с дерева и кинуться в густой лес.

Ястребы не дали белке долго раздумывать. Тот, который был поменьше, снизился первым, но промахнулся, как и раньше, и лишь загнал ее за ствол. Испуганный зверек едва успел скрыться там, как большой ястреб, самка, со свистом налетел на него и заставил перебежать на другую сторону. Самец к этому времени повернул и кинулся вниз так неожиданно и с таким точным расчетом, что белка, будучи не в состоянии снова спрятаться за деревом, прыгнула в воздух. Ястреб последовал за ней и, прежде чем белка успела достичь земли, ринулся на нее. Затем с громким криком ястреб поднялся в воздух — в его когтях билась белка.

Однако триумф хищника продолжался недолго. Раздался треск дробовика, и оба — и ястреб и белка — тяжело упали на землю.

Почти одновременно прозвучал другой выстрел, и самка ястреба с перебитым крылом упала, кувыркаясь, вниз и затрепетала на траве, визжа, точно кошка. Франсуа ударом приклада скоро добил ее. Оба ствола его ружья были сейчас пусты, так как это он убил обоих краснохвостых ястребов.

Самое замечательное то, что белка не была убита ни выстрелом, ни падением. Наоборот, когда Люсьен наклонился, чтобы поднять ее, радуясь такой удаче, белка вдруг прыгнула, высвободилась из когтей мертвого ястреба и, кинувшись в лес, взобралась на высокое дерево. Все трое что было сил побежали за ней, но когда они достигли дерева (это был дуб пяти футов в обхвате), то увидели, к своему разочарованию, футов в пятидесяти от земли дупло, что и привело охоту за белкой к концу.

Глава VII. ФРАНСУА В ОПАСНОСТИ

Следующий привал наших охотников был у Реки Крокодилов. Этот заболоченный рукав Миссисипи, как и все реки Луизианы, представляет собой медленно текущий поток, который время от времени образует широкие пруды или озера. Он называется Рекой Крокодилов, так как в нем водится много аллигаторов, хотя в этом отношении он не так уж отличается от других рек Луизианы.

Мальчики выбрали место для лагеря на открытом участке берега, там, где рукав разливается в маленькое озеро. Оттуда открывался вид на все озеро, и вид этот был замечательный. По берегам озера возвышались огромные деревья — дубы и кипарисы; с их ветвей ниспадал, подобно серебряным нитям, испанский мох. Это придавало верхней части леса довольно угрюмый вид, и вся местность казалась бы мрачной, если бы не блестящая листва. То тут, то там сверкала на солнце большими белыми цветами, величиной с тарелку, зеленая магнолия.

Внизу рос густой тростник. Его высокие, похожие на пики бледно-зеленые стебли напоминали гигантскую пшеницу, когда она еще не выбросила колосья. Над тростником простирали свои серые ветви со светлой, не густой листвой камедные деревья. Изыщные пальмы поднимали вверх веера своих листьев, будто хотели защитить землю от палящих лучей солнца. Кое-где вода отражала причудливые очертания этих пальм.

Точно толстые канаты, с дерева на дерево протягивались дикий виноград, лианы и другие виды ползучих растений. Некоторые из них были покрыты густой листвой, другие пестрели замечательными цветами.

Красные колокольчики бигнонии, белые, точно звездочки, цветы вьюнков и алые лепестки болотной мальвы — смешение всех этих красок привлекало больших пестрых бабочек и красногрудых колибри, которые порхали среди нежных венчиков. Контраст с этими яркими пятнами составляли темные и мрачные места ландшафта. Деревья стояли здесь прямо в зеленой, тинистой воде. Прогалины леса позволяли видеть далеко вглубь.

Здесь не было подлеска ни из тростника, ни из карликовых пальм. Черные голые стволы кипарисов поднимались на сотню футов; с их сучьев свешивался седой плакучий мох. Можно было различить большие коряги, похожие на конусы или на деревья, стволы которых, сломавшись, воткнулись в землю. Иногда через эти мрачные прогалины протягивались огромные лианы, больше фута в диаметре, напоминая чудовищную змею, переползающую с дерева на дерево.

Озеро все кишело аллигаторами. Видно было, как они отдыхали на низких берегах или уползали в темное, зловещее болото. Некоторые тихо плыли по поверхности, и из воды высывались только их длинные гребни и точно зазубренные спины. В неподвижном состоянии эти уродливые существа напоминали засохшие деревья. Большинство из них лежали не шевелясь, отчасти из-за природной склонности к неподвижности, отчасти потому, что подкарауливали добычу. Лежащие на берегу держали пасти открытыми, время от времени закрывая их с громким лязганьем. Аллигаторы развлекались ловлей мух, которые, привлеченные запахом мускуса, летали вокруг ужасных челюстей и садились на липкие языки.

Некоторые аллигаторы ловили рыбу. Удары их хвостов по воде были слышны более чем на полмили. В лесной тишине раздавалось что-то похожее на кваканье жабы, но только очень громкое и страшное, как мычание быка; эти звуки издавали аллигаторы.

Это было устрашающее зрелище, но наши охотники привыкли к таким картинам и не испытывали страха.

Вокруг озера были и другие живые существа, гораздо более привлекательные. Вдали выстроились в ряд, как солдаты в строю, фламинго; их алое оперение сверкало на солнце. Недалеко от них находилась стая бело-черных журавлей, каждый высотой со взрослого человека; время от времени они издавали громкие трубные звуки. Здесь была и большая белая цапля с белоснежным опереньем и оранжевым клювом, и изящная луизианская цапля, и стайки светло-серых журавлей, которые казались на расстоянии стадом почти белых овец. Меланхолично стояли пеликаны. На шее у них виднелся толстый зоб, а клюв был похож на косу. Рядом можно было увидеть белых и красных ибисов и пурпурных водяных курочек.

Розовые колпики ходили по отмелям и ловили крабов и раков своими причудливыми клювами, а в ветвях деревьев сидела черная анхинга, жадно протягивая над водой длинную, змееподобную шею. В воздухе лениво кружила стая хищных сарычей, и два рыболова летали над озером, то и дело кидаясь вниз на добычу.

Вот что видели вокруг своего лагеря мальчики-охотники, — и такую картину можно часто наблюдать среди пустынных болот Луизианы.

Мальчики установили палатку на высоком берегу, где земля посуше. Место было открытое — там росло лишь несколько карликовых пальм. Животных привязали поблизости.

На ужин была оленина. Бьющий без промаха Базиль подстрелил самку оленя как раз перед тем, как они сделали привал. Базиль показал себя опытным мясником: олень был быстро освежеван и лучшие куски вырезаны на ужин и завтрак. Задние ноги оленя мальчики повесили на дерево, чтобы взять с собой, так как завтрашняя охота могла оказаться уже не столь успешной.

Все же осталось еще достаточно мяса на ужин для Маренго, и голодное животное с радостью воспользовалось этим обстоятельством. Собака знала, что во время подобных экспедиций не всегда попадают жирные олени, а если это и случается, то на ее долю редко приходятся такие порции.

Было еще рано — часа два до захода солнца, когда охотники закончили ужин, или, вернее сказать, обед, потому что они ничего не ели с утра, за исключением нескольких кусков, проглоченных всухомятку во время полуденного привала. Базиль занялся починкой упряжи мула, которая испортилась в дороге, а Люсьен вынул записную книжку и карандаш и, усевшись на шкуру бизона, начал записывать впечатления дня.

Франсуа, которому нечего было делать, решил побродить по берегу реки и пострелять фламинго, если ему посчастливится подойти к ним поближе. Он знал, что это будет нелегко,

но решил попробовать и, сказав братьям о своем намерении, вскинул ружье на плечо и ушел.

Франсуа вскоре скрылся из виду, войдя в густой прибрежный лес, через который пролегла узкая тропинка, притоптанная оленями и другими дикими животными. Он шел по тропинке, прячась за деревьями, чтобы фламинго, находившиеся в ста ярдах ниже по течению, не могли заметить его.

Не прошло и пяти минут со времени ухода Франсуа, как вдруг Базиль и Люсьен услышали выстрел и тут же — второй. Они знали, что это стреляет Франсуа, но в кого? Он не мог стрелять в фламинго, так как не успел еще подойти к ним. К тому же птицы были видны из лагеря. Все они, напуганные выстрелами, взлетели на верхушки деревьев.

Нет, Франсуа выстрелил не в фламинго. Тогда в кого же?

Этот вопрос с беспокойством задавали друг другу Базиль и Люсьен. Может быть, Франсуа наткнулся на оленя или на стаю индеек?

Так братья терялись в догадках, но вдруг из леса раздался страшный крик Франсуа. Базиль и Люсьен схватили ружья и побежали на поиски, но, прежде чем они успели достигнуть леса, на тропинке между деревьями показался сам Франсуа. Он бежал во весь дух. На пути перед ним лежал какой-то предмет, похожий на сухое дерево. Это не могло быть деревом, потому что оно двигалось. Это было живое существо — аллигатор! Он был огромный, футов двадцати в длину, и лежал прямо поперек дороги.

Базиль и Люсьен увидели аллигатора сразу, как только добежали до опушки. Они увидели также, что не он был причиной того, что Франсуа мчался с такой быстротой, потому что мальчик бежал прямо на аллигатора. Все мысли Франсуа были поглощены чем-то, что было позади, и он совсем не видел аллигатора, хотя братья кричали, чтобы предупредить его.

Франсуа все бежал и бежал и, споткнувшись о тело отвратительного пресмыкающегося, упал лицом вниз и выронил ружье. Однако он не ушибся и, вскочив на ноги, продолжал бежать. Выскочив из кустов, Франсуа крикнул, задыхаясь: «Медведь! Медведь!» Базиль и Люсьен вскинули ружья и посмотрели вдоль тропинки. Действительно, там был медведь, и он быстро приближался. Это в него стрелял Франсуа. Пустяковая рана только раздражила медведя, и, видя такого слабого врага, как Франсуа, он погнался за мальчиком.

Сначала юные охотники думали искать спасения в бегстве, но медведь был слишком близко и мог напасть на любого из них, прежде чем они добегут до лошадей и отвяжут их. Поэтому мальчики решили остаться на месте. Базиль, который уже бывал на медвежьей охоте, не очень боялся этой встречи. Он и Люсьен держали ружья наготове, чтобы устроить мишке теплый прием.

Медведь неуклюже подвигался вперед, пока не достиг места, где лежал аллигатор. Пресмыкающееся повернулось вдоль тропинки и стояло теперь на своих коротких ногах, раздуваясь, как кузнечный мех. Медведь, занятый погоней за Франсуа, ничего не видел, пока не наткнулся прямо на аллигатора, и тогда, издав громкое рычание, отпрыгнул в сторону. Это дало аллигатору ту возможность, которой он дожидался, и через мгновение его мощный хвост ударил медведя с такой силой, что было слышно, как затрещали мишкины ребра.

Медведь, который в другое время не тронул бы аллигатора, так разъярился от этого незаслуженного оскорбления, что повернулся и, ринувшись на нового врага, крепко обхватил его поперек туловища. Они катались по земле: один — рыча и храпя, другой — мыча, точно бык.

Неизвестно, как долго продолжалась бы эта борьба и кто оказался бы победителем, если бы они были предоставлены самим себе, но Базиль и Люсьен выстрелили оба и ранили медведя. Это заставило его ослабить хватку, и он, казалось, уже был не прочь удрать, но аллигатор схватил его лапу своими сильными челюстями и крепко держал, в то же время стараясь подтащить к воде. Медведь явно понял намерение врага и издавал громкие, жалобные вопли, визжа, как боров под ножом мясника. Но ничто не помогло: безжалостный противник добрался до берега, волоча медведя за собой, и втащил его в воду. Погрузившись, они оба исчезли из виду, и, хотя мальчики продолжали наблюдать еще около часа, ни зверь, ни пресмыкающееся не показались снова на поверхности. Медведь, без сомнения, сразу

захлебнулся, а аллигатор, задушив его, спрятал труп в ил, чтобы сожрать, когда проголодается.

Глава VIII. ОБ АЛЛИГАТОРАХ

Мальчики вернулись к палатке под впечатлением сцены, свидетелями которой только что были. Они легли на траву и начали разговаривать. Предметом их беседы были медведи и аллигаторы, однако больше всего они говорили об аллигаторах, об их своеобразных повадках. Юным охотникам было известно много необычайных историй об этих животных, — даже маленькому Франсуа, а Базиль, давно уже охотившийся на болотах и реках, довольно хорошо знал нрав аллигаторов. Но Базиль был не очень наблюдателен и замечал только те их особенности, с которыми иногда сталкивался во время охоты, в то время как Люсьен более тщательно наблюдал повадки аллигаторов и, кроме того, изучал их по книгам. Поэтому Люсьен был отлично знаком со всем, что знали натуралисты об этих животных, и по просьбе братьев согласился в часы, оставшиеся до сна, поделиться с ними своими знаниями.

— Аллигатор, — начал он, — принадлежит к отряду крокодилов, состоящему всего из одного семейства, которое так и называется «крокодилы» и разделяется на четыре группы видов.

— Сколько же всего видов? — спросил Базиль.

— Натуралистам известно немного больше двадцати видов. Крокодилы делятся на собственно крокодилов, гавиалов, аллигаторов и кайманов. Эта классификация основывается преимущественно на строении черепа и зубов. У собственно крокодилов длинные, остrokонечные, узкие морды и с обеих сторон нижней челюсти по большому зубу. Когда пасть закрывается, зубы входят в особые ямки в верхней челюсти. Гавиалы — тоже с длинной, узкой мордой, но утолщенной на конце, и зубы у них почти все одинаковые и ровные. У аллигаторов, напротив, широкие, плоские морды, но заостренные на конце, как у щук, и очень неровные зубы, а на нижней челюсти четвертый зуб очень большой; когда закрывается пасть, он входит в особое углубление в верхней челюсти. Известно пять видов собственно крокодилов. Четыре из них можно найти в реках Африки, а пятый обитает в Вест-Индии, Центральной и Южной Америке. Гавиалы водятся в Азии, особенно в Ганге и в других реках Индии. Аллигаторы встречаются в Америке — их много в Северной и в Южной Америке. Их близкая родня — кайманы, распространенные в Центральной и Южной Америке. Несомненно, когда великие реки Северной Америки будут лучше изучены, найдут еще какие-нибудь разновидности. Я слышал о видах, обитающих в озере Валенсия, в Венесуэле, и отличающихся от вышеупомянутых американских. Они гораздо меньше, и за ними усиленно охотятся индейцы из-за их мяса, которым индейцы очень любят лакомиться.

Итак, я думаю, вполне достоверно, что все эти разновидности семейства крокодилов имеют почти одинаковые повадки. Различие в них определяется климатом, пищей или другими обстоятельствами. Поэтому то, что я расскажу вам об аллигаторе, вы можете применить в большой мере и ко всем его чешуйчатым кузенам. Вы знаете, какого он бывает цвета: серовато-коричневый сверху и грязно-желтовато-белый снизу. Вы знаете, что аллигатор весь покрыт щитками и чешуей, и видели, конечно, что на спине эти толстые щитки образуют ряды пирамидок. На хвосте пластинки вытянуты в зубцы, и хвост выглядит зазубренным, словно пила. Заметьте, что хвост сплюснен вертикально, не так, как у бобра, у которого он плоский, горизонтальный. Лапы у аллигатора короткие и мускулистые. На передних — пять пальцев, на задних лапах — по четыре пальца, соединенных перепонкой. Голова аллигатора немного похожа на голову щуки. Ноздри расположены близко к концу морды. Глаза выдаются вперед, и сразу за глазами находятся ушные отверстия. Зрачки глаз темные, радужная оболочка — лимонного цвета, и зрачки не круглые, как у человека, а овальные, как у козы.

Все это вы можете заметить, глядя на аллигатора, но есть кое-что особенное в строении

этого животного, что вы не сразу обнаружите. Его челюсти, например, открываются очень широко и по-особому сочленены между собой. Благодаря такому сочленению, когда аллигатор открывает пасть, шея его слегка подается вверх, и кажется, что двигается верхняя челюсть, хотя на самом деле двигается нижняя.

— Да, я часто слышал, будто у крокодилов подвижна именно верхняя челюсть, — сказал Франсуа.

— Так думали и говорили больше тысячи лет. Однако это неверно. Двигается именно нижняя челюсть, как и у других позвоночных, но внешнее впечатление, как я уже говорил, ведет к этой ошибке, сделанной невнимательными наблюдателями. Есть еще один пункт, о котором стоит упомянуть. Каждое из ушных отверстий защищено парой клапанов, которые при погружении аллигатора в воду закрываются. Ноздри также защищены клапанами.

Тело аллигатора длинное, а ноги короткие; тяжелый и неуклюжий, он не в состоянии быстро поворачиваться на суше. Поэтому хищник не очень опасен на земле, если держаться подальше от его челюстей и могучего хвоста. Хвост — его основное оружие нападения и защиты, он очень подвижен, и аллигатор может одним его ударом сбить с ног и даже убить человека.

Многое об аллигаторах нам хорошо известно — например, то, что самки несут яйца величиной с гусиные и устраивают для них особое гнездо. Самка натаскивает растения, укладывает их в кучу и утрамбовывает. В такую кучу она зарывает десятка три яиц и хорошо прикрывает их сверху. Гниющая растительная масса разогревается; главное же — внутри кучи сыро, а сырость — обязательное условие для развития зародышей. Самка все время находится поблизости и охраняет гнездо от возможных нападений. А когда вылупливаются детеныши, она разрывает кучу, и маленькие аллигаторы ползут к воде. Как видите, заботы матери не очень уж сложны и велики.

— Кажется, они едят все, что попадает на пути? — заметил Франсуа.

— Они не очень разборчивы. Их обычной пищей является рыба, но они могут съесть и любое наземное животное, какое только в состоянии одолеть. Говорят, что аллигаторы предпочитают есть животных, когда те уже начинают разлагаться. Но это сомнительно. Известны случаи, когда они убивали крупных животных и оставляли их на несколько дней в воде. Но, может быть, они просто не были голодны в то время и хотели сохранить пищу до тех пор, пока появится аппетит...

Процесс пищеварения у них, как и у всех пресмыкающихся, очень медленный; им не требуется такого количества пищи, как теплокровным — млекопитающим и птицам.

— Ты говоришь, Люс, что их любимая пища — рыба, — сказал Базиль, — а я думаю, что они охотнее всего лакомятся собаками. Я знаю, что аллигаторы часто появляются там, где слышат лай собак, как будто специально для того, чтобы поймать и сожрать их. Я видел, как однажды аллигатор схватил большую собаку, переплывающую реку Беф, и утащил ее под воду с такой же быстротой, как форель — муху. Больше эту собаку никто не видел.

— Совершенно верно, — ответил Люсьен, — они едят собак так же, как и других животных, но является ли это их любимой пищей, сомнительно. Правда, аллигаторы приближаются к тому месту, где слышат собачий лай, но некоторые говорят, что это потому, что лай собак очень похож на звуки, которые издают их детеныши.

— Но как аллигаторы ухитряются поймать рыбу? — спросил Франсуа. — Ведь рыба движется гораздо быстрее их.

— Нет, лишь немногие породы рыб плавают быстрее. Аллигатор при помощи своих перепончатых лап и особенно плоского хвоста, который действует по принципу кормового весла и руля, может плыть в воде с такой же быстротой, как большинство рыб. Однако аллигатор добывает себе рыбу для еды не столько преследованием, сколько хитростью.

— Какой хитростью?

— Вы, наверно, часто замечали, как аллигаторы плавают на поверхности воды: не заметно ни одного движения тела, точно это лежит на воде какой-то длинный, изогнутый полукругом предмет.

— Да-да, я много раз замечал это.

— Так вот, если бы вы заглянули под воду в это время, вы бы увидели где-нибудь с внешней стороны полукруга рыбу. Она спокойно наблюдает за поверхностью воды в поисках добычи — мух или жуков. Рыба не обращает внимания на темную массу, которая медленно скользит по направлению к ней и выглядит вполне безопасной, так как голова хищника в это время повернута в сторону от намеченной жертвы. Кажется, что он спит, но он хорошо знает, что делается вокруг. Он тихо плывет дальше, пока рыба не очутится вблизи от его огромного хвоста, который до тех пор был выгнут, как лук. И тогда, наметив верную мишень, аллигатор ударяет по своей ничего не подозревающей добыче с такой силой, что сразу убивает ее. Иногда этот удар отбрасывает рыбу прямо ему в пасть, а иногда выкидывает на несколько футов из воды.

На земле аллигатор бьет свою добычу таким же способом. Во время удара его голова поворачивается так, чтобы встретить на полпути хвост, — таким образом, все тело образует полукруг. Если добыча не убита ударом хвоста, она отбрасывается прямо в пасть чудовища, и с ней расправляются в мгновение ока.

— Но почему аллигаторы едят камни и другие твердые предметы? — спросил Базиль. — Я видел одного вскрытого аллигатора. Его желудок был почти на целую четверть набит камнями величиной с мой кулак и кусками палок и стекла. Они выглядели так, будто уже долго пробыли в желудке: все острые края были обточены. Этого я никак не могу понять.

— Неудивительно. Даже более осведомленные ученые-натуралисты, чем мы с вами, не знают причины этого. Некоторые предполагают, что тут действует тот же принцип, что у птиц и других животных, которые глотают гравий и землю, чтобы помочь процессу пищеварения. Другие утверждают, что это делается для того, чтобы наполнить желудок, что это дает пресмыкающемуся возможность перенести долгий пост в течение зимней спячки. Последний довод кажется мне совершенно абсурдным.

Я думаю, что всякие посторонние предметы, которые обычно находят в желудке аллигатора, попадают туда случайно. Аллигаторы глотают их время от времени по ошибке или вместе с добычей, так как их вкусовые органы далеки от тонкости восприятия и они готовы пожрать все, что выбрасывается в воду, даже стеклянную бутылку. Все эти предметы остаются в желудке аллигатора, накапливаются там. Желудок у аллигатора, как и у большинства пресмыкающихся, очень грубый, и эти предметы не причиняют ему никакого вреда. Не следует сравнивать желудок аллигатора с желудком человека, так же как и какие-либо другие их органы.

Если наш мозг серьезно поврежден, мы умираем. Известны отдельные случаи, когда у аллигаторов мозг был разрушен выстрелом, а они еще сражались с теми, кто пытался приблизиться к ним. Мозг их, как и у большинства пресмыкающихся, очень мал. Это показывает, что они находятся на более низкой ступени развития, чем птицы и млекопитающие.

— Но, Люсьен, ты говоришь, что повадки семейства крокодилов очень сходны, — как же получается, что африканские крокодилы намного свирепее и часто нападают на обитателей Сенегала и Верхнего Нила и пожирают их? Наши аллигаторы не такие. Правда, они иногда бросаются на негров и, говорят, бывают причиной гибели детей, но это случается, только если сам человек по неосторожности попадет на пути аллигаторов. Они не опасны, если их не трогать. Мы, например, не боимся приблизиться к ним с одной только палкой в руках.

— Это потому что мы уверены, что они слишком неуклюжи на земле, чтобы схватить нас: ведь мы легко можем отскочить в сторону от их хвостов и челюстей. А не хотел ли бы ты сейчас переплыть эту реку? Я думаю, ты не рискнул бы.

— Конечно, нет.

— А если бы ты и рискнул, они, по всей вероятности, кинулись бы на тебя раньше, чем ты достиг противоположного берега. Но наши аллигаторы сейчас не такие, какими были сто

лет назад. Мы знаем из достоверных источников, что они были тогда намного свирепее и опаснее и часто нападали на людей без всякого повода. Теперь они стали бояться нас, так как знают, что мы представляем для них опасность. Эти пресмыкающиеся легко могут отличить человека по виду и по вертикальной походке от других животных. Посмотрите, как много их уничтожили во время моды на крокодиловую кожу и как много их убивают и сейчас ради их жира и хвостов! Поэтому вполне естественно, что они должны бояться нас, и вы можете заметить, что они гораздо смирнее вблизи плантаций и селений, чем в необитаемой местности. Я слышал, что есть еще участки, в больших болотах, где к этим животным опасно приближаться.

Про аллигаторов и кайманов рассказывают множество всяких историй. Большинство из них вымышленные, но некоторые вполне достоверны. Я слышал одну, которая, я уверен, является правдой. Я расскажу ее вам, если хотите, хотя это очень грустная и трагическая повесть и я бы очень хотел, чтобы она не была правдой.

— Расскажи, расскажи нам! — воскликнул Франсуа. — Мы выдержим твой рассказ, у нас с Базилем нервы крепкие... Ведь правда, Базиль?

— Да, разумеется, — отозвался Базиль. — Рассказывай, Люс.

— Ну хорошо, — сказал Люсьен, — я расскажу. Это не длинная история и она не утомит вас.

Глава IX. МАТЬ-ИНДИАНКА И КАЙМАН

Наверно, в Америке нет другого такого места, где бы кайманы достигали больших размеров и были свирепее, чем на Магдалене и на ее притоках. Все эти реки текут в низменной части тропиков: климат там очень жаркий и, следовательно, чрезвычайно благоприятен для развития крупных пресмыкающихся. Не слишком деятельный характер людей, населяющих эту часть страны — полуиндейцев, полуиспанцев, — является причиной того, что они почти не охотятся и не истребляют этих животных достаточно энергично. В результате они там меньше боятся людей и нередко нападают на них. Кайманы Магдалены иной раз пожирают туземцев, случайно попавших в воду, где обитают эти животные. Нередко лодочки, плавающие по реке Магдалене в своих плоскодонках, падают за борт и становятся добычей кайманов, так же как моряки в океанах становятся добычей акул.

Лодочки берут с собой ружья, чтобы стрелять в кайманов, но таким путем их уничтожено очень мало, так как убить каймана выстрелом очень трудно, а лодочник при этом еще должен управлять лодкой. Надо непременно попасть животному в глаз; все его остальное тело нельзя повредить даже выстрелом из мушкета. Конечно, тут необходим точный прицел и удобный случай, когда животное спокойно лежит на берегу или на воде. Когда кайман находится на суше, его можно застрелить, если попасть в мягкую эластичную кожу под лопаткой, но это очень ненадежный способ: часто бывает, что и несколько выстрелов в эту часть тела не могут убить животное.

Иногда жители Магдалены ловят кайманов при помощи лассо и, втащив на берег, убивают их топорами и копьями. И все же кайманы водятся в этих реках в большом количестве и редко уничтожаются обитателями, за исключением случаев, когда происходит какая-нибудь ужасная трагедия — например, если кайманы, схватив намеченную жертву, разрывают ее на части и пожирают. В таких случаях люди, сочувствуя несчастью соседа, пробуждаются от обычной апатии, объединяются и уничтожают множество этих ужасных пресмыкающихся.

История, которую я обещал вам рассказать, как раз на эту тему.

В нескольких милях от города Новый Карфаген на Магдалене жил один пастух. Его ранчо, крытое пальмовыми листьями, стояло в пустынной и малозаселенной местности на берегу реки, где водилось много кайманов. У пастуха была жена и маленькая дочь, шести-семи лет. Она была хорошенькая и, кроме того, единственный ребенок, и, конечно, родители обожали ее.

Пастуха часто не бывало дома — он уходил со стадом далеко в лес. Но жена его мало беспокоилась о том, что остается одна. Она была индианка и привыкла к таким опасностям, которые повергли бы в ужас городских женщин.

Однажды, когда муж ее, как обычно, отсутствовал — пас стадо, женщина пошла к реке стирать белье. Река была единственным источником воды около ранчо, и, стирая прямо в реке, женщина избавляла себя от труда носить воду. Кроме того, у берега лежал широкий, плоский и гладкий камень, на котором она обычно колотила белье. Маленькая дочь пошла с нею, неся узелок с бельем.

Женщина наполнила сосуды водой и принялась стирать. В это время девочка, желая развлечься, начала собирать спелые гуавы, срывая их с дерева, росшего на самом берегу и свисающего над водой. Занятая своим делом, мать вдруг услышала дикий крик и всплеск воды. Оглядевшись, она увидела, что ее ребенок погружается в воду и огромный кайман устремляется вслед за ним. В ужасе женщина уронила белье, бросилась туда и, не колеблясь ни минуты, прыгнула в воду, которая была ей по горло. В этот момент ребенок показался на поверхности. Мать схватила девочку на руки и хотела уже вытащить ее из воды, когда кайман кинулся вперед, разинув пасть, и одним взмахом мощных челюстей отделил ноги девочки от туловища. Девочка закричала еще раз, но это был ее последний крик. Когда мать выбралась на берег и положила на землю изувеченное тельце, ребенок уже не дышал.

Некоторое время несчастная мать сидела и смотрела на бранные останки. Иногда она наклонялась и целовала бледные, помертвевшие губы. Но она не плакала... Я ведь уже сказал, что она была индианка. Они ведут себя не так, как белые. Как бы то ни было, боль ее была слишком остра, чтобы проливать слезы.

Женщина не кричала, не звала на помощь — это было бесполезно: слишком поздно. Она знала, что вблизи нет никого — никого на расстоянии миль. Она поднимала глаза от искаленного трупа лишь для того, чтобы взглянуть на темную воду: там, в тени кустов гуавы, плавало взад и вперед гнусное пресмыкающееся. Оно проглотило кусочек и нетерпеливо ожидало следующего.

На лице женщины было написано невыносимое страдание и жажда мести. Вдруг внезапная мысль пришла ей в голову. Она поднялась и, бросив взгляд сначала на тело дочери, а затем на каймана, быстро пошла к дому. Через несколько минут она возвратилась, неся длинное копьё. Это было охотничье копьё ее мужа, которое он часто применял при встречах с ягуаром и другими хищниками. Она принесла также и другие предметы: лассо, несколько веревок и два ножа.

Придя на берег, женщина с беспокойством огляделась. Кайман был еще здесь. Она повернулась и с минуту стояла, как бы раздумывая. Наконец женщина приняла решение и, наклонившись, вонзила копьё в то, что осталось от ее ребенка. Это было страшное дело, но чувство мести превозмогло ужас. Затем она привязала к копьё ножи, расположив их так, чтобы они торчали, как зубцы, придвинула изувеченное тельце вплотную к ножам и плотно затянула петлю лассо на древке копьё. Другой конец лассо она обвязала вокруг ствола дерева, хорошо зная, что ее собственная сила ничтожна по сравнению с силой такого чудовища, как кайман.

Когда все было готово, женщина взялась за древко и метнула копьё вместе с телом и со всем остальным в воду. Затем, взяв лассо в руки, она спряталась за кусты и стала ждать.

Ждать пришлось недолго. Кайман тут же бросился вперед и схватил тело ребенка своими огромными челюстями. Женщина оставалась неподвижной, выжидая.

Кайманы не жуют пищу; их зубы для этого не приспособлены — они созданы только для того, чтобы хватать, а язык, который они не могут высунуть, только помогает при глотании.

Через несколько мгновений тело исчезло в широком горле чудовища. Увидев это, женщина вдруг вскочила и сильно потянула лассо. Дикий вой известил о том, что ее намерение увенчалось успехом. Торчащие лезвия вонзились в каймана, и он был побежден.

Почувствовав, что его поймали, огромное пресмыкающееся нырнуло на дно, затем

всплыло снова. Громко мыча, оно било хвостом, вспенивая воду. Кровь лилась из его пасти и ноздрей. Кайман метался из стороны в сторону, сотрясая дерево, но толстое ременное лассо сдерживало его.

Это продолжалось долго. Наконец силы каймана стали слабеть, и вот он уже лежал неподвижно в воде.

Во время всей этой сцены мать сидела на берегу реки в глубоком молчании, но, когда она устремляла глаза на чудовище, лишившее ее ребенка, они вспыхивали мстительным огнем.

Наконец звук конских копыт заставил женщину выйти из оцепенения. Она оглянулась. Это приехал ее муж.

Грустная повесть была поведана ему; вскоре об этом узнали и все соседи. Горе было всеобщим, и сочувствие заставило подняться всю округу. В течение нескольких дней против кайманов велась война на уничтожение... Вот вам подлинный случай, — сказал Люсьен. — Со времени этого печального происшествия прошло не больше двух лет.

— Какая трагическая история! — с волнением воскликнул Базиль. — Черт побери, начинаешь ненавидеть этих чудовищ! Мне хочется сейчас же застрелить хоть одного!.. И, кроме того, мне нужен длинный зуб аллигатора, чтобы заряжать ружье.

С этими словами он взял ружье и пошел к воде. Вблизи не было видно ни одного аллигатора, хотя в реке можно было заметить десятки их.

— Стой, Базиль! — закричал Франсуа. — Потерпи немного, и я заставлю их приблизиться. Спрячься, а я выманю их к берегу.

Одним из достоинств Франсуа был необычайный талант подражания. Он мог имитировать все — от крика петуха до мычания быка — и так естественно, что обманывал самих животных. Сбежав вниз, к берегу, он укрылся в зарослях юкки и начал скулить и лаять, как маленький щенок. Базиль тоже спрятался в кусты.

Через минуту несколько аллигаторов уже подплывали с разных сторон. Вскоре они достигли того места на берегу, где прятался Франсуа. Впереди всех был большой самец; задрав морду, он выполз из воды.

Аллигатор, конечно, рассчитывал чем-то поживиться, но ему было суждено разочароваться в своих ожиданиях. Раздался выстрел Базиля, и ужасное пресмыкающееся забарахталось в грязном иле и через некоторое время затихло. Аллигатор был мертв — меткая пуля угодила ему прямо в глаз.

Базиль и Франсуа вышли из засады — они не собирались зря тратить пули. Остальные аллигаторы, увидев людей, уплыли быстрее, чем приплыли.

Топориком Люсьена мальчишки выбили из челюсти убитого аллигатора самые большие зубы, а страшное тело оставили лежать на месте — на съедение волкам и хищным птицам, всем тем, кто захочет им поживиться.

Пожинав куском оленины и запив его кофе, наши любители приключений расстелили в палатке шкуры бизона и улеглись спать.

На следующее утро они встали на рассвете и, вкусно позавтракав, оседлали коней и отправились дальше.

Глава X. ПИЩА ШЕЛКОВИЧНЫХ ЧЕРВЕЙ

Покинув Реку Крокодилов, наши юные охотники направились прямо на запад, через прерии Оуплаусаса. Они не рассчитывали встретить бизонов в этих лугах — бизоны уже давно оставили пастбища Оуплаусаса и ушли на запад. Вместо них на этих равнинах бродили тысячи длиннорогих животных. Но все они, хотя и не вполне ручные, имели хозяев, носили тавро и паслись под присмотром пастухов, которые объезжали стада на лошадях. В прериях Оуплаусаса имелись поселения белых, но наши путешественники не стали сворачивать со своего пути, чтобы посетить их, — целью экспедиции было продвинуться намного дальше, и нельзя было попусту терять время.

На пути им приходилось пересекать многочисленные притоки и реки, большинство которых текло на юг, впадая в Мексиканский залив. Мелководные реки они переходили вброд, а глубокие переплывали на лошадях. Это не представляло трудностей, так как и лошади, и мул Жаннет, и собака Маренго — все умели плавать, как рыбы.

После нескольких дней пути юные охотники достигли берегов реки Сабин, которая отделяет Луизиану от Техаса, бывшего тогда мексиканской территорией. Эта местность отличалась от большинства тех, которые они проехали. Тут было много холмов и возвышенностей; изменился и растительный мир: исчезли высокие темные кипарисы, уступив место соснам. Леса были светлее и не так густы.

Сабин разлилась, по мальчики все же переплыли ее и остановились на западном берегу. Хотя солнце было еще высоко, братья решили остаться у реки до конца дня, так как во время переправы намок багаж. Они разбили лагерь на полянке, в роще низкорослых деревьев. Там было много открытых лужаек, так как деревья росли далеко друг от друга, и вся рощица выглядела как запущенный сад. Кое-где, возвышаясь над остальными деревьями, виднелись конусообразные вершины магнолий; огромный голый ствол одной из них казался на расстоянии старой, разрушенной башней.

Земля была покрыта всевозможными цветами. Здесь были и голубой лупинус, и золотистые подсолнечники, и красные цветы мяты, и мальвы по пяти дюймов в диаметре. Там были и дикий виноград и другие ползучие растения, которые обвивались вокруг деревьев или протягивались гирляндами с одного на другое. Больше всего бросались в глаза ярко-алыми раструбами своих венчиков огромные цветы бигнонии.

Среди этих цветов наши охотники и расположились лагерем, разбив, как всегда, палатку и привязав животных.

Светило яркое солнце, и они разложили для просушки мокрую одежду и одеяла.

— Мне приходит в голову, — сказал Люсьен после того, как они закончили все приготовления, — что мы остановились на месте старого индейского города.

— Почему ты так думаешь? — спросил Базиль.

— А я вижу какие-то кучи, поросшие сорной травой и вереском. Это могилы индейцев или сгнившие бревна домов, которые когда-то стояли здесь. Об этом можно судить и по деревьям. Взгляните вокруг... Заметили вы что-нибудь особенное в этих деревьях?

— Ничего, — ответил Франсуа. — Ничего, за исключением того, что они в большинстве своем маленькие и низкие.

— Мне кажется, я все их видел и раньше, — сказал Базиль. — Здесь и тутовые деревья, и темные деревья грецкого ореха, и дикая слива, и папайя, и оранжевое дерево, и орешник гикори, и пиканы, и медовые локустовые деревья. Больше я ничего не вижу, кроме винограда и больших магнолий. Я видел все эти деревья и прежде.

— Да, — ответил Люсьен. — Но видел ли ты когда-нибудь, чтобы они росли вот так — все вместе?

— А, это другое дело! Кажется, нет...

— Это потому, — продолжал Люсьен, — что, как мне кажется, здесь были когда-то поселения индейцев. Эти деревья или другие, от которых они произошли, выросли здесь не сами, они были посажены индейцами.

— Но, Люс, — перебил Франсуа, — я никогда не слышал, чтобы у индейцев в этих местах были такие большие поселения. Ведь эти низкие леса простираются на несколько миль вниз по реке. Они должны были культивировать уж очень большую площадь.

— Я думаю, — отвечал Люсьен, — индейцы, которые сейчас заселяют этот район, никогда не сажали эти деревья. Вероятнее всего, это поселение древнего племени натчезов.

— Натчезов! Но ведь это название города на Миссисипи. Я не знал, что существовали индейцы, которые так назывались.

— Сейчас их нет, но когда-то большое племя, занимавшее всю территорию Луизианы, носило это имя. Говорят, что, подобно мексиканцами перуанцам, они достигли больших успехов в цивилизации: знали, как ткать материю и возделывать почву. Теперь этот народ

вымер.

— Как же это случилось?

— Никто не может сказать. Некоторые старые испанские авторы утверждают, что это племя было уничтожено индейцами Южной Америки. Эта версия, однако, совершенно нелепа, как и большинство того, что было написано этими старыми испанскими авторами, книги которых можно рассматривать скорее как детский вымысел, чем как произведения разумных людей. Гораздо более вероятно, что натчезы были завоеваны другими индейскими племенами — криками и чикасавами, пришедшими с запада, и что остатки этого племени смешались и затерялись среди завоевателей. Таким образом, мне кажется, и исчезло это племя. Почему же это не может быть одним из их древних поселений, а деревья — остатками садов, которые они обрабатывали, выращивая фрукты или для каких-нибудь других целей?

— Но мы из таких деревьев извлекаем мало пользы, — заметил Франсуа.

— Что ты говоришь! — воскликнул Базиль. — Ты, Франсуа, который каждый год съедает столько орехов гикори, и пиканы, и красной шелковицы! Ты, который любит сочные фрукты, как опоссум! «Мало пользы»!

— Да, это правда, — ответил Франсуа. — Но мы не разводим эти деревья — мы находим их в лесу, где они растут сами по себе...

— Потому что, — прервал его Люсьен, — у нас есть преимущество перед индейцами. Мы ведем торговлю, мы получаем другие, лучшие сорта плодов из всех частей земного шара. У нас есть хлебные злаки, пшеница, рис и многое другое, чего не было у них, — поэтому мы можем обойтись без этих деревьев. А у индейцев — другое дело. У них был только маис, и, как и всем людям, им хотелось разнообразия. Эти деревья предоставляли им такую возможность... Индейские племена, жившие в тропиках, имели достаточно разнообразную пищу. Действительно, ни один другой народ, не знающий торговли, не был более обеспечен плодоносящими растениями и деревьями, чем ацтеки и другие племена юга. У племени натчезов, однако, и у тех, кто живет в зоне умеренного климата, были свои растения и деревья вроде тех, которые находятся перед нами, и от них люди и получали необходимую пищу и лакомые фрукты и напитки. Первые колонисты поступали так же, а многие поселенцы отдаленных районов и по сей день используют эти продукты природы.

— Не правда ли, Базиль, было бы интересно, — сказал Франсуа, обращаясь к старшему брату, — если бы Люсьен дал нам ботаническое описание всех этих деревьев и рассказал об их применении? Он ведь все это знает.

— Да, — ответил Базиль, — расскажи, пожалуйста.

— С удовольствием, — сказал Люсьен. — Но это не будет ботаническое описание в соответствии со школой Линнея *note 6*, что вас скоро утомит и не прибавит вам знаний. Я расскажу только то, что сам знаю о свойствах этих деревьев и их применении. Заметьте, что не существует ни одного дерева или растения, которое бы не предназначалось природой для какой-нибудь цели. Если бы ученые-ботаники посвятили побольше своего времени изучению вопросов практического использования растений, их труды принесли бы колоссальную пользу всему человечеству.

Давайте начнем с шелковицы, поскольку ее особенно много вокруг. Если бы я взялся рассказать вам все, что известно об этом ценном дереве, это заняло бы весь день или даже больше. Я изложу вам лишь самое важное.

Шелковица была известна еще древним грекам. Мы знаем несколько видов этого рода. Без сомнения, в неисследованных странах встречаются и другие виды шелковицы, которых ботаники или совсем не знают, или еще не описали. То же можно сказать и о других деревьях, так как мы каждый день слышим о новых разновидностях, открытых предприимчивыми исследователями.

Note6

Карл Линней (1707—1778) — выдающийся шведский естествоиспытатель, создавший систему классификации растительного и животного мира.

Итак, первой идет белая шелковица. Это наиболее важная разновидность из всех известных нам. Вы легко согласитесь с этим, когда я скажу вам, что весь наш шелк добывается от шелковичных червей, живущих именно на этом дереве. Оно называется белой шелковицей по цвету его ягод, которые, однако, не всегда белые — иногда они бывают пурпурные или черные.

Дать точное описание белой шелковицы трудно, так как, подобно яблоням и грушам, существует много ее разновидностей, происходящих от тех же семян, и, кроме того, это зависит от разницы в почве и климате. Однако можно сказать, что шелковица — небольшое дерево, редко достигающее сорока футов высоты. Оно ветвисто, и листья у него плотные, мясистые.

Самой важной частью шелковицы являются листья, так как именно ими питается шелковичный червь. Правда, шелковичный червь может питаться листьями и остальных разновидностей шелковицы, так же как и листьями многих других растений: вязов, фиговых пальм, латука, свеклы и эндивия, — но тогда шелк получается более низкого качества. Даже другие породы самой белой шелковицы дают разное качество этого замечательного материала.

Шелковица имеет и другое применение: ее древесина плотная и тяжелая, один кубический фут ее весит сорок четыре фунта. Во Франции шелковицу часто употребляют в токарном деле; из нее делают винные бочки, так как она придает белым винам приятный аромат фиалок. Из веток делают подпорки для винограда и изгороди, а из коры — путем процесса, который у меня нет времени описывать, — можно выделять материю, почти такую же тонкую, как сам шелк. Ягоды белой шелковицы, растущей в теплом климате, очень вкусные, и из них можно делать отличный сироп.

Предполагают, что белая шелковица впервые была вывезена из Китая, где ее и сейчас можно найти дикорастущей. Китайцы первыми стали культивировать ее для разведения шелковичных червей еще за две тысячи семьсот лет до нашей эры. Теперь это дерево можно найти повсюду: оно используется или в декоративных целях, или для производства шелка.

Следующая разновидность — это черная шелковица, называемая так по цвету ягод: они темно-пурпурные, почти черные. Этот вид происходит из Персии, но сейчас, как и белая шелковица, встречается во всех цивилизованных странах. Ее культивируют не столько для разведения шелковичных червей, сколько как декоративное и тенистое дерево. Хотя в некоторых странах, особенно в холодном климате, где другие виды не приживаются, ее разводят и на корм шелковичным червям.

Черную шелковицу легко отличить от белой. Кора черной шелковицы намного грубее и темнее; древесина ее не такая твердая и тяжелая, как у белой, но тоже очень прочная и употребляется в Англии для обручей, колес и шпангоутов *note 7* небольших кораблей. В Испании, Италии и Персии в качестве корма для шелковичных червей предпочитают листья черной шелковицы. Эти листья едят также коровы, овцы и козы. Особо приготовленные корни применяются как глистогонное средство. Ягоды имеют приятный, ароматный вкус; их можно есть и сырыми и в виде варенья; если их смешать с сидром, получается приятный напиток. Греки гонят из этих ягод прозрачную слабую водку, а французы делают вино; но его надо пить, пока оно молодое, так как вино скоро превращается в настоящий уксус. Эти ягоды полезны при лихорадке и ревматизме. Их с жадностью поедают всякие птицы — как дикие, так и домашние.

Это о белой и черной шелковице. Теперь переходим к третьей разновидности — красной.

— Красная шелковица перед вами, — продолжал Люсьен, показывая на дерево, на которое он уже обращал внимание своих братьев. — Ее называют красной из-за ягод, которые, как вы знаете, темно-красного цвета и очень напоминают красную малину.

Note7

Шпангоуты — балки, служащие основанием для накладки бортов корабля.

Некоторые из этих деревьев, как видите, около семидесяти футов высотой, хотя обычно они несколько ниже. Обратите внимание на листья. Они имеют сердцевидную форму; многие из них десяти дюймов в длину и почти такой же ширины. Листья темно-зеленые и шершавые, и в тех местах, где растет белая шелковица, шелковичные черви не едят их; однако красная шелковица дает чудесную тень, и в этом одно из применений этих красивых деревьев. Ягоды тоже, по-моему, — и, я думаю, Франсуа согласится со мной, — не уступают по вкусу лучшей малине. Что касается стволов этого дерева, то их часто используют в кораблестроении в Южных штатах. Древесина красной шелковицы бледно-лимонного цвета и считается более подходящей по прочности для нагелей *note 8*, чем любое другое дерево, за исключением локусты. Красная шелковица, так же как белая и черная, бывает разных пород, значительно отличающихся друг от друга.

Кроме того, есть еще четвертый вид этого рода, называемый бумажной шелковицей. Этот вид, однако, выделен ботаниками в другой род. Она заслуживает особого внимания, потому что это очень любопытное и ценное дерево, или, скорее, кустарник, так как оно не такое высокое, как три предыдущих дерева.

Родина бумажной шелковицы — Китай, Япония и острова Тихого океана, но ее, как и другие шелковицы, разводят в декоративных целях и в Европе и в Америке. Ее ягоды алого цвета и круглые, а не продолговатые, как у настоящей шелковицы, — и в этом одна из причин, почему ее выделили в самостоятельный род. Листья бумажной шелковицы непригодны для шелководства, но являются хорошей пищей для скота, и, поскольку это дерево растет быстро и имеет густую листву, некоторые говорят, что его надо разводить для корма скота вместо травы. Не знаю, делали ли уже такую попытку...

Самой интересной частью бумажной шелковицы является ее кора, которую употребляют для изготовления бумаги как в Китае, так и в Японии. Из нее делают красивую, так называемую индийскую бумагу для гравюр и тонкую белую ткань, которую носят жители островов Согласия и которая так поразила европейцев, когда они впервые увидели ее.

Можно было бы подробно рассказать о том, как делают эту ткань и бумагу, но это заняло бы сейчас слишком много времени.

Существует еще один род деревьев, сильно напоминающих шелковицу. Эти деревья ценятся за их древесину, которая дает хорошую желтую краску, известную под названием «желтое дерево». Дерево, из которого можно сделать лучшую из этих красок, — «красящий тут». Оно растет в Вест-Индии и в тропиках Америки, но его разновидности есть и в Северных штатах, хотя уже более низкого качества; из них добывают заменитель желтой краски, которая идет на продажу.

Вот и все о шелковице. Боюсь, братья, что у меня осталось мало времени, чтобы рассказать о других.

— О нет, времени достаточно! — сказал Базиль. — Нам больше ведь нечего делать. Лучше мы поучимся у тебя, чем будем слоняться без дела. И, честное слово, Люс, ты заставишь меня заинтересоваться ботаникой!

— Очень рад, — ответил Люсьен. — Я считаю, что это чрезвычайно полезная наука не только с точки зрения ее пользы для всяких ремесел и производства, но и для самого изучающего ее, так как, с моей точки зрения, это повышает культуру человека.

Люсьен хотел продолжать свое описание деревьев, но ряд происшествий прервал разговор на эту тему.

Глава XI. ЦЕПЬ РАЗРУШЕНИЙ

Прямо перед палаткой, совсем близко от нее, между двумя деревьями протянулись

Note8

Нагели — стержни для скрепления деревянных частей корабля.

плети дикого винограда. Это были большие камедные деревья, и ползучие растения, которые переплелись между стволами, образовали своими темными листьями непроницаемую сетку. Между листьями виднелись цветы; их было так много, что они почти закрывали листву, и казалось, будто между деревьями натянут яркий ковер. Цветы были разных расцветок: некоторые — белые, как звездочки, но в большинстве это были большие алые колокольчики бигнонии.

Франсуа, слушая своего брата, время от времени поглядывал в том направлении, как бы любуясь цветами. Вдруг, прервав разговор, он воскликнул:

— Посмотрите туда: колибри!

В Америке не так часто можно видеть колибри, как это предполагают по рассказам путешественников. Даже в Мексике, где существует много их пород, вы не каждый день увидите колибри. Правда, вы можете их просто не заметить, если только не ищите их специально. Это такие крохотные существа и они так быстро летают, порхая с цветка на цветок, с дерева на дерево, что вы можете пройти мимо и вовсе не увидеть их или принять за пчел. А в Соединенных Штатах, где до сих пор известна только одна порода колибри, увидеть их — большая редкость, и это обычно вызывает интерес. Поэтому в восклицании Франсуа звучало удивление и удовольствие.

— Где они? — с живостью спросил Люсьен, поднимаясь.

— Вон там, — ответил Франсуа, — около бигнонии. Мне кажется, я вижу нескольких.

— Осторожно, братья, — сказал Люсьен. — Приблизимся тихонько, чтобы не спугнуть их. Мне хочется понаблюдать за ними.

Говоря это, Люсьен осторожно продвигался вперед. Базиль и Франсуа следовали за ним.

— А, — воскликнул Люсьен, когда они подошли ближе, — теперь я вижу одну! Это рубиновая колибри. Она пьет сок бигнонии. Они любят эти цветы больше всех остальных. Смотрите, она забралась внутрь цветка. Вот она вылезла обратно! Послушайте, какой звук издают ее крылышки: как жужжанье большой пчелы. Отсюда и их название — «жужжащие птички». Посмотрите, как блестит у нее горлышко — прямо как рубин!

— Вон и другая! — воскликнул Франсуа. — Взгляните наверх! Эта не такая красивая, как первая. Она другой породы?

— Нет, — ответил Люсьен, — это самка той же породы. Но ее оперение не такое яркое, и ты можешь заметить, что грудка у нее не рубиновая.

— Больше я не вижу колибри, — сказал Франсуа после некоторого молчания.

— Я думаю, тут только две, — заметил Люсьен, — самец и самка. Сейчас период выведения птенцов. Несомненно, где-то поблизости у них гнездо.

— Попробуем поймать их? — предложил Франсуа.

— Это можно бы сделать, будь у нас сеть.

— Я могу застрелить их дробью.

— Нет, нет, — сказал Люсьен, — самая маленькая дробинка разорвет колибри на куски. В них иногда стреляют семенами мака или водой. Но не нужно, я хотел бы понаблюдать за ними так. Я хочу удостовериться в одном своем предположении. А вы пока поищите гнездо — у вас зоркие глаза. Вы найдете его поблизости, в какой-нибудь обнаженной развилке, а не в ветвях или листьях.

Базиль и Франсуа принялись искать гнездо, а Люсьен продолжал наблюдать за поведением крошечных пернатых созданий. Наш молодой натуралист хотел удостовериться, едят ли колибри и насекомых или они питаются только цветочным нектаром. По этому вопросу между орнитологами шел спор.

Пока Люсьен стоял и смотрел, прилетел, жужжа, большой шмель и уселся на цветок. Едва его ножки коснулись ярких лепестков, как самец колибри напал на него, словно маленькая фурия. Враги вместе вылетели из цветка, продолжая на лету свою борьбу. После короткого состязания шмель пустился наутек и улетел с сердитым жужжанием, которое, конечно, происходило оттого, что, улетаая, он еще быстрее работал крылышками.

Крик Франсуа известил, что гнездо обнаружено. Оно помещалось в развилине низкой ветки, но яиц в нем еще не было, иначе обе птички не летали бы вдали от него.

Братья внимательно осмотрели гнездо, но не тронули его. Оно было свито из тонких нитей испанского мха, которыми и было прикреплено к ветке, а внутри выложено шелковистым пухом анемона. Гнездо представляло собой полушарие в один дюйм диаметром, открытое сверху, и было такое маленькое, что, если бы это был кто-нибудь другой, а не зоркий Франсуа — знаменитый птицелов и открыватель гнезд, он принял бы его просто за выпуклость на коре дерева.

Все трое вернулись, чтобы продолжать наблюдение за птичками, которые, не заметив, что возле их гнезда побывали люди, по-прежнему порхали среди цветов. Мальчики подкрались как можно ближе, прячась за ползучими растениями. Люсьен был ближе всех; его лицо находилось в нескольких футах от крохотных созданий, и он мог наблюдать за каждым их движением. Вскоре он был вознагражден зрелищем, разрешившим вопрос, который его интересовал.

Внимание Люсьена было привлечено роем синекрылых мушек. Они летали среди цветов, то садясь отдохнуть, то перелетая с одного на другой. Он видел, что птички несколько раз бросались на мух с открытым клювом и хватали их.

Итак, вопрос был решен: колибри питаются насекомыми.

Через некоторое время самка колибри улетела к своему гнезду, оставив самца среди цветов.

Любопытство мальчиков было удовлетворено, и они уже хотели вернуться к палатке, когда Люсьен вдруг сделал им знак и шепнул, чтобы они молчали. Франсуа первый заметил то, что вызвало странное поведение брата, а потом и Базиль.

Какое мерзкое существо они увидели!

Притаившись в листве, то подползая боком, то делая короткие прыжки и затем снова прячась, ползло отвратительное существо. Оно было примерно такого же размера, как и птички, но выглядело далеко не так же. Тело его состояло из двух соединенных в середине частей и все было покрыто красновато-коричневой шерстью, или волосами, которые стояли вертикально, как щетина; так же волосаты были все его десять длинных кривых лап. Спереди у него было двое щупалец, загнутых, как клешни, а сзади — два длинных рога, и, если бы не поблескивающие глазки, было бы трудно различить, где голова, а где хвост.

Безобразное тело цвета ржавчины, волосатые лапки — все это придавало существу поразительно зловещий вид, каким обычно отличаются все представители рода пауков.

— Прыгающий тарантул! — шепнул Люсьен братьям. — Смотрите, он охотится за колибри.

Это было очевидно. Шаг за шагом, прыжок за прыжком — паук приближался к цветам, где находилась птичка. Тарантул жадно следил за ней и всякий раз, когда она взлетала, отрываясь от цветка, припадал, прячась в листве. Когда же птичка садилась и была поглощена едой, притаившееся существо старалось сократить расстояние между ними быстрой перебежкой или прыжком, а затем снова пряталось в ожидании следующего удобного случая.

Так как птичка часто порхала вокруг цветов, пауку приходилось все время менять направление в своем преследовании. Птичка после одного из коротких взлетов устроилась над цветком бигнонии, прямо перед тем местом, где притаился тарантул. Она не влезла в чашечку цветка, а оставалась над ней, балансируя на своих трепещущих крылышках, в то время как ее длинный цепкий язычок высасывал мед. Она не пробыла в этом положении и нескольких секунд, как тарантул прыгнул вперед и схватил ее своими щупальцами. Птичка отчаянно чирикнула, как раненый сверчок, и заметалась. Ее крылышки были еще свободны, и мальчики ожидали, что она унесет паука, который обхватил ее тельце. Однако случилось по-другому.

После того как птичка отлетела на несколько футов от цветка, стало видно, что ее полету вдруг начало что-то мешать, и, хотя она все еще держалась в воздухе, кидаясь во все

стороны, было ясно, что что-то мешает ей улететь совсем. Внимательно приглядевшись, мальчики заметили, что между нею и деревьями тянется тонкая, будто шелковая ниточка. Это была паутина, и она-то и не позволяла жертве унести тарантула в воздух. Крылышки скоро перестали двигаться, и оба они — и птичка и паук — повисли на конце паутинки. Так они висели в воздухе несколько мгновений.

Мальчики видели, что птичка мертва и тарантул впился своими челюстями в ее сверкающее горлышко.

Франсуа хотел броситься и уничтожить убийцу, но Люсьен, который был слишком рьяным натуралистом, чтобы позволить кому-нибудь прервать свои наблюдения, удержал нетерпеливого братишку, и все трое продолжали стоять неподвижно.

Тарантул начал раскачиваться на своей паутине — он хотел утащить добычу в ветви дерева, где у него было гнездо. Мальчики взглянули наверх. Там, в тенистом уголке, между большой лианой и стволом камедного дерева, была натянута паутина; туда-то и полз паук со своей бездыханной жертвой.

Наблюдая за тарантулом, мальчики вдруг увидели блестящий предмет, который двигался по неровной коре лианы. Поскольку растение имело почти фут в диаметре и цвет его был красновато-коричневый, это существо было сразу заметно на темном фоне, так как отливало яркими красками. Это было животное из породы ящериц, и если какая-нибудь ящерица может считаться красивой, то эта принадлежала к их числу.

Животное, как мы уже сказали, отличалось чрезвычайно яркой окраской. Вся спина его была золотисто-зеленая и переливалась, как изумруд; зеленовато-белого брюшка не было видно, так как животное лежало на лиане, — виднелась лишь часть туловища, окрашенная в чисто зеленый цвет. Особенно бросалось в глаза раздувшееся ярко-красное горло животного; при свете солнца оно казалось разрисованным киноварью. Глаза сверкали огнем; их радужная оболочка напоминала полированное золото, в середине которого блестели, как бриллианты, маленькие зрачки. Передние лапки были такого же цвета, как туловище. На концах пальцев были плоские расширения. Строение лапок и раздутое горло указывали на род, к которому принадлежало данное животное: аноли из семейства игуан — единственная разновидность аноли, обитающая на территории Соединенных Штатов.

Все эти сведения Люсьен сообщил братьям шепотом, пока они наблюдали за животным, притаившимся на лиане. Базиль и Франсуа и раньше видели представителей этой породы и знали, что это зеленая ящерица, или «хамелеон», как его иногда называют. Животное было не более шести дюймов длиной, и по крайней мере две трети длины занимали большая голова и тонкий, как кнут, хвост. Аноли двигался вверх по лиане, извивающейся между деревьями. Он не видел мальчиков, или, во всяком случае, не обращал внимания на их присутствие, — это храброе животное не боится человека. Все это время он не видел и тарантула. Но, продвигаясь вверх, аноли вдруг заметил, как тот карабкается по своей шелковой лестнице. Аноли сразу остановился и припал к лиане. Цвет его внезапно изменился: красное горло стало белым, затем пепельно-бледным, а ярко-зеленый цвет тела постепенно перешел в темно-коричневый, напоминающий ржавчину, и скоро уже стало трудно различить животное на коре лианы. Если бы глаза наблюдателей не были прикованы к ящерице, можно было бы предположить, что она исчезла совсем.

После того как аноли пробыл несколько секунд в неподвижности, у него, казалось, созрел план атаки. Было ясно, что он собирается напасть на паука, который, так же как мухи и другие насекомые, является его обычной пищей. Он перебрался на противоположную сторону лианы и продолжал двигаться вверх, подбираясь к гнезду тарантула. Одним рывком аноли достиг своей цели, хотя все время полз вверх ногами. Это он мог сделать при помощи плоских расширений на концах пальцев, благодаря которым ящерицы из рода аноли могут двигаться вверх по отвесным стенам, по стеклу окон и даже по гладкому потолку.

Несколько мгновений аноли лежал тихо, притаившись в ожидании, когда паук приблизится, а тот, занятый своим делом, и не предполагал, что рядом находится в засаде враг. Тарантул, несомненно, предвкушал удовольствие выпить крови колибри, которую

тащил в свое темное шелковое жилище. Но ему не суждено было добраться туда. Когда тарантул был уже в нескольких дюймах от входа, аноли выскочил из-за ветки, схватил паука своими широкими челюстями, и все трое — ящерица, паук и птичка — упали на землю. При падении тарантул выронил птичку. Между ящерицей и тарантулом произошла в траве короткая борьба. Тарантул сражался яростно, но не мог сравниться с противником, который вскоре откусил ему ноги, и от паука осталось только беспомощное, недвижимое туловище. Потом аноли схватил свою жертву за голову, вонзил в нее острые зубы и таким образом прикончил тарантула.

Замечательнее всего было то, что, когда аноли прыгнул на свою добычу, его яркие краски вернулись подобно вспышке молнии: спина снова стала зеленой, а горло — красным, пожалуй еще более ярким, чем прежде. Теперь он тащил паука по траве, явно пробираясь к находившейся вблизи гряде гнилых деревьев, наполовину скрытых ползучими растениями и вереском. Очевидно, там было его жилище.

На этот раз Франсуа не пытался и не имел желаний вмешиваться. Он рассматривал смерть тарантула как справедливую кару. Кроме того, аноли, благодаря тому, что они обладают красивой окраской и ловкостью и не причиняют вреда человеку, пользуются всеобщей любовью. Дело в том, что Франсуа, так же как и его братья, часто наблюдал, как это маленькое существо прыгает среди листьев и кормится мухами и другими насекомыми, но никогда раньше не видел это пресмыкающееся в такой ярости. Мальчики одобряли аноли за то, что он убил страшного тарантула, и не хотели мешать ему унести добычу. Однако было суждено, чтобы препятствие возникло с другой стороны. Франсуа, зоркие глаза которого приглядывались ко всему окружающему, вдруг воскликнул:

— Посмотрите, братья, посмотрите: ящерица-скорпион!

Базиль и Люсьен взглянули туда, куда показывал Франсуа, — на ствол дерева, мимо которого сейчас полз хамелеон. В двадцати футах от земли в дереве было темное круглое отверстие — очевидно, бывшее гнездо красногрудого дятла. Однако птицы, свившие это гнездо, покинули его, так как теперь оно было занято существом совсем другого рода — ящерицей-скорпионом, чья красная голова и коричневая шея торчали в этот момент из дупла.

Каждый, кто путешествовал по бескрайним лесам Америки, знаком с подобной картиной, так как это пресмыкающееся можно часто видеть в таком положении. Редко встречается более неприятное зрелище. Ящерица-скорпион, с ее красной головой и оливково-коричневым телом, — очень некрасивое пресмыкающееся, но, когда оно вот так выглядывает из своей мрачной норы в стволе дерева, поводя из стороны в сторону острой мордочкой, на которой зловеще поблескивают злые глазки, трудно представить себе более отвратительное существо.

Двигающаяся голова ящерицы-скорпиона и привлекла внимание Франсуа. Она поворачивалась то вправо, то влево, когда пресмыкающееся высовывалось из дупла и глядело вниз. Животное смотрело на землю под деревом и явно собиралось спуститься. Шуршанье аноли по сухим листьям привлекло его внимание.

Вдруг ящерица-скорпион появилась на дереве и прижалась к коре. Задержавшись на мгновение, она быстро пробежала по стволу вниз и прыгнула на аноли. Последний, так неожиданно атакованный, выронил паука и сначала хотел отступить. Если бы он это сделал, ящерица-скорпион не последовала бы за ним, так как единственной ее целью было отнять добычу. Аноли, однако, мужественное животное, и, видя, что противник немногим крупнее его самого, он повернулся и приготовился к сражению. Горло аноли раздулось до предела и стало еще ярче.

Оба находились теперь друг перед другом в угрожающих позах на расстоянии дюймов двенадцати. Глаза противников сверкали, раздвоенные языки были высунуты и блестели на солнце, а головы то поднимались, то опускались, как у боксеров, вышедших на ринг.

Вот они кинулись друг на друга, разинув пасти, и стали кататься по земле, взмахивая хвостами; затем снова разошлись и приняли прежнюю вызывающую позу. Так они сходились и расходились несколько раз, и ни один из них, казалось, не мог взять верх.

Уязвимым местом зеленой ящерицы аноли является ее хвост. Это такая чувствительная часть тела, что даже от слабого удара маленького прутика хвост отделяется от туловища. Ящерица-скорпион, казалось, знала об этом, так как несколько раз пыталась обойти своего противника сзади, или, как говорится у военных, «зайти ему в тыл», и явно стремилась атаковать его с хвоста. Аноли, в свою очередь, прилагал все усилия, чтобы не быть обойденным «с фланга». Как ни старалась ящерица-скорпион, противник каждый раз встречал его своей алой грудью.

Поединок длился несколько минут. Маленькие существа эти проявляли такую ярость, как будто бились два крокодила. Наконец аноли начал сдавать. Горло его побледнело, зеленый цвет стал менее ярким, и стало ясно, что силы покидают его. Тогда ящерица-скорпион сделала прыжок и перевернула его на спину. Прежде чем аноли успел вскочить, противник схватил его хвост и откусил у самого туловища. Бедняга, чувствуя, что потерял больше половины своей длины, пустился наутек и спрятался в валежнике.

Как оказалось впоследствии, аноли посчастливилось, что он убежал, хотя бы и изуродованный; да и для ящерицы-скорпиона лучше было бы оставаться в своей норе. Сражаясь, они отделились от того места, где началась их битва, и оказались под раскидистой шелковицей. И тут внимание мальчиков было привлечено каким-то движением в листве дерева. В следующее мгновение там мелькнуло что-то красное, и с дерева свесился предмет в фут длиной и толщиной с трость. Блестящая чешуя и то, что предмет извивался, ясно говорили о том, что это змея.

Она стала медленно опускаться, и скоро из листвы уже был виден целый ярд ее тела. Остальная часть тела змеи была скрыта густой листвой; хвостом она, несомненно, обвилась вокруг ветки. Та часть тела змеи, которая была видна, была кроваво-красного цвета, а живот, или нижняя часть, — намного бледнее.

— Смотрите, — тихо сказал Франсуа, — какая красная змея! Я никогда еще не видел таких.

— Я тоже, — отозвался Базиль.

— И я, — сказал Люсьен. — Но я слышал о них. Я легко узнаю ее по описаниям. Это красная змея Скалистых гор.

— О, — заметил Базиль, — я слышал рассказы о ней от охотников!

— Да, — добавил Люсьен, — это редкая порода, и встречается она только на Дальнем Западе... Смотрите, скорпион хочет убежать! И аноли тоже убегает. Без хвоста!

Ящерица-скорпион увидела длинное красное тело змеи, висящее над ней, и побежала, стараясь спрятаться в траве. Вместо того чтобы броситься к какому-нибудь дереву, где ее могло бы спасти то, что она проворнее змеи, испуганная ящерица растерялась и выскочила на открытое место. Змея спустилась с шелковицы и поползла за своей жертвой, высоко подняв голову и открыв пасть. Через одну-две секунды она догнала ящерицу.

Люсьен был в восторге от только что полученного интересного урока естествознания и опять удержал Франсуа, хотевшего выбежать вперед. Мальчики придвинулись немного ближе, чтобы получше рассмотреть движение змеи. Они старательно прятались за листьями и кустами.

Змея, убив ящерицу-скорпиона, осталась на земле и, вытянувшись на траве, начала пожирать ее. Змеи не пережевывают пищу — их зубы для этого не приспособлены, они могут ими только хватать и убивать. Красная змея не ядовитая, и поэтому у нее нет таких длинных зубов, как у ядовитых змей. Вместо них у нее имеется двойной ряд острых зубов. Она очень проворна и обладает достаточной силой, чтобы сжимать своими кольцами, чего не может делать почти ни одна ядовитая змея. Как и все другие, она глотает добычу в том виде, в каком убивает, — целиком.

Так вела себя и эта змея. Поместив ящерицу прямо перед собой, она разинула пасть во всю ширину, взяла в рот ее голову и начала постепенно заглатывать. Это была любопытная операция, и мальчики с интересом наблюдали за ней.

Но и другие глаза следили за пресмыкающимся. Его яркое, кроваво-красное тело,

лежащее на траве, бросилось в глаза зоркому врагу, темная тень которого скользила сейчас по земле. Подняв глаза, мальчики обнаружили птицу, которая кружила в воздухе. По ее снежно-белой голове и груди, широко раскинутым заостренным крыльям и, самое главное, по длинному раздвоенному хвосту они с первого же взгляда определили, что это за птица. То был вилохвостый коршун.

Он кружил, или, вернее, летел по спирали, постепенно снижаясь и сужая круг. Центром этого круга было то место, где лежала змея. Приятно было видеть, как эта птица парила в воздухе. Ее полет был идеалом непринужденности и грации — в этом отношении ни одна птица не может сравниться с коршуном. Ни один взмах его больших остроконечных крыльев не выдавал того, что ему необходима их помощь: казалось, он гордится тем, что может держаться в воздухе и без них. К тому же движение крыльев, если бы он взмахивал ими, могло обратить на себя внимание намеченной жертвы и предупредить ее об опасности.

Коршун казался совсем белым, когда поворачивался к зрителям грудью, а когда наклонялся при повороте, на солнце сверкали его черная спина и пурпурные крылья.

Это было красивое зрелище, и юные охотники стояли в немом восхищении.

Базиль и Франсуа были удивлены, что коршун не бросился сразу на змею, так как полет его явно был направлен в ее сторону. Они видели, что так поступали другие хищные птицы, такие, как краснохвостый ястреб, сапсан и скопа, которые иногда бросаются на свою добычу прямо с высоты нескольких сотен футов. Люсьен, однако, был осведомлен лучше. Он знал, что подобный подвиг могут совершать только те хищные птицы, у которых хвост сплошной, не раздвоенный, — такие, как белоголовый орлан и птицы только что упомянутых пород. Их широкие хвосты сразу пресекают движение вниз и не дают им разбиться о землю. Коршуны же не обладают этим качеством, в чем Люсьен видел чудесный закон природы — она уравнила преимущества этих двух пород птиц.

Люсьен рассуждал так.

Ястребы, хотя и очень быстро летают и в состоянии совершать большие перелеты, не могут оставаться в воздухе долго. Они скоро устают и должны время от времени отдыхать, садясь на какое-нибудь дерево. Можно заметить, что ястребы часто выбирают засохшие деревья, стоящие на открытых местах. Они делают это, чтобы листья не мешали им осматривать окрестность и выслеживать добычу. Но даже этого им недостаточно, и, чтобы лучше обнаружить ее, им часто приходится подниматься в воздух.

Коршуны же всегда, или почти всегда, находятся в воздухе. Они фактически живут в небесных просторах: даже пищу свою они поедают на лету, держа ее в когтях. Таким образом, они имеют гораздо больше возможностей увидеть свою добычу, чем их собратья из породы ястребов. Если бы коршуны обладали способностью кидаться на добычу с такой же уверенностью, как ястребы, у них было бы большое преимущество перед последними: отсутствие же этой способности уравнивает их. Как я уже сказал, Люсьен видел в этом известное «равновесие сил», которое часто наблюдают те, кто изучает природу.

Эти мысли промелькнули в голове Люсьена за те несколько секунд, которые прошли с момента, когда мальчики впервые заметили коршуна, парящего в воздухе, до того, как он пролетел над самыми кустами — так низко, что они могли различить красную радужную оболочку его блестящих глаз.

Тут только змея впервые заметила коршуна. До сих пор она была слишком занята добычей, которую наконец заглотала. Тень больших крыльев упала на освещенную солнцем траву, прямо перед глазами змеи. Она взглянула вверх и увидела своего страшного врага. Все ее длинное тело содрогнулось, и красный цвет вдруг поблек. Змея спрятала голову в траву, стараясь укрыться, но было поздно. Коршун снизился плавно и бесшумно, выпустив когти, и на мгновение замер в воздухе прямо над змеей... Когда он снова взмыл вверх, змея уже извивалась в его когтях.

Несколько взмахов сильных крыльев подняли коршуна выше самых высоких деревьев, но заметно было, что лететь ему тяжело. Он поднялся еще выше, и взмахи его крыльев стали более частыми и неровными. Очевидно, что-то затрудняло его полет. Змея больше уж не

висела в когтях коршуна — она обвилась вокруг его тела. Блестящие кольца змеи, наполовину скрытые в белом оперении птицы, выделялись точно красные ленты.

Вдруг коршун беспорядочно замахал крыльями, затем одно из его крыльев исчезло из виду, и, несмотря на судорожные взмахи другого крыла, оба они — и птица и змея — тяжело упали на землю.

Они упали близко от того места, где поднялись. Ни тот, ни другая не были убиты при падении — казалось, они даже не ушиблись, так как, едва коснувшись земли, начали яростную борьбу. Птица стремилась высвободиться из обвивавших ее колец, а змея старалась удержать ее. Змея словно знала, что в этом ее единственная надежда: если бы она отпустила коршуна и попыталась уползти, тот опять схватил бы ее. Только потому, что змея спрятала голову в траву, коршуну не удалось схватить ее за шею и прикончить сразу. Возможно, что в данный момент ее противник был бы рад свести борьбу «на ничью», так как находился в еще худшем положении. При создавшейся обстановке змея бесспорно имела преимущество.

Борьба обещала быть длительной. Змея изо всех сил извивалась на земле, а птица все билась одним крылом, которое было еще свободно, и в положении сражающихся долго не было заметно никаких изменений. Они останавливались, чтобы передохнуть, через каждые две-три минуты.

Как же суждено было кончиться поединку?

Коршун не мог убить змею, так как ему не удавалось достать до нее ни клювом, ни когтями. Свою первоначальную хватку он утерял при падении и теперь уже не был в состоянии возобновить ее, так как змея очень плотно обвилась вокруг его тела.

С другой стороны, змея не могла убить коршуна, потому что, хотя и обладала известной силой для того, чтобы сжать своими кольцами птицу, силы этой было все же недостаточно. Ее хватало, чтобы удержать и до некоторой степени сжать своего врага, но не хватало, чтобы раздавить и задушить его.

В этот момент оба врага хотели бы находиться как можно дальше друг от друга, но не могли разойтись, не подвергаясь каждый большой опасности.

Коршун не мог вырваться, а змея не решалась выпустить его.

Как же суждено было этому кончиться, если не вмешается какая-нибудь третья сила? Этот вопрос задавали себе наши любители приключений, с интересом наблюдая за происходящим. Они строили следующие предположения.

Борьба кончится, когда кто-нибудь из двоих умрет с голоду. По кто погибнет первым? Хорошо известно, что коршун может прожить без пищи несколько дней. Но и змея тоже. Больше того: пресмыкающееся может прожить без пищи в десять раз дольше, чем птица, а змея только что пообедала — великолепно пообедала ящерицей-скорпионом, которая сейчас находилась еще не переваренная в ее желудке. Коршун же, очевидно, давно ничего не ел и был очень голоден, если решил попытаться съесть кроваво-красную змею в четыре фута длиной, так как его обычной пищей являются саранча, аноли и маленькие зеленые змейки. Следовательно, со всех точек зрения, у змеи было преимущество перед птицей и змея оказалась бы победительницей. Так бы и кончилось все происшествие, если бы противники были предоставлены самим себе.

К такому заключению пришли юные охотники и, понаблюдав борьбу и удовлетворив свое любопытство, хотели уже выйти из кустов и положить ей конец, когда новые действия сражающихся заставили мальчиков снова притаиться.

Коршуну удалось приблизить свою голову к голове змеи, и он ударял по ней открытым клювом, стараясь схватить ее за челюсти. Коршун лежал на спине — эти птицы лучше всего сражаются в таком положении. Змея изо всех сил старалась укусить врага и время от времени открывала пасть, обнажая двойной ряд острых конусообразных зубов. В один из таких моментов коршун нанес ей сильный удар и захватил в клюв нижнюю челюсть змеи. Та сейчас же закрыла пасть, но острые змеиные зубы не могли повредить твердый клюв, и птица не обращала на это внимания.

Коршун продолжал крепко держать змею своим мощным клювом. Теперь он завоевал преимущественное положение. Он не собирался медлить и хотел использовать свое превосходство. Быстро перевернувшись при помощи крыла, он впился в землю когтями одной лапы и стал подтягивать голову змеи поближе к себе, пока она наконец не оказалась в пределах досягаемости другой его лапы. Затем одним яростным ударом он захватил горло врага когтями и стал сжимать его, точно тисками.

Это положило конец борьбе. Красные кольца ослабли и соскользнули. Змея еще слегка шевелилась, но это были уже предсмертные судороги. Через несколько мгновений тело ее лежало, вытянувшись на траве, без сил и без движения.

Коршун вскоре вырвал клюв из челюстей змеи, поднял голову, расправил крылья, чтобы удостовериться, что свободен, и с победным криком поднялся в воздух, а за ним потянулось, точно шлейф, длинное тело змеи.

В это время другой крик достиг ушей юных охотников. Его можно было бы принять за эхо первого крика, но он прозвучал более дико и громко. Все устремили глаза туда, откуда он послышался. Мальчики хорошо знали, кто это кричит, они слышали подобный крик и раньше. Они знали, что такие звуки издает белоголовый орлан.

Юные охотники тут же и увидели его. Он парил высоко в голубом небе, распустив большой хвост и раскинув широкие — семи футов в размахе — крылья.

Орлан летел по прямой, направляясь к коршуну, и явно желал отнять у того только что завоеванную добычу. Коршун услышал крик, прозвучавший как эхо его собственного, и, понимая его значение, сразу напряг всю силу крыльев, чтобы подняться повыше в воздух. Он, казалось, твердо решил не отдавать добычу, которая досталась ему с таким трудом, или, по крайней мере, не уступать ее без боя.

Птицам его породы иногда удается улететь от орла, то есть от некоторых орлов, так как эти царственные птицы отличаются друг от друга по быстроте полета, как собаки от лошади по быстроте бега. Коршуны тоже бывают разные, и тот, о котором идет речь, будучи абсолютно уверен в мощи своих крыльев, думал, наверно, что сумеет потягаться со своим преследователем, который мог оказаться слишком жирным, слишком старым или слишком молодым, для того чтобы обладать необходимыми для полета силами.

Во всяком случае, коршун решил заставить орлана погоняться за собой, предполагая, если тот догонит его, быстро положить конец преследованию, уступив врагу добычу, как частенько вынужден делать сородич коршуна — скопа. Поэтому коршун стал набирать высоту, делая круги по пятидесяти футов в диаметре.

Если коршун предполагал, что его преследователь слишком стар, молод и жирен или в какой-то мере медлителен, ему предстояло скоро в этом разувериться. Те, которые наблюдали за полетом этой птицы, не разделяли точки зрения коршуна, — наоборот, юные охотники подумали, что никогда еще не приходилось им видеть более замечательного представителя орлиной породы.

У орлана было пышное оперение, а голова и кончик хвоста — белые как снег. Крылья широкие, четкого рисунка. Птица была очень большая, и это доказывало, что перед ними самка, а не самец. Как ни странно, природа, кажется, изменила себе в отношении этих птиц; самки их всегда ярче по оперению, крупнее, быстрее в полете, сильнее и даже свирепее, чем самцы...

Коршун устремляется все выше, изо всех сил напрягая свои остроконечные крылья, — вверх по спирали, как бы ввинчиваясь в воздух. Вверх устремляется и орлан, тоже по спирали, но более широкими кругами, которые охватывают орбиту полета коршуна. Обе птицы летят концентрическими кругами. Вот орбиты их полета пересекаются; теперь они кружат параллельно. Коршун взлетает еще выше. Преследующий его орлан тоже взмывает вверх. Они все больше приближаются друг к другу. Круги их становятся все уже, но это только кажется, так как они поднялись очень высоко. Вот коршун превратился в точку и кажется неподвижным; вот он совсем пропал из виду. Орлана еще видно, но сверкает только маленькое пятнышко, точно кусочек белого облака или снега на голубом небе, — это кончик

его хвоста. Наконец и оно исчезло — и коршун и орлан словно растаяли в воздухе.

Чу! Сс-сс-ш!.. Вы слышали этот звук, точно свист ракеты? Посмотрите, что-то упало на верхушку дерева и сломало несколько веток. Смотрите, это коршун! Он мертв, и из раны на плече сочится кровь.

Чу, опять! Фш-ш-ш! Это орлан. Видите, у него в когтях змея!

Орлан камнем ринулся вниз. Полет его был так стремителен, что за ним нельзя было проследить глазом. В двухстах-трехстах ярдах от земли он расправил крылья и распустил, как веер, хвост, что сразу затормозило его движение вниз. Затем несколькими размеренными взмахами крыльев он медленно поднялся над верхушками деревьев и уселся на вершину засохшей магнолии.

Базиль схватил ружье, чтобы выстрелить. Ему негде было спрятаться, так как дерево, на которое опустился орлан, стояло на голом месте. Юный охотник знал по опыту, что приблизиться к птице верхом на лошади было единственным шансом, поэтому он выдернул колышек, к которому был привязан Черный Ястреб, и, вскочив в седло, поскакал меж кустов. Не прошло и нескольких минут, как послышался выстрел, и орлан свалился с дерева.

Это было последним звеном в цепи разрушений.

Базиль возвратился, неся большую птицу. Это была самка, как и сказал Люсьен, очень крупная — более двенадцати фунтов весом, а размах крыльев ее равнялся семи футам. Обычно вес птицы этой породы редко превышает восемь фунтов и сами они бывают небольшими.

— Как цепь разрушений! — воскликнул Люсьен. — Одно существо служит добычей другому.

— Да, — сказал Франсуа. — И как интересно: это началось с птицы и кончилось птицей. Посмотрите на них обеих!

Говоря это, он указал на крошку-колибри и на огромного орлана, которые лежали в траве рядом и представляли собой резкий контраст по величине и внешнему виду.

— Ты забываешь, Франсуа, — сказал Люсьен, — что в этой цепи были еще два звена, а может быть, и больше.

— Какие же другие звенья? — спросил Франсуа.

— Колибри, как вы помните, подверглась нападению в то время, когда она сама являлась разрушителем — она убивала синекрылую мушку.

— Да, это, конечно, другое звено... Но кто убил орлана?

— Думаю, это Базиль. В таком случае, он является последним звеном в цепи разрушений.

— И, может быть, самым преступным, — сказал Люсьен, — потому что ему это было меньше всего необходимо. Остальные существа руководствовались лишь инстинктом к добыванию пищи, тогда как целью Базиля было стремление к бессмысленному разрушению...

— Я не согласен с тобою, Люс! — сказал Базиль, резко прерывая брата. — Дело совсем не в этом. Я застрелил орлана за то, что он убил коршуна и отнял у него добычу, вместо того чтобы потрудиться самому и добыть себе пищу. Вот почему я добавил это звено к твоей цепи.

— С этой точки зрения, тебя, пожалуй, можно извинить, — отвечал Люсьен, улыбаясь брату. — Хотя трудно понять, почему орлан больше виноват, чем коршун: он взял только одну жизнь, так же как и коршун.

Базиль, казалось, был немного рассержен тем, что его обвинили в бессмысленной жестокости.

— Но, — возразил он, — помимо того, что орлан лишил жизни свою жертву, он обокрал ее. Он совершил грабеж и убийство, а коршун виновен только в убийстве.

— Ха-ха-ха! — рассмеялись вместе Люсьен и Франсуа. — Вот так рассуждение!

— Люс, — спросил Франсуа, — а что ты имел в виду, когда говорил, что в этой цепи могло быть еще много звеньев?

— Кто знает... может быть, синекрылая мушка сама питалась какими-нибудь другими, еще более мелкими существами, а те, в свою очередь, — другими, мельчайшими, которые, хотя и невидимы простым глазом, все же являются живыми существами. Кто знает, зачем природа создала эти существа... Чтобы они служили пищей друг другу? Вот вопрос, на который мы не можем найти удовлетворительный ответ.

— Как знать, Люс, — сказал Франсуа. — Как знать... Может быть, есть еще одно звено, по другую сторону этой цепи... Базиль, а что скажешь ты? Может быть, мы еще встретимся с медведями гризли? — И Франсуа рассмеялся.

— А если это произойдет, — ответил Базиль, — скорее всего, именно ты явишься этим последним звеном.

— Не говори так! — воскликнул Люсьен. — Я надеюсь, что в нашем путешествии мы не встретим ни гризли, ни индейцев.

— А я жажду сразиться с гризли! Что касается индейцев, я ни капельки их не боюсь, пока у меня есть вот это.

С этими словами Базиль достал из-за пазухи расшитый бисером мешочек, подержал его с минуту в руках и спрятал на прежнее место.

— Базиль, ну, пожалуйста, — воскликнул Франсуа, — расскажи нам об этом мешочке! Как он сможет спасти нас от индейцев? Мне очень хочется знать.

— Не сейчас, Франсуа, — ответил Базиль снисходительным тоном старшего. — Не сейчас. Надо приготовить ужин и ложиться спать. Мы потеряли полдня, просушивая вещи, поэтому должны наверстать время, встав пораньше утром. А затем — в прерии!

— А затем — в прерии! — повторил Франсуа. — Да здравствуют прерии, мустанги, олени, антилопы и бизоны!

Глава XII. ТРИ «КРЫЛАТЫХ БИЗОНА»

На следующее утро наши путешественники снова пустились в путь, и в течение нескольких дней никаких особенных приключений с ними не произошло. Они пересекли много больших рек, среди которых можно назвать Нечес и Тринити в Техасе. Между реками Тринити и Брасос с мальчиками произошел случай, который чуть было не закончился очень печально.

В жаркие дни юные охотники обычно в полдень делали привал, чтобы отдохнуть самим и дать отдых животным. Это обычай большинства путешественников в диких местах, и он получил название «полдника».

С этой целью мальчики остановились однажды на опушке леса и спешили. Позади них был лес, сквозь который они только что проехали, а перед ними расстилалась прерия, которую они намеревались пересечь вечером, пользуясь прохладой. Поверхность прерии была совершенно гладкая и покрыта зеленым ковром бизоновой травы. Однообразие картины нарушалось лишь время от времени попадающимися островками низкого кустарника. Вдали виднелся густой лес вечнозеленых дубов, окаймлявший прерию с противоположной стороны, и, хотя лес этот, казалось, был всего в двух-трех милях, на самом деле он отстоял от места привала не менее чем на десять миль — так обманчив прозрачный воздух этой возвышенной местности.

Местность, в которой находились сейчас мальчики, представляла собой так называемую «лесистую прерию», то есть прерию, в которой попадаются рощицы и лески.

Итак, наши путешественники только что спешили и собирались уже расседлать лошадей, когда их внимание было привлечено восклицанием Франсуа.

— Смотрите, — кричал он, указывая на прерию, — бизоны, бизоны!

Базиль и Люсьен посмотрели в указанном направлении. На гребне небольшой возвышенности виднелись три больших темных силуэта. Они двигались. Один из них был явно меньше остальных двух.

— Конечно же, это бизоны! — продолжал Франсуа. — Посмотрите, какие они

большие! Это, без сомнения, два быка и корова.

Братья согласились с ним. Никто из юных охотников никогда не видел бизонов в их родной пустыне, и, конечно, у них было очень туманное представление о том, как те должны выглядеть на расстоянии.

Должно быть, это все же бизоны. Лось или олень казались бы рыжими, волки — рыжеватыми или белыми. Это не могли быть и медведи, поскольку те не стали бы ходить по прерии втроем, — если только это не гризли, которые действительно иногда выходят на открытое место, чтобы выкопать себе репу или другие корни. Однако это маловероятно, так как гризли почти никогда не заходят так далеко на восток. Нет, это не гризли. Ясно, что это и не мустанги. Следовательно, это бизоны.

Как и все, кто видит бизонов впервые на их родных пастбищах, наши юные охотники пришли в сильное волнение, главным образом оттого, что встреча с этими животными являлась основной целью их экспедиции — целью долгого и опасного путешествия.

Братья стали совещаться, как добыть этих животных. Ясно, что среди трех бизонов не было ни одного белого, но это не имело сейчас значения. Нашим охотникам хотелось попробовать мяса бизонов, а погоня за этими бизонами послужила бы им хорошей практикой, которая смогла бы пригодиться потом. Но какой способ охоты применить в данном случае?

— Конечно, погоню! — заявил Франсуа с видом опытного охотника за бизонами.

В прериях существует несколько способов охоты на бизонов, применяемых как белыми, так и индейцами. Наиболее распространенный из них тот, о котором говорил Франсуа: погоня. Этот способ состоит в том, что охотник верхом на лошади просто догоняет бизона и стреляет ему в сердце. Попасть надо обязательно в область сердца, так как иначе вы можете выпустить в тело животного хоть двадцать пуль, а бизон все-таки ухитрится уйти от вас. Охотники целятся немного выше груди и пониже плеча. Белые охотники стреляют из ружья или иногда из большого пистолета, который лучше подходит в данном случае, ибо его легче заряжать на скаку. Индейцы предпочитают лук, так как могут быстро посылать стрелу за стрелой, убивая за одну погоню сразу несколько бизонов. Индейцы так хорошо владеют этим оружием, что их стрелы иногда пронизывают тело бизона насквозь и выходят с другой стороны. Порой индейцы применяют копья, которые мечут в бизонов, поравнявшись с ними.

Другой способ охоты на этих животных называется «скрад». Он состоит в том, что охотники незаметно подкрадываются к бизонам на расстояние выстрела, затем стреляют из ружья, снова заряжают и снова стреляют, и так далее, пока не убивают многих, прежде чем животные успевают убежать. Иногда охотник подкрадывается совсем близко и, прячась за телами уже убитых им бизонов, ведет огонь, пока не уничтожает почти все стадо. В таких случаях охотник старается держаться с подветренной стороны, так как иначе эти животные, обладающие гораздо более острым обонянием, чем зрением, почуяв его, мгновенно убегают. У бизонов такое острое чутье, что они могут обнаружить врага, если он подходит с наветренной стороны, даже на расстоянии мили и более. Охотясь способом скрада, охотник иногда надевает на себя шкуру волка или оленя, и бизоны, принимая его за одного из этих животных, подпускают на расстояние выстрела.

Рассказывают, что один индеец пробрался таким образом в середину стада и из лука перестрелял всех бизонов одного за другим.

Способ скрада иногда лучше, чем погоня. В этом случае охотник бережет свою лошадь, нередко измученную, и может убить большое количество бизонов и получить много шкур, если в этом заключается его цель, как это часто бывает. Если же это только путешественник или траппер, занимающийся ловлей бобров, который просто хочет добыть себе бизона на обед и ему не нужно более одного, погоня является наиболее верным способом. В таком случае, однако, охотник может убить лишь одного или, от силы, двух-трех, так как, пока он стреляет в одних и перезаряжает ружье, стадо разбегается, а его лошадь уже измучена и не может продолжать погоню.

Третий способ охоты на бизонов — окружение. Этот способ применяется только

индейцами, поскольку белые охотники редко выезжают в прерии в таком количестве, чтобы быть в состоянии окружить стадо. Самое название почти объясняет характер этой охоты, которая производится следующим образом.

Когда отряд охотников-индейцев обнаруживает стадо бизонов, они рассыпаются и окружают стадо. Им удается достигнуть этого очень скоро на своих быстрых лошадях: как всякие охотники в прериях, будь то белые или индейцы, они охотятся, конечно, верхом. Как только круг замыкается, индейцы с громкими криками скачут внутрь круга и сгоняют всех бизонов в центр, в тесную группу. Затем индейцы набрасываются на них с луками и копьями, и каждый охотник убивает сколько может. Бизоны пугаются, мечутся туда и сюда, и лишь немногим удается убежать. За одну такую облаву индейцы иногда уничтожают стадо, состоящее из сотен или даже тысяч бизонов.

Индейцы совершают такое массовое уничтожение с двумя целями: во-первых, чтобы добыть мясо, которое они сохраняют путем вяления — разрезая на тонкие, длинные куски и высушивая на солнце; во-вторых, чтобы добыть шкуры, которыми они покрывают свои палатки и постели и из которых делают одежду. Много шкур индейцы меняют в факториях белых, специально для этого расположенных в отдаленных районах. Там они получают взамен ножи, ружья, пули, порох, бусы и киноварь.

Есть еще один способ охоты на бизонов, применяемый индейцами. Он не похож на последний, только что описанный, но еще более жесток.

Большая часть мест, где водятся бизоны, представляет собой высокие нагорные прерии, которые в Азии называются «степи», а в Мексике и Южной Америке — «столовые горы» или «плато». Такие равнины подняты над уровнем моря на высоту от трех до шести тысяч футов.

Во многих местах этих плато имеются так называемые каньоны, или, что вернее, барранкосы, которые, вероятно, образовались под влиянием размывших их потоков воды во время дождей. Эти каньоны обычно сухие и представляют собой огромные расселины, глубина которых доходит до тысячи и более футов; они тянутся на десятки миль.

Иногда две такие расселины пересекаются, образуя треугольник или «полуостров», и путешественник, попав туда, должен повернуть обратно, поскольку он окружен пропастями, которые уходят в глубь земли. Если индейцам удастся загнать бизонов к одному из таких каньонов, они окружают животных с трех сторон и гонят к пропасти. Когда бизоны уже близко от пропасти, индейцы бросаются на них с дикими криками, и бизоны, обезумев от страха, слепо кидаются вперед. Все стадо иногда прыгает, таким образом, в пропасть. Передних подталкивают задние, а те, в свою очередь, вынуждены прыгать, иначе преследующие их всадники вонзят в них копыя.

Когда индейцев недостаточно много, чтобы произвести окружение, они собирают сухой помет и складывают его так, что получается нечто похожее на человеческие фигуры. Помет размещают двумя рядами, которые постепенно сближаются и ведут к обрыву. Индейцы гонят бизонов между этими двумя рядами, и животные, принимая кучи помета за людей, направляются вперед, к краю пропасти, где охотники делают шумный набег и заставляют бизонов прыгать в пропасть.

Существуют и другие способы охоты на бизонов — например, преследование их по снегу, когда охотники на лыжах легко нагоняют и убивают их. Некоторые мексиканские охотники за бизонами (называемые в южных прериях «сиболерос») ловят бизонов при помощи лассо, но этот способ применяется не часто — обычно в тех случаях, когда охотники хотят поймать молодых телят живыми, чтобы вырастить их.

Все эти способы были известны нашим юным охотникам, то есть знакомы по рассказам — они часто слышали об этом от старых трапперов, приходивших в Луизиану и иногда проводивших ночь под кровом их отца, так как полковник очень любил принимать старых трапперов и слушать их рассказы. Именно из этого источника Франсуа и почерпнул свои знания относительно охоты на бизонов, что и заставило его гордо воскликнуть: «Конечно, погоню!»

Базиль и Люсьен задумались, не сводя глаз с трех бизонов. Их было как раз по одному на каждого охотника. Мальчики могли разделиться и погнаться каждый за своим, тем более что они находились слишком далеко от какого бы то ни было укрытия и поймать бизонов способом скрада оказывалось невозможным. Кроме того, лошади были свежие, так как накануне было воскресенье, а наши путешественники взяли себе за правило всегда по воскресеньям давать отдых себе и своим животным — так им велел отец перед отправкой в путь.

Взвесив все это, юные охотники остановились на погоне, как на наиболее приемлемом способе.

Жаннет привязали к дереву и оставили позади со всей поклажей, которая еще не была снята с ее седла. Маренго, конечно, взяли с собой, так как он мог пригодиться, чтобы затравить старого бизона, если удастся его ранить. Все, что могло помешать охотникам, они оставили с Жаннет, и все трое поскакали в прерию, по направлению к животным. Мальчики договорились, что каждый наметит себе одного и затем, при помощи ружья и пистолета, сделает все от него зависящее.

Франсуа зарядил оба ствола крупной дробью и был уверен, что вот-вот подстрелит своего первого бизона.

Когда мальчики подскакали поближе, их внимание привлекло то, что тела этих странных животных блестели. Что же это, бизоны или нет?

Братья тихо ехали вперед, внимательно вглядываясь в животных. Нет, это не бизоны. Грубая, косматая шкура бизонов не могла бы так блестеть, а шкура этих животных так и отливала на солнце при каждом движении.

— Это не бизоны, — сказал Люсьен после того, как внимательно вгляделся, приложив к глазам руку козырьком.

— Кто же это тогда? — спросил Франсуа.

— Послушайте! — ответил Люсьен. — Слышите?

Все трое натянули поводья и остановились. Они ясно услышали громкое «гобл-обл-обл».

— Клянусь жизнью, — воскликнул Франсуа, — это кричит старый индейский петух!

— Совершенно верно, — с улыбкой ответил Люсьен. — Это дикие индейки.

— Индейки? — отозвался Базиль. — Мы индеек приняли за бизонов? Какой ужасный обман!

Все трое сначала посмотрели недоумевающе друг на друга, а затем принялись от души хохотать над своей ошибкой.

— Не будем никогда никому об этом рассказывать, — сказал Базиль. — Над нами все станут смеяться.

— Нисколько, — ответил Люсьен. — Такие ошибки часто совершают и старые охотники, находясь в прерии. Это очень распространенный атмосферический обман зрения. Я слышал о еще худших случаях — ворону принимали за бизона!

— Значит, когда мы встретим бизонов, я думаю, мы примем их за мамонтов? — заметил Франсуа.

И разочарованные охотники сосредоточили теперь все свое внимание на том, чтобы добыть всех трех «крылатых бизонов».

Глава XIII. ОХОТА ЗА ДИКИМИ ИНДЕЙКАМИ

— Вперед! — воскликнул Базиль, пришпоривая коня. — Вперед! В конце концов, не так уж плохо получить на обед жирную индейку. Поехали!

— Подожди, Базиль, — сказал Люсьен. — Как мы к ним приблизимся? Они же на открытой местности — нам спрятаться негде.

— Нам не нужно никакого укрытия. Мы можем просто догнать их, как если б это были бизоны.

— Ха-ха-ха! — рассмеялся Франсуа. — Погоня за индейками! Но ведь они тотчас же улетят! Какие глупости ты говоришь, Базиль!

— Вовсе нет, — ответил Базиль. — Не глупости. Это можно сделать. Я часто слышал о подобных случаях от трапперов, а теперь давайте попробуем сами это сделать.

— Тогда решено, — сказали сразу Франсуа и Люсьен, и все трое двинулись вперед.

Когда мальчики подъехали достаточно близко, чтобы различить очертания птиц, они увидели, что там были два старых индюка и одна индейка. Индюки важно расхаживали, распутив хвосты, точно веера, и их крылья волочились по траве. Время от времени они издавали свое громкое «гобл-обл-обл», и по всему было ясно, что это два соперника и что дело, очевидно, кончится битвой. Самка гордо шествовала по траве, и вид у нее был спокойный и кокетливый. Конечно, она сознавала, что возбуждает горячий интерес в сердцах этих воинственных петухов. Она была намного меньше их и не столь яркая по оперению, самцы же сверкали яркостью красок, не уступая павлинам. Их глянцевиные спины отливали на солнце металлическим блеском, и наши охотники подумали о том, что никогда еще не видели таких красивых птиц.

Поглощенные своей ссорой, индюки, конечно, дали бы возможность охотникам приблизиться на расстояние выстрела; самка, однако, была настороже и, заметив мальчиков, подняла голову с громким криком, который привлек внимание ее кавалеров. В одно мгновение индюки закрыли и опустили распушенные хвосты сложили крылья и вытянули длинные шеи. Внешность их совершенно изменилась, и они стояли теперь прямо; каждый оказался футов пяти ростом.

— Какие красивые создания! — воскликнул Люсьен.

— Да, — прошептал Базиль, — Однако они не будут нас дожидаться, нам лучше броситься сейчас же. Ты возьми индейку, Люсьен, — твоя лошадь не такая резвая, как наши. Приготовились! Вперед!

Все трое прищипорили лошадей и рванулись вперед.

Через мгновение охотники были уже ярдах в ста от индеек. Птицы, застигнутые врасплох, пробежали несколько шагов, а затем поднялись в воздух, громко хлопая крыльями. Второпях они все трое полетели в разных направлениях. Каждый мальчик выбрал себе ту, которую намеревался преследовать, и охотился уже теперь только за ней. Базиль и Франсуа поскакали за индюками, а Люсьен спокойным галопом последовал за индейкой.

Маренго, конечно, тоже участвовал в погоне, примкнув к Люсьену: может быть, он определил, что мясо самки вкуснее, а может быть, и сообразил, что ее легче поймать, чем остальных.

Индейка летела недолго и, снова опустившись на землю, со всех ног побежала прямо к ближайшему леску. Туда направился и Люсьен. Он следовал за Маренго, который время от времени громко лаял.

Когда Люсьен въехал в лесок, он увидел, что собака стоит под большим дубом. Маренго загнал индейку на дерево и теперь смотрел на нее, задрвав морду, лая и помахивая хвостом. Люсьен осторожно подъехал к дереву, где увидел индейку, затаившуюся среди покрытых мхом ветвей дуба.

Люсьен вскинул ружье; раздался выстрел — и птица покатила вниз, задевая за листву. Маренго кинулся к индейке, как только она оказалась на земле, но его хозяин, соскочив с лошади, отогнал собаку и поднял добычу. Птица была убита наповал.

Люсьен снова сел на лошадь. Когда он выехал из-за деревьев, то увидел Базиля, скачущего далеко в прерии. Базиль скакал во весь опор, а на некотором расстоянии впереди него был виден индюк, который распростер крылья и бежал, как страус. Оба они — и Базиль и индюк — скоро скрылись из виду за одним из лесных островков.

Люсьен стал искать глазами Франсуа. Его нигде не было видно, так как он преследовал своего индюка в том направлении, где купы деревьев стояли теснее. Решив, что нет смысла ехать вслед ни тому, ни другому, Люсьен медленно двинулся обратно — туда, где на опушке леса была привязана Жаннет. Здесь он сошел с лошади и стал дожидаться братьев.

Погоня Базиля оказалась более длительной, чем он предполагал. Он выбрал самую большую птицу, которая, естественно, оказалась и наиболее сильной и выносливой. Индюк в первый же взлет пролетел расстояние около мили, а когда опустился на землю, то побежал, как испуганная кошка. Но Базилю нельзя было обескуражить, и, как следует пришпорив коня, он быстро нагнал птицу. Индюк снова взлетел и пролетел еще полмили. Опять Базилю нагнал его, и снова старый петух поднялся на воздух, но на этот раз он пролетел лишь ярдов сто и снова опустился. Базилю на своем быстром коне скоро опять догнал его. Индюк был уже не в состоянии лететь дальше. Однако бежать он мог еще довольно быстро и там, где дорога шла в гору, намного опередил лошадь. Но под гору та скакала быстрее. Так продолжалось, пока птица не начала кружить и петлять, выказывая все признаки усталости. Несколько раз лошадь настигала индюка, но он поворачивал и менял направление.

Погоня продолжалась довольно долго. Наконец птица, совершенно измученная, припала к земле и спрятала голову и длинную шею в заросли, как страус, вообразив, что таким образом укрылась от своего преследователя. Базилю натянул поводья, поднял ружье; в следующее мгновение пуля пронзила индюка, и он вытянулся мертвый на траве.

Тогда Базилю сошел с лошади и, подняв индюка, привязал его за ноги к луке седла. Для этого юноше пришлось напрячь все силы, так как птица была очень крупная и весила фунтов сорок. Затем Базилю вскочил в седло и пустился в путь... Но куда? Этот вопрос он сразу задал себе, едва лошадь сделала несколько шагов. Куда ехать?

Вдруг мозг его пронзила мысль, что он заблудился. Со всех сторон его окружали рощицы; они все походили друг на друга, а если и отличались чем-нибудь, то во время своего дикого галопа он не заметил в них никакого различия. Он не имел ни малейшего представления о том, откуда приехал, и поэтому не знал, куда ехать. Базилю ясно видел и понимал, что заблудился.

Мой юный читатель, ты не можешь представить себе, какие мысли приходят в голову тому, кто заблудился в прериях. В таком положении дрогнет сердце даже у более мужественных людей. Сильные люди трепетали, оказавшись одни в пустыне, и они имели для этого достаточно оснований, так как знали, что это часто кончается смертью. Потерпевший кораблекрушение моряк в жалкой лодчонке редко находится в худшем положении, чем путешественник, заблудившийся в открытой прерии, и многие при таких обстоятельствах лишались рассудка. Представьте же себе чувства Базиля!

Я уже говорил, что это был храбрый и выдержанный юноша. Таким он себя показал и на этот раз. Он не потерял присутствия духа. Пустив лошадь шагом, Базилю стал внимательно оглядывать прерию, но это ни к чему не привело. Место было совершенно незнакомое. Базилю громко крикнул, но не услышал ни эха, ни ответа. Он выстрелил и стал ждать, думая, что Люсьен и Франсуа ответят ему тем же сигналом, но ответа не последовало. Он перезарядил ружье и сидел некоторое время в седле, погруженный в раздумье.

— А, вот что надо сделать! — воскликнул он вдруг, приподнимаясь на стремянах. — Как я глуп — не догадался сразу! Вперед, Черный Ястреб! Мы еще не погибли!

Базилю не зря был охотником с малых лет, и, хотя его опыт охоты в прериях был невелик, ему пригодилось сейчас его знание лесной охоты. Ему пришла в голову хорошая мысль: вернуться по своим собственным следам. Только это и могло спасти его.

Базилю повернул лошадь и, пристально вглядываясь в землю, медленно поехал вперед. Трава была жесткая, и следы копыт были не глубоки, но Базилю обладал глазом охотника — он умел идти по следу даже молодого оленя.

Через несколько минут Базилю приехал туда, где Люсьен убил индейку, — на земле виднелись следы крови, валялись перья. Здесь Базилю задержался немного, пока не определил направление, по которому он приблизился к этому месту.

Базилю медленно направился по старому следу. После того как он проехал некоторое расстояние, след вдруг стал расходиться в разные стороны. Базилю поехал по одному из направлений и скоро приехал обратно почти к тому же самому месту. Следы все расходились, не отходя дальше чем на сто ярдов от места, где была застрелена индейка.

Все эти повороты молодой охотник проделывал каждый раз с величайшим старанием и терпением. Здесь сказались его рассудительность и знание охотничьего искусства, ибо, прояви он нетерпение и сделай большой круг, чтобы найти след, он мог бы попасть на свои же только что оставленные следы и, таким образом, очутиться в настоящем лабиринте.

Вскоре круги, которые Базиль делал, стали больше, и, к своей великой радости, он наконец обнаружил, что продвигается по прямой линии. Следы его пересекало множество лошадиных следов; некоторые из них были почти такие же свежие, как следы его лошади, но они не сбили Базилья. Это были следы мустангов, и, хотя Черный Ястреб тоже не был подкован, Базиль знал следы его копыт так же хорошо, как вид собственного ружья. След арабского коня был значительно крупнее следов диких лошадей.

После того как Базиль проехал назад по своему следу около часа, все время глядя в землю, он вдруг услышал, что его окликнули по имени. Подняв голову, он увидел на опушке леса Люсьена. С радостным возгласом Базиль прищипорил лошадь и поскакал вперед; однако, когда он подъехал ближе, чувство радости сменилось мучительным предчувствием. Здесь был Люсьен, здесь были Жаннет и Маренго, но где Франсуа?

— Где Франсуа? — спросил Люсьен, когда Базиль подъехал.

Базиль с трудом мог говорить — так он был взволнован.

— А разве Франсуа не возвращался? — произнес он наконец.

— Нет, — ответил Люсьен. — Я думал, он с тобой и вы вернетесь вместе. Я удивлялся, что задержало вас так долго.

— О Боже, он заблудился! — воскликнул Базиль в припадке горя. — Люсьен, Люсьен, наш брат погиб!

— Погиб? Что ты хочешь сказать? — спросил Люсьен, уже думая, что на Франсуа напали индейцы или какой-нибудь дикий зверь. — С ним что-нибудь случилось? Говори, Базиль!

— Нет, нет! — ответил Базиль все еще в сильном волнении. — Он заблудился в прерии... Ах, Люс, ты не знаешь, что это такое! Это ужасно! Я тоже заблудился, но я нашел дорогу назад. А Франсуа, наш бедный маленький Франсуа, — для него нет никакой надежды, он погиб, погиб!

— Но разве ты не видел его с тех пор, как мы все трое разделились? — спросил в отчаянии Люсьен.

— Нет. Я сам заблудился и все время искал дорогу. Мне удалось вернуться только благодаря тому, что я ехал по своему собственному следу, иначе мы могли бы никогда больше не встретиться. О, Франсуа, бедный братец Франсуа, что с ним будет!

Люсьен разделял мрачные предчувствия и отчаяние брата. До этого момента он предполагал, что они отправились вместе и что-нибудь задержало их — возможно, разорвался стремянный ремень или лопнула подпруга... мало ли что, — и он начал уже волноваться, когда показался Базиль. Люсьен не знал, что это значит — заблудиться в прерии, но бессвязные объяснения Базилья помогли ему представить себе, чем это могло кончиться, и он теперь хорошо понимал положение Франсуа. Однако не время было предаваться горю. Люсьен видел, что Базиль почти лишился мужества, особенно потому, что считал себя причиной несчастья: именно Базилью принадлежала мысль погнаться за индейками, и он возглавлял погоню. Оба мальчика чувствовали, что должны немедленно что-то предпринять для спасения пропавшего брата.

— Что делать? — сказал Люсьен.

Базиль наконец пришел в себя. Надежда на спасение Франсуа вернула ему обычную энергию и мужество.

— Может быть, нам лучше остаться здесь? — спросил Люсьен, который знал, что его рассудительный брат найдет выход из положения.

— Нет, — ответил тот, — это бессмысленно. Даже я не мог бы найти дорогу обратно, если бы не следы моей лошади. Франсуа не придет это в голову, и, даже если он подумает об этом, его лошадь — мустанг, а прерия во всех направлениях покрыта следами мустангов.

Нет-нет, он никогда не сможет вернуться сюда — разве только случайно, а это всего один шанс против тысячи. Мы должны отправиться на поиски. Мы пойдем по его следу. Впрочем, боюсь, что и это невозможно — здесь слишком много других следов. Но прежде чем двинуться на поиски, — продолжал Базиль, — давай испробуем все средства, которые у нас еще остались. Твое ружье заряжено?

— Да, — ответил Люсьен.

— Я выстрелю, а ты выстрели немного погодя после меня. Первый выстрел может заставить его прислушаться, и он лучше услышит второй.

Базиль поднял ружье и выстрелил в воздух. Через несколько секунд выстрелил и Люсьен, и оба стояли тихо, прислушиваясь. Сердца их громко бились.

Братья стояли так больше пяти минут. Франсуа мог бы успеть зарядить свое ружье, если бы оно было не заряжено. Но ответного выстрела не последовало.

Опять братья зарядили ружья — на этот раз порохом, положив тяжелые заряды и туго забив их, чтобы выстрелы были громче. Они выстрелили. Результат был тот же самый: никакого ответа.

— Это доказывает, что Франсуа очень далеко, — сказал Люсьен. — В этой местности звук слышен на большом расстоянии.

— Давай попробуем дать сигнал дымом, — сказал Базиль, откладывая ружье. — Собери хворосту, Люс, пока я разожгу листья.

Базиль взял несколько пыжей и, положив их на землю, сгреб в кучу сухие листья, траву и поджег их. Тем временем Люсьен собрал охапку хвороста и положил его на костер. Сверху набросали сучьев с ветками и зелеными листьями, а поверх всего — несколько пригоршней испанского мха, который здесь в изобилии свисал с дубов. Вскоре высоко в небо поднялся густой дым, и братья стояли, напряженно вглядываясь в прерию.

— Франсуа, должно быть, очень далеко, если не видит дыма, — сказал Люсьен. — Я полагаю, что дым заметен на десять миль вокруг.

— Да, по крайней мере, — ответил Базиль. — И у него не заняло бы много времени проскакать десять миль. Очевидно, погоня увлекла его очень далеко, и он, обнаружив, что заблудился в поисках дороги, мог ускакать еще дальше.

— Да, если только он не напал, как и ты, на свой собственный след, — сказал Люсьен.

— Нет, вряд ли. Бедный маленький Франсуа не догадается сделать это — у него недостаточно опыта, и, кроме того, я даже надеюсь, что он не сделал этого.

— Почему? — спросил Люсьен.

— Потому что нам будет легче отыскать его след, если он двигался прямо вперед.

— Правда, правда! — ответил Люсьен.

И оба, снова погрузившись в молчание, стали взволнованно вглядываться в прерию.

Так они стояли некоторое время, пока наконец не повернулись друг к другу с выражением разочарования на лицах.

— Он не возвращается! — печально сказал Люсьен.

— Нет. Если бы он увидел дым, он бы пустился галопом и уже давно бы вернулся. Мы должны ехать за ним.

Но тут взгляд Базиля упал на собаку. В глазах у него сверкнул радостный огонек, и весь он вдруг преобразился.

— Мы напрасно тратили время! — воскликнул он. — Скорее, Люсьен, на коня, на коня!

— Что такое? — спросил с удивлением Люсьен.

— Не спрашивай меня! Отличная мысль пришла мне в голову! Но нельзя терять ни минуты. Время дорого, едем!

— А Жаннет мы оставим здесь?

— Конечно. Франсуа может приехать.

— А если он вернется, как он узнает, куда мы уехали?

— Это правда, — ответил Базиль и задумался. — Вот что, — продолжал он, — дай мне

бумагу и карандаш, а пока я буду писать, привяжи Жаннет.

Люсьен подал ему листок бумаги и карандаш, а затем принялся крепко привязывать мула к дереву. Базиль взял бумагу и написал:

«Франсуа, мы отправились по твоему следу. Жди нас около Жаннет».

Он прикрепил бумажку к стволу дерева так, чтобы она сразу бросилась в глаза, схватил ружье и, прыгнув в седло, сказал Люсьену, чтобы тот следовал за ним.

Люсьен сел на свою лошадь и поехал за Базилем. Собака Маренго бежала сзади.

Глава XIV. ПО СЛЕДУ С ОХОТНИЧЬЕЙ СОБАКОЙ

Братья поехали туда, откуда начали преследование индеек.

Отсюда Франсуа поехал налево, но там было много следов в одном и том же направлении, в том числе и следы скачущих лошадей.

— Я ведь уже сказал, — заметил Базиль, — что нам не найти его след. Тут очень трудно разобраться. Вот эти следы, должно быть, его — они выглядят свежее остальных. Попробуем идти по ним... Маренго!..

— Подожди, Базиль, — прервал Люсьен. — Последний раз я видел Франсуа вон там — он проскакал мимо того леса.

— Это уже лучше! Может быть, там его следы легче отличить от других. Вперед!

Проехав еще около ста шагов, мальчики приблизились к леску, указанному Люсьеном.

— Да, — воскликнул Базиль, — ты прав! Франсуа проезжал здесь — видны его следы.

Базиль сошел с лошади и отдал поводья Люсьену. Он встал на колени в траве и тщательно рассмотрел отпечатки копыт один за другим.

— Так, — тихо сказал он, поднимаясь. — Я узнаю тебя среди тысячи... Приготовься к быстрой езде, — продолжал он, обращаясь к Люсьену. — Собака, конечно, помчится со всех ног, нам придется скакать во весь опор... Маренго!

Собака подбежала к юному охотнику, наклонившемуся над следом. Базиль держал в руках красное одеяло Франсуа, которое тот отвязал с лошади и сбросил, когда начал погоню. Собака понюхала одеяло, тихо скуля и поглядывая на своего хозяина умными глазами. Казалось, она понимала, чего от нее хотят.

Базиль перекинул одеяло через седло, снова наклонился, провел рукой по траве и показал жестом Маренго, чтобы он шел в этом направлении. Охотничья собака коротко залаяла, прыгнула голову к земле и побежала по следу.

Базиль сейчас же вскочил в седло и, схватив поводья, крикнул брату:

— Едем, Люсьен! Мы не должны терять собаку из виду, даже если наши лошади упадут замертво. Все зависит от того, чтобы не упустить ее из поля зрения.

Оба пришпорили лошадей и галопом ринулись вперед.

— Мы должны знать, как найти дорогу обратно, — сказал Базиль, натягивая поводья, когда они проезжали мимо группы деревьев. — Нам бы самим не заблудиться!

С этими словами он надломил ветку дерева, и она повисла, раскачиваясь. Затем Базиль снова пустился галопом.

Около мили собака бежала по прямой, никуда не сворачивая: это была линия первого полета индейки. Затем направление несколько изменилось, и они снова поехали прямо.

— Второй полет, — сказал Базиль брату.

Они скакали галопом, то с беспокойством следя за собакой, то задерживаясь на мгновение у какого-нибудь приметного дерева, чтобы надломить ветку, отметив таким образом свой путь.

Наконец собака вбежала в рощицу.

— Вот! — воскликнул Базиль. — Здесь Франсуа убил индейку... Нет... — продолжал он, когда собака выскочила из рощицы снова на открытую равнину. — Нет, индейка пыталась спрятаться здесь, но ее настигли, и она полетела дальше.

Маренго пробежал по прямой еще несколько сотен шагов, потом вдруг начал кружить

по прерии.

— Остановись, Люсьен! Остановись! — воскликнул Базиль, натягивая поводья. — Я знаю, что это значит. Не наезжай на след — ты собьешь Маренго. Не мешай ему.

Через несколько секунд собака остановилась, испустила короткий вой и подкинула носом в траве какой-то темный предмет. Базиль и Люсьен наблюдали на некотором расстоянии. Они увидели, что это перья.

— Нет сомнений, именно здесь Франсуа убил птицу, — сказал Базиль. — Если бы только Маренго удалось напасть на след, по которому Франсуа поехал отсюда, все было бы хорошо... Но смотри, смотри — он опять побежал!

Теперь наступило время, когда у Базиля и Люсьена еще сильнее забилося сердце. Они знали, что приближается критический момент. Если Маренго, как сказал Базиль, удастся найти след Франсуа, собака почти наверняка поведет их по этому следу. В этом были уверены оба брата, они знали способности своей собаки. Но найдет ли она этот след?

Оба чувствовали, что от этого зависит жизнь их брата, и неудивительно, что они наблюдали за каждым движением собаки затаив дыхание, сидя неподвижно и молча в своих седлах.

Через некоторое время собака отошла от перьев и снова принялась кружить по земле. Она явно волновалась. Ее сбивали с толку следы, которых было много; они то сближались, то пересекали друг друга. Собака опять подошла к месту, где была убита индейка, и, остановившись с разочарованным видом, завывала.

Базиль и Люсьен одновременно испуганно вскрикнули — они знали, что этот вой был плохим знаком, но ни один из них не сказал ни слова.

Маренго еще раз метнулся к прежнему месту, но, как и раньше, повернул и закружил по прерии.

— О Боже, — воскликнул в отчаянии Базиль, — он выходит на старый след!

Так оно и было. В следующую минуту Маренго, побежав по старому следу, забежал под ногами лошадей. Вдруг он остановился, закинул голову и опять разочарованно завывал. Базиль жестом приказал собаке продолжать поиски.

Маренго побежал снова, но, как и прежде, по старому следу. Затем, видимо совсем запутавшись, забежал по земле то туда, то сюда, совершенно сбитый с толку. Братья взглянули друг на друга в отчаянии. След был потерян!

— Подожди, еще есть надежда, — сказал Базиль. — Попробуем пойти по более широкому кругу. Возьми мои поводья, — продолжал он, спрыгивая с лошади. — Маренго! Сюда, Маренго!

Собака послушно подбежала к хозяину. Базиль, сказав Люсьену, чтобы тот следовал за ним с лошадьми, двинулся в прерию.

Базиль шел медленно, нагнувшись вперед, тщательно осматривая землю. Он двигался по неправильному кругу, большего диаметра, из того расчета, чтобы держаться снаружи того пути, который проделал Франсуа в погоне за уставшей птицей. Базиль внимательно рассмотрел расходящиеся в разные стороны следы конских копыт. Но это все было не то, что он искал. Так он прошел по кругу полмили, когда взгляд его упал на след, казавшийся свежее остальных. Базиль бросился вперед и наклонился над землей, радостно воскликнув: он узнал следы мустанга Франсуа. Он узнал их по тому признаку, который заметил еще там, где собаку впервые пустили по следу: от одного из передних копыт был отломан кусочек. Но для Маренго не это имело значение — он снова напал на правильный след и кинулся вперед по прерии, обнюхивая землю.

Базиль вскочил в седло и, махнув рукой брату, чтобы тот следовал за ним, поскакал за собакой.

Этот след шел не по прямой. Лишь в некоторых местах он тянулся прямо на протяжении сотни миль, затем вдруг сворачивал то вправо, то влево и шел зигзагами, а иногда по кругу. В одном или двух местах он пересекался. Тут собака опять чуть не сбилась.

Братья хорошо понимали, почему след был таким запутанным: бедный Франсуа плутал,

не зная, куда ехать.

Еще раз след выпрямился и тянулся так больше двух миль. Франсуа явно принял здесь какое-то решение и поехал прямо, но, как заметил Базиль, он все время удалялся от их лагеря. Отсюда, поскольку след был свежий, собака побежала быстро, заставляя охотников скакать галопом. В конце концов она опять свернула направо, на запад.

Когда всадники повернули вслед за ней, они обратили внимание на небо: солнце садилось!

Тяжелое предчувствие вновь овладело ими. Мальчики знали, что на этом высоком южном плато не бывает сумерек. Если ночь будет темная, как им следовать за собакой, которая мчится с такой быстротой? Положим, Маренго разыщет след, но какой в этом толк? Франсуа лишь приобретет товарища по несчастью, но это не даст ни ему возможности найти братьев, ни им найти его.

Базиль и Люсьен поделились друг с другом этими мыслями, пока скакали рядом. Вскоре солнце село, и на траву легли тени. Становилось все темнее и темнее, и наконец стало уже трудно отличить собаку на фоне травы. Что делать? Скоро Маренго ускользнет от них, и они останутся без жоака.

— Придумал! — воскликнул вдруг Базиль.

С этими словами он пришпорил лошадь, догнал Маренго и, спрыгнув с седла, схватил собаку и задержал ее.

— Слезай, Люс! — крикнул он. — Сойди и помоги мне. Сними свою рубашку — она светлее моей.

Люсьен, еще не совсем понимая план Базиля, сейчас же снял блузу и затем рубашку из выбеленного холста в еле заметную полоску. В темноте она казалась почти белой. Базиль схватил рубашку и поспешно оторвал от нее рукава. Затем он натянул ее на Маренго и, продев передние лапы собаки в проймы, крепко завязал воротник вокруг шеи куском ремня, а на спине застегнул пуговицы. Одетый таким образом, Маренго выглядел, как обезьянка бродячих артистов, но его стало очень хорошо видно в темноте.

— Теперь, — возбужденно вскричал Базиль, — мы можем следовать за ним, даже если будет темно, как в могиле!

— Подожди минуту, — сказал Люсьен. — Давай будем действовать наверняка. Еще достаточно светло, я могу писать.

С этими словами Люсьен вынул блокнот и написал:

«Франсуа, поезжай обратно по своему следу, и ты встретишь нас. Если ты не можешь найти след, пусть Маренго ведет тебя».

Люсьен вырвал листок и подал его Базилю, который крепко привязал записку к рубашке.

Маренго опять пустили по следу, и оба брата, поспешно вскочив на лошадей, двинулись за ним.

К счастью, ночь оказалась не такой непроглядной, как они предполагали. Братья видели белую «попону» Маренго достаточно отчетливо и могли следовать за ним даже галопом. Таким образом они скакали еще около часа, причем Базиль все время отмечал путь, надламывая ветки на попадающихся по пути деревьях.

Вдруг, когда они свернули за густую рошу, что-то ярко блеснуло у них перед глазами. Это был костер; он горел под высокими деревьями. Маренго бросился прямо к нему. Опасаясь, что это, может быть, лагерь индейцев, Базиль соскочил с лошади и перехватил собаку. Юные охотники остановились, раздумывая, как лучше поступить. В этот момент огонь вспыхнул, и они увидели рядом с костром что-то пятнистое. Ура! Это стоял мустанг Франсуа.

Базиль и Люсьен бросились вперед и, к своей великой радости, тут же обнаружили Франсуа. Он сидел у костра и держал что-то над огнем.

В следующее мгновение братья были в объятиях друг друга, плача от радости. Франсуа рассказал обо всех своих приключениях. Он убил индейку, а затем заблудился и, вместо того

чтобы идти обратно по своему следу, как это сделал Базиль, блуждал до самой ночи, время от времени крича и стреляя из ружья. Иногда он совсем отчаивался и тогда, отпустив поводья, долго ехал туда, куда везла его лошадь. Вконец измученный, он спешился и привязал лошадь к дереву. Надвигалась ночь, Франсуа замерз и устал. Он решил рискнуть и развел костер. По счастью, индейка все еще висела на луке его седла. Франсуа как раз только что опалил ее и поджаривал на огне, когда радостная встреча с братьями прервала это занятие.

При виде чудесной жарящейся индейки Базиль и Люсьен вдруг почувствовали, что голодны, как волки. В своем волнении они совсем и не подумали о том, чтобы пообедать. Жаркое скоро оказалось готово, и после обильного ужина, который Маренго разделил с ними, юные охотники вбили в землю колышки, привязали к ним лошадей и, закутавшись в одеяла, уснули.

Глава XV. ЖАННЕТ И ДИКИЕ СВИНЬИ — ПЕКАРИ

На следующее утро мальчики поднялись очень рано и, наскоро зажав остаток индейки, позавтракали и отправились в обратный путь. На собаку они уже не надеялись. След, конечно, остыл, и они боялись, что Маренго, несмотря на свое чутье, не найдет его. Юные охотники решили руководствоваться своими собственными следами и отметинами на деревьях. Поэтому они продвигались медленно и были вынуждены часто останавливаться, но они предпочли именно этот способ как наиболее верный. Они знали, как им важно вернуться к Жаннет: палатка, вся провизия и вещи остались с ней.

Мальчики были в приподнятом настроении, обычном для людей, только что избегнувших большой опасности, и, пока ехали, подшучивали друг над другом.

Люсьен был без рубашки, так как Маренго разорвал ее и она была теперь грязная, сырая и никуда не годилась. Это было основной темой шуток для Франсуа. Досталось и Жаннет, так как Люсьен вспомнил, что привязал ее на расстоянии фута от дерева и она, конечно, все это время оставалась голодной. Больше того, в спешке не успели снять с нее поклажу, и это, вероятно, не улучшило настроение мула.

Была середина дня, когда мальчики подъехали к месту, откуда уже стало видно Жаннет.

— Что такое? — крикнул Франсуа, который первый заметил ее из-за кустов. — Что там происходит?

Все трое остановились и смотрели недоумевающе. Представшая перед ними картина удивила бы кого угодно. Несомненно, это была Жаннет, но Жаннет в очень странном положении. Ее копыта непрерывно мелькали в воздухе — она взбрыкивала то передними, то задними ногами; иногда все четыре ноги одновременно взлетали в воздух, и белое полотно палатки, сползшей с седла, мелькало то вверх, то вниз.

Мальчики некоторое время смотрели на эту сцену с изумлением, не лишенным страха. «Может быть, это индейцы?» — думали они.

— Нет, это волки, — сказал Базиль. — На нее напали волки! Поспешим ей на помощь!

Все трое пустили лошадей галопом и скоро были уже в нескольких сотнях ярдов от места происшествия. Теперь им стало видно землю под ногами мула: она вся кишела не волками, а животными другой породы. Животные эти с маленькими темными телами, но без хвостов, и с заостренными мордами напоминали свиней. Издали бросались в глаза белые клыки их длинных челюстей.

— Пекари! Дикие свиньи! — воскликнул Люсьен, который хотя никогда и не видел этих животных, узнал их по описанию.

Это и действительно были дикие мексиканские свиньи.

Юные охотники не стали медлить, так как понимали, что Жаннет находится в опасности. Она все еще брыкалась и пронзительно визжала, как кошка, а дикие свиньи, хотя несколько их трупов уже лежало у ее ног, с громким хрюканьем наскakивали на ноги мула,

едва те касались земли.

Вокруг Жаннет толпилось около сотни свиней — земля была буквально вся покрыта их темными телами, снующими туда и сюда.

Не думая об опасности, Базиль кинулся в самую гущу, а за ним Франсуа и Люсьен. Хорошо, что мальчишки были верхом, иначе они никогда не выбрались бы оттуда. Все трое выстрелили на ходу — они надеялись, что выстрелы рассеют стадо, но вскоре поняли, что ошибались, ибо, хотя каждый и застрелил по одному пекари, это не произвело должного впечатления, и в следующее мгновение кони мальчишек заскакали и запрыгали так же неистово, как Жаннет. Дикие свиньи окружили их с пронзительным хрюканьем, впиваясь клыками в ноги лошадей и подпрыгивая так высоко, что едва не доставали до самих всадников.

По счастью, братья были хорошими наездниками. Если бы хоть один из мальчишек был сейчас не на лошади, судьба его была бы решена. Юным охотникам удавалось держаться в седлах, но они не могли перезарядить ружья. Маренго, будучи старой техасской охотничьей собакой, видел диких свиней и раньше, а теперь, благоразумно отбежав, издали поглядывал на эту сцену.

Братья скоро поняли, что бессмысленно оставаться здесь, и приготовились отступить. Базиль заставил свою лошадь подъехать к дереву и охотничьим ножом перерезал лассо, которым была привязана Жаннет. Затем, крикнув Люсьену и Франсуа, чтобы они ехали за ним, пустился галопом через прерию.

Наверно, никогда еще ни один мул не был так рад освободиться от привязи, как Жаннет, и никогда еще мул не пользовался своими ногами с большим успехом. Жаннет мчалась по прерии, как будто за ней гнался сам черт. Но если и не черт, то, во всяком случае, целое стадо диких свиней кинулось за ней вдогонку; их было множество, они хрюкали и визжали на бегу.

Лошади легко опередили пекари, так же как и Маренго, но Жаннет была еще в опасности. Она около двух суток ничего не ела и не пила и сильно ослабела. Кроме того, ноги ее были изодраны клыками диких свиней, а палатка, которая съехала и волочилась теперь за ней по земле, очень мешала ей бежать.

Это последнее обстоятельство в конце концов оказалось спасительным для мула, так как дикие свиньи, нагнав Жаннет, схватили висящую палатку и стянули ее с седла. Палатка упала, распластавшись по траве, как одеяло, и все стадо, подоспевшее к этому времени, решив, что это и есть настоящий враг, начало топтать палатку копытами и рвать зубами. Это дало Жаннет время, и она сумела им воспользоваться. Освободившись от поклажи, она пустилась быстрым галопом и скоро догнала лошадей; теперь вся кавалькада мчалась вместе, пока не оказалась на расстоянии нескольких миль от диких свиней. Тут охотники остановились разбить лагерь.

Животные были измучены, а Жаннет вообще была не в состоянии больше двигаться.

Разбить лагерь было теперь делом нехитрым — ведь они потеряли не только палатку, но и большинство своих вещей.

Что заставило пекари напасть на мула? Это явилось предметом разговоров наших путешественников, как только они пришли в себя после скачки. Они знали, что эти животные редко нападают, если их не вызвать на это. Но, очевидно, Жаннет дала им какой-то повод. Наверно, они бродили вокруг в поисках пищи и наткнулись на индеек, которых Люсьен и Базиль в спешке оставили лежать на земле. Дикие свиньи неразборчивы в пище — они могут есть и рыбу, и птицу, и змей, и овощи — и, найдя индеек, начали пожирать их. Занятые едой, пекари подошли близко к ногам Жаннет, которая в этот момент, будучи в дурном настроении, лягнула одного из них. Это-то, очевидно, и привело к бешеной атаке всего стада.

К счастью для Жаннет, подоспели ее хозяева, иначе ее старые ребра вскоре захрустели бы под клыками разъяренных животных. Дикие свиньи, или пекари, как их чаще всего называют натуралисты, обычно безвредны и, если их не трогать, редко нападают на

человека. Однако если ранить хотя бы одного из них или даже если побеспокоить пекари в их логовище, они становятся свирепыми и опасными. Хотя пекари и маленькие существа, они обладают исключительной храбростью, а сильные челюсти и большие клыки делают их грозными противниками. Как и все животные из породы свиней, в ярости они не сознают опасности, и их стадо может сражаться с врагом до тех пор, пока не погибнут все. Нередко дикие свиньи загоняют на дерево мексиканского охотника, и он вынужден сидеть в своем убежище часами, а иногда и днями, прежде чем осада будет снята и он получит возможность благополучно спуститься на землю.

Глава XVI. ХИТРАЯ КОШКА И КОВАРНЫЙ СТАРЫЙ ОПОССУМ

Место, где остановились наши путешественники, представляло собой частые заросли дубов и орешника. В середине роши протекал ручей, берега которого густо поросли травой. Здесь привязали лошадей. Вяленое мясо, которое служило постоянной пищей для наших охотников, упало с седла Жаннет во время ее бегства и, конечно, было потеряно. Что же добыть на обед? Это был серьезный вопрос. Базиль и Франсуа вскинули на плечи ружья и отправились посмотреть, не попадется ли им белка или какое-нибудь другое животное, которое сможет послужить пищей. Но солнце стояло еще высоко, и ни одной белки не было видно, так как эти маленькие существа днем прячутся, а выходят только утром и вечером, чтобы поесть и поиграть.

Ничего не найдя в густой, тенистой роше, молодые охотники решили поискать на опушке и, пройдя около ста ярдов, увидели, что отсюда вновь начинаются прерии. Мальчики не сразу вышли из-за деревьев, так как надеялись напасть на оленя, куропаток или еще на какое-нибудь животное из тех, которые любят отдыхать на опушке. Они осторожно и тихо продвигались вперед, прячась за толстыми стволами деревьев.

Прерия тянулась ровной, гладкой пеленой — ни единой рошицы. Лишь изредка попадались одинокие деревья, да и те низкорослые, чаще всего дубки с темной корой и орешник гикори. Было видно далеко кругом, так как прерия представляла собой совершенно плоскую равнину, заросшую низкой бизоновой травой. Однако ни олени, ни какие-либо другие животные не показывались. Приглядевшись внимательнее, мальчики увидели на расстоянии около двухсот ярдов два маленьких существа, которые бегали по траве и время от времени садились на задние лапы, как обезьянки, будто разговаривая друг с другом.

— Степные собачки, — высказал предположение Франсуа.

— Нет, — сказал Базиль. — Я не вижу хвостов. У степных собачек хвосты сразу заметишь.

— Кто же это тогда?

— Я думаю, что это зайцы, — ответил Базиль, глядя на них из-под ладони.

— Зайцы? — воскликнул в удивлении Франсуа. — Но ведь эти зверюшки не крупнее крыс! Ты, вероятно, думаешь, что это зайчата?

— Нет, вполне взрослые зайцы. Это такая порода.

— Ха-ха-ха! — рассмеялся Франсуа. — Куда годятся твои глаза, брат! Ты думаешь, они очень далеко отсюда, не так ли? А я говорю, что они не дальше двухсот ярдов от нас, и рядом с ними даже белка покажется великаном. Нечего сказать, зайцы!

— А я все-таки остаюсь при своем мнении, — ответил Базиль, продолжая внимательно вглядываться в животных. — Хотя я и не вполне уверен... Жалко, здесь нет Люсьена! Он, наверно, смог бы сказать нам, что это за животное.

— А вот и он! — сказал Франсуа, услышав шаги Люсьена. — Посмотри туда, Люс, — продолжал он, — видишь? Базиль называет этих малюток взрослыми зайцами!

— И Базиль прав, — ответил Люсьен, присмотревшись и разглядев животных. — Это действительно взрослые зайцы.

На лице Франсуа отразилось полное недоумение.

— Если не ошибаюсь, — продолжал Люсьен, — это порода, известная среди индейцев

прерий под названием «маленький заяц-вожак». Может быть, это и какой-нибудь другой вид... В Скалистых горах и в окружающих их прериях водится много пород этих зверьков, но они очень редко попадают на глаза. Мне бы хотелось добыть шкурку одного из них. Я уверен, что папа будет очень доволен.

— А это мы можем сделать немедленно, — сказал Франсуа. — Разве нельзя сейчас же подойти поближе и подстрелить одного из них?

— Нет, — ответил Люсьен. — Они умчатся, как ветер, прежде чем ты успеешь подойти на расстояние выстрела.

— А если натравить Маренго — неужели он не поймает?

— Думаю, что нет. Кроме того, он разорвет зайца в клочки. Нет, единственный наш шанс — это остаться здесь. Они, кажется, двигаются в нашем направлении...

Все три мальчика заняли позиции за стволами больших деревьев так, чтобы пугливые зверьки их не увидели.

А зайчики щипали траву и прыгали, постепенно приближаясь к опушке. Но двигались они наискось, и было не похоже, что они подойдут к тому месту, где стояли юные охотники. Мальчики хотели было уже продвинуться дальше вперед, навстречу зайцам, когда вдруг заметили нечто такое, что заставило их замереть на месте.

Бесшумно двигаясь среди травы и кустиков ежевики, то быстро перебегая за каким-нибудь лежащим стволом, то медленно проползая по более открытой местности, приближалось странное животное. Время от времени оно останавливалось, припадало всем телом к земле и жадно вглядывалось в прерию. Оно не видело юных охотников. Его желтые глаза были устремлены на невинные маленькие существа, резвящиеся в траве.

Животное выглядело действительно очень странно. Оно было величиной примерно с фокстерьера, но по внешнему виду не было похоже на него: рыжевато-желтый цвет, коричневые пятна по бокам и полосы на спине придавали ему вид леопарда или тигра, которых оно напоминало и своей закругленной, как бы кошачьей головой. Однако торчащие вверх уши с кисточками на концах и короткий хвост показывали, что животное в некоторых отношениях отличалось от породы тигров. Самым достопримечательным был хвост. Он был не больше пяти дюймов длиной, круто загибался вверх и выглядел так, будто его подрезали, как обычно у фокстерьеров. Но это было не так: у животного никогда и не было хвоста длиннее пяти дюймов, и именно этот короткий хвост и толстые, неуклюжие лапы, а больше всего — торчащие, с кисточками уши, кончики которых сближались, помогли юным охотникам определить, что это рысь из породы, известной под названием «рыжая рысь», которую обычно называют в Америке «дикой кошкой». Эта рысь была техасской разновидности — темнее по цвету, чем обычная рыжая.

Рысь явно старалась подкрасться поближе к зайчикам и схватить одного, а может быть, и обоих. Она знала, что бегаёт недостаточно быстро и догнать их не сможет, поэтому старалась приблизиться настолько, чтобы прыгнуть на них. Ей до некоторой степени благоприятствовала земля, так как хотя прерия и была открытая, но высохшая, прошлогодняя трава, видневшаяся повсюду среди новой травы, скрывала тело рыси, когда та припадала к земле.

Почти по прямой между рысью и зайцами росло одинокое дерево с раскидистыми ветвями, а под деревом находился как бы маленький островок вереска и высокой травы. Очевидно, когда-то в этом месте сгнил старый ствол или труп животного и удобрил почву. Туда-то и двигались с одной стороны — рысь, а с другой — зайцы.

Зайцы подошли очень близко к зарослям вереска, и мальчики могли теперь различить их длинные торчащие уши, стройные тельца и грациозные движения. Зверьки действительно очень напоминали обыкновенных зайцев. Однако расцветка их была другая — ржаво-коричневая, книзу светлее, но нигде на всем теле животного не было видно ни единого белого пятнышка. Мальчики с удовольствием наблюдали, как эти милые существа то обгрызали траву, то делали прыжки больше фута длиной, то смешно усаживались на задние лапки. Охотники залюбовались ими. И ты, мой юный читатель, поделил бы их мнение, если

бы посмотрел на этих забавных миниатюрных зверюшек.

Вдруг мальчики увидели, что прямо против зайцев и ближе к вереску находится какой-то странный предмет. Предмет был круглый и походил на большой клубок волос или шерсти сероватого цвета, наполовину врывшийся в землю. Ни Базиль, ни Люсьен, ни Франсуа не могли сказать, был ли он там раньше. Возможно, они раньше не замечали его, так как их внимание было поглощено зайцами и рысью. Франсуа сказал, что заметил этот предмет некоторое время назад, но почти не обратил на него внимания, так как решил, что это пучок сухой травы или шаровидный кактус, который последнее время часто встречался им в прерии. Однако при ближайшем рассмотрении стало ясно, что это не растение.

Зайчики, казалось, тоже заметили его и, движимые любопытством, подходили к нему все ближе и ближе. Во внешности этого предмета не было ничего, чтобы возбудить в них тревогу. На зайцев никогда еще не нападал такой враг. По-видимому, у него не было ни зубов, ни когтей, а следовательно, им нечего было бояться.

Подбодренные отсутствием опасности и соперничая друг с другом в храбрости, маленькие существа продвигались дюйм за дюймом вперед — сначала один, потом другой, пока носы их почти не коснулись странного предмета. Вдруг тело, похожее на клубок, развернулось и превратилось в узконосое четвероногое животное, чей длинный змеевидный хвост мгновенно обвился вокруг одного из зайцев и сжал его в своих цепких объятиях. Маленькое существо издало пронзительный вопль, а его товарищ кинулся в ужасе прочь.

Опоссум — это был не кто иной, как старая самка опоссума — круто повернулся и, схватив голову зайца своими похожими на свиные челюстями, убил его одним движением. Затем, выпустив зайца из тисков, он положил его на траву и приготовился было тут же съесть. Но судьба решила иначе.

Рысь, которая кралась вперед и была уже меньше чем в двадцати футах от вереска, явилась свидетелем этой сцены. Сначала все это ей, видимо, пришлось не по вкусу, однако через некоторое время стало казаться, что рысь скорее одобряет все происшедшее.

Очевидно, по зрелом размышлении, она решила, что так оно будет даже лучше. Опоссум избавил ее от хлопот по поимке зайца, которого рысь могла бы и не поймать. Опоссум поймал добычу, а достанется она ей, рыси.

Все эти соображения так ясно выражались во всех поступках рыси, как если бы она произнесла их вслух. Она подкрадывалась, намереваясь прыгнуть на ничего не подозревающего опоссума.

Последний, однако, прежде чем начать есть, как все, кто чувствует, что совершил преступление, поднялся во весь рост и осмотрелся, нет ли свидетелей его злодеяния. Взгляд опоссума упал на рысь, и, поспешно схватив зайца в зубы, он кинулся в заросли. Рысь, видя, что дальше прятаться бесполезно, прыгнула вперед. Спина ее выгнулась, шерсть встала дыбом. Она не сразу последовала за опоссумом в вереск, а обежала вокруг, чтобы обнаружить, куда он спрятался. Рысь боялась, что у опоссума там есть нора. Тогда прощай и заяц и опоссум! — наверно, подумала она.

Однако на самом деле это оказалось не так. Обежав вокруг зарослей, рысь храбро кинулась туда. Некоторое время не видно было ни рыси, ни опоссума. Эти заросли занимали всего несколько ярдов прерии, но представляли собой настоящую чащу, где дикий виноград, вереск и чертополох тесно переплетались под навесом из густой листвы.

Ни то, ни другое животное не издавало ни единого звука, но движение листьев и потрескивание вереска то тут, то там говорили о том, что происходит яростная погоня; причем преследуемый был явно в лучшем положении, так как тело его было намного меньше и лучше приспособлено к тому, чтобы протискиваться в узкие места.

Эта любопытная погоня продолжалась несколько минут. Затем, ко всеобщему удивлению, опоссум выскочил на открытое место, все еще держа зайца в зубах. Он бросился прямо к дереву и начал карабкаться на него совсем как человек, обхватив ствол передними лапами.

Это удивило мальчиков, так как дерево было низкое, не выше тридцати футов, и юные

охотники знали, что рысь тоже свободно может влезть на него.

Рысь выскочила из зарослей и одним прыжком очутилась под деревом. Она не сразу последовала за опоссумом, а остановилась на минуту, чтобы отдышаться, явно торжествуя. Она с легкостью могла вскарабкаться на дерево и чувствовала удовлетворение оттого, что теперь наверняка добьется своего.

«Наконец-то я загнала старую хитрюгу на дерево! — должно быть, сказала она себе. — Теперь я доберусь до тебя. И задам же я тебе хорошую трепку за все беспокойство, которое ты мне причинила! погоди ж ты у меня! Я не стану есть тебя — нет, ты для этого недостаточно вкусна, но съем зайца и накажу тебя за то, что ты его поймала».

Она кинулась вверх по дереву, и кора затрещала под ее когтями.

К тому времени опоссум подобрался почти к верхушке дерева, а оттуда перешел на одну из ветвей, росших горизонтально.

Рысь пошла за ним по этой ветке и уже почти достигла своей цели, когда опоссум, вдруг обвив ветку хвостом, спустился на другую, находящуюся внизу. Рысь сначала, казалось, хотела прыгнуть за ним, но ветка была тонкая и рысь не была уверена, что сможет ухватиться за нее, — поэтому она повернула обратно, явно раздосадованная, и, спустившись по основному стволу, побежала по той ветке, на которой находился опоссум. Последний же опять спустился на другую ветку и затем, не дожидаясь своего преследователя, — на следующую, еще ниже, пока не повис на самой нижней.

Мальчики думали, что опоссум соскочит на землю и попытается спастись в лесу, однако он не имел такого намерения, так как знал, что рысь скоро поймает его, если он попытается бежать. Данное положение было для него наиболее безопасным, и, казалось, он знал это, а потому продолжал висеть на нижней ветке, почти на самом ее конце, так что ветка сгибалась под его тяжестью. Она не выдержала бы и другого опоссума — не то что рыси, которая была намного тяжелее, и рысь, со свойственной ей зоркостью, поняла это с первого взгляда. Раздосадованная, она все же решила попытаться еще раз.

Рысь поползла по ветке с большой осторожностью. Она продвинулась, насколько было возможно, дальше и затем, протянув лапу, старалась достать до хвоста опоссума, думая, что ей удастся оторвать его от ветки. Но она потерпела неудачу. С таким же успехом она могла бы стараться разжать когти орла. Рыси удавалось лишь коснуться лапой хвоста опоссума. Тогда она взобралась на верхнюю ветку, думая таким образом приблизиться к опоссуму, но скоро поняла свою ошибку.

Она вновь побежала по ветке, на которой висел опоссум, и некоторое время казалось, что она хочет прыгнуть на него и тем самым свалить его на землю вместе с собой. Но расстояние было слишком велико, и через некоторое время рысь прокралась назад и залегла в развилке дерева.

Рысь недолго оставалась в этом положении — казалось, ей пришла в голову новая мысль.

Опоссум был не очень высоко над землей: может быть, она сможет подпрыгнуть и схватить его за нос? Во всяком случае, попытаться было нетрудно.

С этим намерением рысь спустилась с дерева и побежала к тому месту, над которым висел опоссум. Но он оказался выше, чем она предполагала, и, как в басне «Лиса и виноград», после нескольких прыжков ей пришлось отказаться от этой попытки. Однако рысь твердо решила продолжать осаду и, рассудив, что ей достаточно удобно и здесь, не полезла опять на дерево, а уселась на траву, не сводя глаз с противника.

Все это время старый опоссум спокойно висел на хвосте, держа зайца в зубах. С того момента, как он обезопасил себя, заняв эту позицию, он, казалось, совсем перестал бояться своего врага — наоборот, вся его внешность выражала злобное веселье, и это было так ясно зрителям, как если бы оно было выражено словами. Хитрое существо явно наслаждалось той досадой, которую оно вызывало у дикой кошки.

Время от времени опоссум как бы начинал задумываться над тем, чем все это кончится. Но рысь приняла решение долго не снимать осады, — опоссум видел это по ее морде.

Следовательно, это был вопрос выдержки. Что касается опоссума, он был готов к этому и, для того чтобы лучше выдержать осаду, взял зайца в передние лапы, точно в руки, и принялся раздирать его и есть.

Это переполнило чашу терпения рыси. Она не могла больше выдержать и, неожиданно поднявшись на ноги и оцетинившись, снова кинулась на дерево и побежала по той ветке, на которой висел опоссум. На этот раз, не останавливаясь и не думая об опасности, рысь прыгнула вперед, обхватила передними лапами задние лапы опоссума и схватила его зубами за хвост. Ветка затрещала, сломалась, и они оба упали на землю.

На мгновение рысь, казалось, была оглушена падением, но тут же пришла в себя. Она поднялась, выгнула спину, как настоящая кошка, и с диким визгом кинулась на опоссума.

Рысь словно забыла о зайце, которого опоссум выронил при падении. Самым сильным чувством ее теперь была месть, бушевавшая в ней. Мечь заставила ее забыть голод.

Опоссум, как только попал на землю, вдруг весь сжался в клубок и теперь выглядел точно так, как его впервые увидели мальчики. Голова, шея, лапы и хвост исчезли — ничего не осталось, кроме шара из густой шерсти. На этот шар теперь и напала дикая кошка, терзая его когтями и зубами. Она билась с ним минут десять, пока не обессилела.

Опоссум, по всей видимости, был мертв. Очевидно, так думала и рысь. Во всяком случае, она оставила его в покое. Более лакомый кусочек — заяц был у нее перед глазами. Рысь повернулась и схватила его.

В этот момент Франсуа спустил Маренго, и вся компания с криком кинулась вперед. Рысь, увидев, что путь в заросли отрезан, бросилась в прерию, небольшая охотничья собака скоро нагнала ее и после короткой, но отчаянной борьбы положила конец ее браконьерству.

Юные охотники, преследуя рысь, подняли зайца, которого она выронила во время сражения. Когда погоня закончилась, они вернулись обратно к дереву, чтобы взять и мертвого опоссума, которого мальчики намеревались приготовить на ужин. К их удивлению, никакого опоссума не оказалось ни на дереве, ни в вересковых зарослях — нигде.

Хитрое создание все это время притворялось мертвым и теперь, обнаружив, что путь свободен, опять развернулось и укрылось под корнями одного из соседних деревьев.

На земле остались только труп рыси и такое же безжизненное тельце бедного маленького зайца. Наши путешественники не хотели есть рысь, хотя ее часто едят трапперы и индейцы, а заяц был так изорван, что не представлял никакой ценности.

Итак, поскольку в этой местности не нашлось никакой другой добычи, даже белки, все четверо — Люсьен, Базиль, Франсуа и Маренго — отправились спать впервые с начала путешествия без ужина.

Глава XVII. СТРАННОЕ ПРИКЛЮЧЕНИЕ ПЕРЕД ЗАВТРАКОМ

Зато на завтрак у мальчиков было сколько угодно мяса, хотя они чуть не поплатились за него очень дорого.

Все три брата спали на земле в нескольких футах друг от друга. Палатка была потеряна, приходилось устраиваться на ночлег прямо под открытым небом. Закутавшись в одеяла, они крепко спали всю ночь под большим развесистым деревом.

Рассветало, когда что-то вдруг коснулось лба Франсуа — что-то холодное и липкое. Когда оно прикоснулось к горячей коже Франсуа, тот сразу проснулся.

Франсуа подскочил, как будто в него вонзили булавку, и так закричал, что разбудил остальных. Не змея ли? Эта мысль не оставляла Франсуа, пока он протирает глаза; когда же глаза его окончательно открылись, он увидел, как убегает какое-то существо. Оно не могло быть змеей.

— Как ты думаешь, что это было? — спросили одновременно Базиль и Люсьен.

— Я думаю, волк, — ответил Франсуа. — Я почувствовал его холодный нос. Смотрите, вон он! Смотрите, смотрите, их двое!

Базиль и Люсьен посмотрели в направлении, указанном Франсуа, и увидели двух

бегущих животных. Животные по величине были примерно такие, как волки, но казались совершенно черными и совсем не похожими на волков.

Кто бы это мог быть?

Животные скрылись в темном проходе между деревьями, мальчики только мельком успели увидеть их. Кто же это? Может быть, дикие свиньи — пекари?

— Для свиней они слишком велики и неуклюжи, — сказал Люсьен.

— Может быть, это медведи? — высказал предположение Франсуа.

— Нет-нет, они недостаточно велики для медведей.

Все трое недоумевали.

Мальчики сидели, высвободившись из одеял, держа ружья, — они всегда клали их рядом с собой, когда спали. Напрягая глаза, они всматривались в едва различимый просвет, где на расстоянии пятидесяти ярдов от них остановились два непонятных существа.

Вдруг прямо перед животными возникла фигура человека. Вместо того чтобы убежать от них, как ожидали мальчики, человек спокойно остановился. Затем, к еще большему удивлению мальчиков, животные приблизились и начали прыгать вокруг него, будто нападая. Но это было не так, ибо человек не сдвинулся с места, как сделал бы тот, на кого нападают, — наоборот, через некоторое время он наклонился и, казалось, стал ласкать их.

— Человек и две собаки! — прошептал Франсуа. — Может быть, индеец?

— Может быть, это и человек, — ответил Люсьен также шепотом, — я не знаю, что это еще может быть, но те животные — не собаки, или я никогда не видел таких!

Люсьен произнес это с таким чувством и таким серьезным тоном, что братья придвинулись поближе друг к другу.

Все это время Маренго стоял рядом. Собака проснулась только тогда, когда прозвучал крик Франсуа. Маренго был измучен долгим переходом предыдущих дней и, так же как его хозяева, спал очень крепко. Одно слово Базиля остановило Маренго: он был хорошо выдрессирован и без приказания Базиля не привык нападать ни на одно существо, даже на своих естественных врагов. Поэтому Маренго стоял тихо, пристально глядя в том же направлении, что и мальчики, время от времени издавая глухое, еле слышное рычание. Однако в его рычании звучал гнев, который показывал, что он не рассматривает эти странные существа как друзей. Возможно, он лучше остальных знал, кто это.

Три таинственных существа все еще оставались на прежнем месте, на расстоянии пятидесяти ярдов от мальчиков, но они не стояли неподвижно. Те, что поменьше, бегали по земле, то отдаляясь от большой стоящей фигуры, то возвращаясь к ней, и, казалось, ласкались, как и раньше, а фигура время от времени наклонялась, как бы для того, чтобы принять их ласки, а когда их не было рядом — чтобы собрать что-то с земли. Затем она вновь принимала вертикальное положение. Все это проделывалось в абсолютной тишине.

Было что-то таинственно-устрашающее в их поведении, и наши юные охотники наблюдали за ними не без страха. Мальчики недоумевали и боялись одновременно — они не знали, как вести себя, и разговаривали шепотом. Может быть, им подползти к лошадям, сесть на них и ускакать? Это бессмысленно, если таинственная фигура — индеец: поблизости, без сомнения, находятся и другие индейцы, и они легко смогут выследить и догнать мальчиков. Юные охотники чувствовали, что странные существа знают об их присутствии: они не могли не слышать, как привязанные ярдах в тридцати лошади бьют копытами землю и жуют траву. Больше того, одно из этих животных коснулось и обнюхало Франсуа, так что можно было не сомневаться, что оно-то уж знает о присутствии мальчиков. Поэтому бессмысленно было пытаться убежать незамеченными. Что же тогда делать? Взобраться на дерево? Но и это мало облегчило бы положение мальчиков, и они отбросили эту мысль.

Наконец они приняли решение оставаться на месте и ждать: будь что будет — либо на них нападут таинственные соседи, либо наступление дня даст возможность понять, кто это.

Однако, когда стало светлее, ужас юных охотников не уменьшился, так как теперь они увидели, что высокая фигура обладает двумя толстыми, сильными руками, которые она

держит горизонтально, забавно размахивая ими. Цвет ее показался мальчикам красноватым, в то время как маленькие животные были совершенно черные. Если бы юные охотники находились в лесах Африки, а не в лесах Северной Америки, они приняли бы ее за гигантскую обезьяну, но сейчас они знали, что этого не могло быть.

Облака рассеялись, и свет внезапно стал ярче. Теперь можно было легче различить предметы, и тайна, так долго мучившая юных охотников, была раскрыта.

Огромное, непонятное существо поднялось на дыбы и стало боком к мальчикам: его длинный, острый нос, короткие, торчащие вверх уши, грузное тело и косматая шерсть доказывали, что это не индеец и не какое-либо другое человеческое существо, а огромный медведь, стоящий на задних лапах.

— Медведица с детенышами! — воскликнул Франсуа. — Но посмотрите, — продолжал он, — она бурая, а медвежата черные как смоль.

Базиль не стал медлить. Поняв, что это за животное, он вскочил и вскинул ружье.

— Ради всего святого, не стреляй! — кричал Люсьен. — Может быть, это гризли!

Но было уже поздно. Раздался выстрел Базиля — и медведь, опустившись на все четыре ноги, затанцевал по земле, трясая головой и яростно рыча. В полумраке Базиль не рассчитал и, вместо того чтобы выстрелить медведице в голову, как он намеревался, попал ей в нос. Пуля лишь царапнула ее по носу, почти не причинив вреда.

Нос медведя является наиболее уязвимым и нежным местом, и удар в нос приводит в ярость даже самого смиренного. Так случилось и на этот раз. Медведица увидела, откуда стреляли, и несколько раз тряхнув головой, кинулась неуклюжим галопом по направлению к мальчикам.

Теперь Базиль понял, как опрометчиво он поступил, но уже не было времени выразить сожаление. Не было времени даже добежать до лошадей. Прежде чем они успеют добраться до лошадей и отвязать их, медведь настигнет их, и кто-нибудь из троих братьев сделается его жертвой.

— Лезьте на деревья! — кричал Люсьен. — Если эта медведица — гризли, то она не достанет нас. Гризли не умеют лазить по деревьям.

Говоря это, Люсьен вскинул свое короткое ружье и выстрелил в приближающегося зверя. Очевидно, пуля попала медведице в бок, так как она с рычанием повернулась и стала лизать раненое место. Это задержало ее на мгновение и дало возможность Люсьену вскарабкаться на дерево.

Базиль бросил ружье — у него не было времени перезарядить его. Франсуа, увидев огромное чудовище так близко, выронил ружье, не стреляя.

Все трое в суматохе забрались на разные деревья. То была роща из белых дубов. Эти деревья, в противоположность соснам, магнолиям и кипарисам, обычно имеют большие сучья, растущие низко и горизонтально. Такие сучья часто имеют столько же футов в длину, сколько самое дерево — в высоту. На эти-то деревья и взобрались мальчики.

Базиль влез на дерево, под которым они спали. Оно было намного больше других. Под этим деревом медведица и остановилась: ее внимание на минуту привлекли шкуры и одеяла. Она разбросала их лапами, а затем принялась ходить вокруг дерева, глядя вверх и время от времени громко втягивая в себя воздух с таким шумом, с каким выходит пар из трубы паровой машины.

К этому времени Базиль добрался до третьего или четвертого сука от земли; он мог бы забраться и выше, но из слов Люсьена заключил, что это животное, должно быть, принадлежит к породе гризли. Красновато-бурый цвет медведицы утвердил Базиля в этом мнении: он знал, что гризли бывают разных оттенков. В таком случае, ему нечего было бояться даже на самом нижнем суку, и он думал, что нет смысла лезть выше.

Базиль посмотрел вниз. Сейчас он мог хорошо рассмотреть животное и, к своему ужасу, сразу увидел, что медведь этот не гризли, а другой породы. Его внешний вид убедил Базиля в том, что это одна из разновидностей черного медведя, представители которой лучше всех других умеют лазить на деревья. Скоро в этом уже не оставалось сомнения, когда

Базиль увидел, что зверь обхватил ствол дерева огромными лапами и начал взбираться.

Это был ужасный момент. Люсьен и Франсуа оба соскочили на землю, издавая крики предостережения и отчаяния. Франсуа схватил ружье и, не колеблясь ни минуты, подбежал к дереву и всадил заряд обоих стволов в ляжку медведицы. Дробь едва ли могла пробить ее толстую, косматую шкуру — это только еще больше раздражило медведицу и заставило яростно зарычать. Она остановилась на некоторое время, как бы раздумывая, спуститься ли ей и наказать врага «в тылу» или продолжать преследовать Базиля. Шорох, производимый Базилем в ветвях над ее головой, решил дело, и медведица снова стала карабкаться вверх.

Базиль умел передвигаться по ветвям дерева не хуже белки или обезьяны. Находясь футах в шестидесяти от земли, он перебрался на длинный сук, росший горизонтально. Базиль выбрал именно этот, так как увидел над ним другой, на который мог бы перелезть, если бы зверь последовал за ним по первому; а оттуда он думал перебраться обратно к основному стволу, прежде чем медведица догонит его и соскочит на землю. Однако он тотчас увидел, что просчитался. Сук, на котором Базиль теперь находился, под его тяжестью так отклонился от верхнего, что он не мог достать до него даже кончиками пальцев. Он повернулся, чтобы идти назад, и, к своему ужасу, обнаружил медведицу в развилке на другом конце. Она собиралась следовать за ним по суку.

Базиль не мог идти назад — так он попадет прямо в пасть разъяренного зверя. Ни внизу, ни наверху не было ни одной ветки, за которую он мог бы уцепиться, а до земли — около пятидесяти футов. Единственным способом избежать лап медведя было спрыгнуть вниз, но и это означало верную смерть.

Медведь продвигался по суку. Франсуа и Люсьен кричали внизу, поспешно заряжая ружья. Они боялись, что опоздают.

Положение было ужасное, но в такие минуты ясный ум Базиля проявлялся с особой силой, и, вместо того чтобы поддаться отчаянию, юноша держался спокойно и сдержанно. Он искал выход.

Вдруг его осенила мысль, и он крикнул стоявшим внизу братьям:

— Веревку, веревку! Киньте мне веревку! Скорее! Ради Бога, скорее!.. Веревку — или я погиб!

К счастью, под деревом лежала веревка. Это было грубое лассо, которое применялось для увязывания поклажи на Жаннет. Люсьен отбросил полужаряженное ружье и, кинувшись к лассо, стал на ходу сматывать его в кольца. Люсьен умел бросать лассо почти так же ловко, как сам Базиль, а тот мог потягаться с мексиканским Гаучо *note 9* из пампасов. Люсьен подбежал почти под самый сук, размахнулся и кинул лассо вверх. Базиль, чтобы выиграть время, перебрался почти на конец сука. Свирепый преследователь неотступно двигался за ним. Под их двойным весом сук выгнулся дугой. По счастью, это был дуб, и сук не обломился.

Базиль стоял, расставив ноги, лицом к дереву и к своему преследователю. Длинная морда медведицы находилась в трех футах от его головы, и Базиль чувствовал горячее дыхание зверя, когда тот, яростно рыча, тянулся к нему своей открытой пастью.

В этот момент кольцо лассо ударилось о сук прямо между ними и повисло. Мгновенно, прежде чем лассо успело соскользнуть обратно и упасть, юный охотник схватил его и с проворством упаковщика обвязал двойным узлом вокруг сука. В следующее мгновение, как раз, когда медведь уже протянул лапу, чтобы схватить мальчика когтями, тот спустился по лассо вниз.

Лассо не доходило до земли по меньшей мере на двадцать футов: оно было короткое, и часть его ушла на узел. Люсьен и Франсуа с ужасом увидели это, как только лассо повисло. Но они не растерялись. Когда Базиль достиг конца лассо, братья уже стояли внизу и

Note9

Гаучо — южноамериканские ковбои, смешанного испанского и индейского происхождения; ловкие наездники. В начале XIX века принимали активное участие в борьбе за независимость.

держали, растянув, большую шкуру бизона. В нее Базиль и прыгнул и через секунду стоял на ногах цел и невредим.

Теперь наступил момент триумфа. Толстый сук, который сдерживался тяжестью Базиля и внезапно освободился, рывком взлетел вверх.

Неожиданная сила рывка оказалась слишком большой для медведицы. Она не удержалась: ее подбросило в воздух на несколько футов, и, упав с тяжелым стуком на землю, она лежала несколько минут без движения.

Однако медведица была лишь оглушена и скоро вскочила бы опять и возобновила бы нападение. Но она еще не успела встать на ноги, как Базиль схватил наполовину заряженное ружье Франсуа и, поспешно всыпав туда пригоршню пуль, выстрелил медведице в голову и убил ее наповал.

К этому времени к месту происшествия прибежали медвежата, и Маренго, который теперь пришел уже в себя, яростно кинулся на них, чтобы отомстить за то, что был так напуган их матерью. Маленькие существа отчаянно сражались и вместе могли бы справиться с Маренго, но ружья его хозяев пришли ему на помощь и положили конец борьбе.

Глава XVIII. ПРИГОТОВЛЕНИЕ МЕДВЕЖАТИНЫ

Все трое — старая медведица и оба медвежонка — лежали теперь, вытянувшись на траве, мертвые. Редко можно было увидеть такое трио. Старая медведица весила не меньше пятисот фунтов. Ее длинная, жесткая шерсть была коричневого цвета, а у медвежат она была совсем черная. Это, однако, обычное явление, и самое замечательное то, что детеныши черного медведя часто бывают красновато-коричневого цвета, тогда как мать вся черная. Без сомнения, медвежата, после того как вырастут, становятся такого же цвета, как и вся их порода, но даже в любом возрасте медведи одной породы часто отличаются друг от друга по цвету, в зависимости от климата и других обстоятельств.

Натуралисты говорят, что в Северной Америке можно встретить только три породы медведей: черных, полярных и гризли.

Полярный медведь водится только в снежных районах, граничащих с Северным Ледовитым океаном, и никогда не заходит дальше, чем на сотню миль от моря. Гризли по силе, отваге и свирепости занимает первое место в семействе медведей, превосходя даже своего белого кузена на севере. Мы позже поговорим о гризли подробнее. Сейчас же предметом нашего обсуждения является черный медведь. Он водится по всему Американскому континенту, может спокойно жить в любом климате и чувствует себя как дома и в заснеженных районах Канады и в тропических болотах Луизианы. Его можно встретить на всем протяжении от берегов Атлантического океана до Тихого. Черный медведь живет в густых лесах и в гористых пустынных районах, где мало растительности, однако он предпочитает лесистые места, и там его можно встретить чаще.

В Америке до колонизации ее европейцами водилось очень много черных медведей. После колонизации на них усиленно охотились из-за шкур, и, конечно, медведей становится с каждым годом все меньше и меньше. Мехаые компании за последние сто лет получили от белых и индейских охотников тысячи и тысячи медвежьих шкур. И все же этих животных еще много в диких, незаселенных местах, и даже в старых, давно заселенных штатах их можно случайно встретить в отрезанных от поселений горных районах.

Вы удивитесь, что черных медведей давно не истребили, раз они такие большие и их можно легко обнаружить и выследить, да еще поселенцы и охотники-любители считают для себя делом чести убить медведя. И размножаются они медленно: у медведицы рождается только двое детенышей, и то один раз в год. Но дело в том, что зимой, когда земля покрыта снегом и медведя легко выследить и убить, он не показывается, а лежит в спячке в своей берлоге, которая помещается или в пещере в скалах, или около упавшего дерева. Это происходит только в северных странах, где выпадает снег и зима суровая. Там медведь исчезает на несколько месяцев, прячась в темном логове и питаясь, как утверждают

охотники, тем, что «сосет свою лапу». Однако я не пытаюсь подтверждать эту теорию. Все, что я могу сказать, — это что медведь удаляется в свое убежище «жирный, как масло», а выходит оттуда ранней весной «худой, как палка».

Есть еще одна интересная деталь относительно медведей, которая объясняет, почему их нелегко истребить. Она заключается в том, что старых самок никогда не убивают в тот период, когда она вынашивает детенышей, так как в это время охотники их никогда не встречают. Говорят, что по всей Америке не найдется охотника, который помнил бы, что он когда-нибудь убил медведицу с детенышами.

Не так обстоит дело с большинством других животных, как, например, с лисами и волками, которых часто убивают вместе со всем приплодом и, таким образом, сразу уничтожают многих.

Медведица рождает детенышей зимой, в глубине какой-нибудь пещеры, где она лежала, спрятавшись, задолго до этого, благодаря чему она почти никогда не делается жертвой охотников. Когда медвежата подрастают, она выводит их из берлоги и обращается с ними с трогательной нежностью. Медведица всегда готова пожертвовать для них жизнью и защищает своих детенышей с большой храбростью. Говорят, что ей иногда приходится спасать медвежат от их свирепого отца, который стремится сожрать своих детенышей, когда ему предоставляется такая возможность, но я этому не верю.

Черные медведи — всеядные. Они едят и рыбу, и мясо, и дичь, и овощи, обожают всякие ягоды и сладкие фрукты. Они сходят с ума по меду; взбираются на деревья, где водятся пчелы, и грабят их соты. Медведи выкапывают земляные орехи и степную репу, жадно вылизывают личинки насекомых, выворачивая большие стволы лежащих деревьев, чтобы достать их. На юге медведи разрушают гнезда черепах и аллигаторов, чтобы полакомиться их яйцами, а там, где есть поселения, они пробираются в поля и поедают молодые хлеба и картофель, губя посевы. Они охотно едят свиней и других животных, пожирая их мясо, если можно так выразиться, живым, поскольку они не дают себе труда убить животных, а съедают их, разрывая на куски. Медведи могут утолять голод и падалью — короче говоря, всем тем, что служит пищей любым другим существам.

Несмотря на отвратительное разнообразие их пищи, мясо черного медведя очень вкусно. Оно является деликатесом для индейцев и белых охотников; особенно ценятся большие, жирные лапы. Может быть, эти люди так любят медвежьи лапы потому, что им кажется, что сами медведи очень любят их, раз они сосут лапы во время зимней спячки.

Существует много способов охоты на медведя. Его затравливают особо выдрессированными гончими. В этом случае медведь в состоянии пробежать миль десять, если преследователи не слишком близко от него; если же медведя настигают, он нападает на собак, и, когда какая-нибудь из них подходит близко, он сбивает ее с ног одним ударом лапы.

Медведь — животное стопходящее. Он бежит неуклюже, но хотя кажется, что из-за огромных размеров тела он двигается медленно, на самом деле это не так.

Медведь ухитряется ковылять по земле гораздо быстрее, чем это можно предположить. Он в состоянии догнать человека, идущего пешком, а человек на лошади, с собаками легко догонит его. Когда медведь видит, что не может спастись бегством, он залезает на дерево и, вскарабкавшись как можно выше, старается спрятаться в листве. Ему не часто удается это, поскольку острое чутье гончих подводит их прямо к стволу дерева, и они стоят там, лая и завывая, пока не подоспеют охотники.

Когда медведя находят на дереве, его почти всегда удается сбить выстрелом. Если медведь только ранен, он яростно сражается с собаками и охотниками, — в этом случае черный медведь вступает в борьбу с человеком; первым медведь никогда не нападет на человека. Однако, если охотник ранит медведя, тот становится опасным противником. В подобных случаях люди бывали ужасно обезображены, истерзаны и с трудом выживали. Некоторых медведь чуть не раздавил насмерть в своих «объятиях».

Черного медведя часто ловят в различные западни или капканы — например,

западнями из бревен, петлями, которые завязывают на согнутых молодых деревцах, западнями из поваленных деревьев и стальными капканами. Таким образом, медведи попадают в ловушку чаще, чем рысь, лиса или волк.

Легко было бы заполнить целый том рассказами о приключениях, героем которых является черный медведь. В глухих поселках Америки о нем можно услышать много интересных историй. Некоторые из них являются правдой, другие же во многом преувеличены.

Но мы сейчас не имеем возможности рассказать их все. Я привел здесь только факты, которые помогут вам узнать основное о повадках этого животного.

Большинство этих фактов Люсьен и поведал своим братьям, пока они готовили завтрак, — все трое были очень голодны, и это было первое, чем они занимались после того, как убили медведей.

Завтрак состоял из жареного медвежонка. Мальчики знали, что медвежатина, также как и свинина, портится, если кожу содрать, и поэтому приготовили ее по индейскому способу: опалили медвежонка над огнем, а затем поджарили. Они поели с большим аппетитом, так как мясо оказалось нежным и сочным и по вкусу являлось чем-то средним между поросенком и телятиной. Маренго, конечно, тоже недурно позавтракал. Он получил столько остатков, что их хватило бы для заполнения большой корзины. Однако ног ему не досталось, как это случилось бы, если бы на завтрак готовили оленя или бизона. Наши юные охотники еще раньше пробовали лапы медвежат и поэтому сейчас приберегли эти лакомые кусочки для себя.

Позавтракав и сводив животных на водопой, братья собрались на «совет трех». Необходимо было решить, что делать дальше. Обстоятельства сильно изменились. Все их запасы — вяленое мясо, мука и кофе — были потеряны Жаннет во время ее бегства и, конечно, съедены или приведены в негодность дикими свиньями. Следовательно, добыть себе еду мальчики могли теперь лишь с помощью ружей. Потеря палатки не расстраивала их. При ясной летней погоде, которая тогда стояла, они не имели ничего против того, чтобы спать под открытым небом. Но большим лишением было то, что они остались без кофе, который высоко ценится всеми охотниками в прерии. Однако им приходилось мириться и с этим.

Вскоре юные охотники уже должны были встретить бизонов, а имея в изобилии вкусное мясо бизонов, путешественники редко жаждут каких-либо других лакомств. Все трое были довольны, что места, где обитают бизоны, недалеко и что, держась все время на запад, они скоро увидят большие стада этих животных. Но мальчики решили действовать осторожно. Они слышали еще раньше, что большая часть этой прерии почти бесплодна. Учитывая это, юные охотники не собирались бросать мясо медведицы; они решили снять его с костей, высушить и погрузить на Жаннет взамен того груза, который она с себя сбросила.

Итак, Базиль и Франсуа принялись свежевать медведицу, а Люсьен стал собирать хворост для костра.

Мальчики намеревались остаться еще на одну ночь в этом лагере: на то, чтобы срезать все мясо, требовалось не меньше дня. Медведица скоро была освежевана и разрезана на тонкие ломтики и кусочки, ибо в этом и состоит способ вяления, или сохранения мяса без соли. Обычно мясо просто развешивают на шестах или веревках на жарком солнце, где оно достаточно высыхает за три дня, и можно уже не опасаться, что оно испортится.

Но наши путешественники не хотели так долго задерживаться и поэтому избрали другой способ приготовления, а именно высушивание мяса над огнем. Способ этот состоял в следующем; в земле была вырыта неглубокая яма и через нее перекинуты параллельно друг другу молодые деревца. В яму бросили угли и раскаленную золу, чтобы был достаточно сильный жар. На деревца, как на решетку, положили тонкие ломтики мяса, чтобы они в одно и то же время высушивались и слегка поджаривались. Мясо, приготовленное таким способом, может сохраняться месяцами, и индейцы и белые охотники обычно поступают так, когда у них нет времени на то, чтобы провялить его как следует.

Второго медвежонка опалили и разрезали, не снимая кожи, как обычно готовят свинину. Его мясо мальчики поджарили, чтобы можно было есть сразу же, без дальнейших приготовлений.

Пока мясо сушилось, Базиль растопил немного сала в котелке, который, по счастью, оказался в числе уцелевших вещей. Этим салом, которое, уж конечно, являлось самым настоящим, неподдельным медвежьим жиром, он смазал ноги бедной Жаннет, так как почти вся кожа с них была содрана дикими свиньями. Жаннет очень страдала все это время и, когда ей смазали раны медвежьим жиром, почувствовала большое облегчение.

Глава XIX. НОЧНОЕ ПРИКЛЮЧЕНИЕ

Настала ночь, юные охотники улеглись спать. Внезапно похолодало, и они легли ногами к костру, как обычно делают охотники, когда спят у огня. Если ноги находятся в тепле, то и всему телу тепло; но если ногам станет холодно, заснуть почти невозможно. Мальчиков холод не беспокоил, и вскоре они уже крепко спали.

Для того чтобы все время подбрасывать в яму свежие угли, они весь день поддерживали большой костер. И сейчас он все еще пылал и потрескивал. На перекладах лежало мясо, положенное для высушивания.

Никто из братьев не подумал о том, чтобы оставить дежурного. Во время ночевки в своих охотничьих экспедициях в болотах Луизианы они никогда этого не делали и решили, что и здесь это необязательно. Только страх перед индейцами заставляет путешественников в прерии выставлять на ночь часового. Но наши юные охотники боялись индейцев гораздо меньше, чем можно предположить. В этой местности никогда еще не было вражды между белыми и индейцами; кроме того, Базиль знал, что у него есть с собой знак дружбы на тот случай, если они все-таки встретятся.

Мальчики не проспали и получаса, когда их разбудило рычание Маренго. Они все сразу приподнялись и стали с беспокойством вглядываться в темноту. Они не увидели ничего необычного. В свете все еще пылающего костра вырисовывались стволы огромных деревьев, с которых свешивался серебристо-белый мох. Все пространство между деревьями было непроглядно черным и мрачным.

Ничего особенного не было и слышно. Не чувствовалось ни малейшего дуновения, и деревья стояли тихо, будто во сне. Только наверху, в листве их высоких вершин, продолжали свою музыку древесные лягушки и цикады. Среди этих разнообразных звуков можно было различить «пл-л-лак» древесной жабы, а с водяных растений, окружавших ближайший ручей, доносилось стрекотанье «сверчка саванн». Высоко в листьях дубов маленькая зеленая древесная лягушка повторяла свою звенящую, как колокольчик, ноту, которая приятно отдавалась в ушах. Но все это были обычные голоса ночи — голоса южного леса, — и они не тревожили прислушивающихся охотников. Правда, крик жабы, громкий и часто повторяющийся, предупреждал, что скоро будет дождь, а темнота неба подтверждала это предостережение.

Но ведь не эти звуки заставили Маренго вскочить с таким злобным рычанием, и мальчики продолжали настороженно прислушиваться.

Воздух в темном лесу сверкал движущимися огоньками. Тысячами летали светлячки, и их фосфорический блеск, ярче обычного, тоже говорил о приближении грозы. Вглядевшись повнимательнее, юные охотники увидели еще какие-то огоньки, и это заставило мальчиков схватиться за ружья и держать их наготове. Эти огоньки резко отличались от светлячков: они светились низко над землей и были круглые и огненно-зеленые. Огоньки то оставались неподвижными, то исчезали, то тотчас же зажигались в другом направлении. Множество их двигалось вокруг. Это были не светлячки.

Наши юные охотники знали, что это такое. Это были глаза животных — диких зверей! Что это были за звери, никто из мальчиков не знал, и неизвестность приводила их в ужас. Звери могли оказаться медведями, рососомами или кугуарами.

Юные охотники разговаривали шепотом, взведя курки ружей и приготовившись к худшему. Звери, несомненно, уже заметили их — ведь братья сидели в свете костра.

Маренго стоял рядом, глядя в темноту и время от времени издавая рычание, которым он обычно предупреждал о присутствии врага. Казалось, горящих глаз становилось все больше. Вдруг ясно послышалось, что залаяла собака. Собака ли это? Нет. Долгий, протяжный вой, последовавший за лаем, показал, что это животное было не собакой, а волком — «лающим волком». Едва замолчал первый, как этот вой подхватил второй, затем третий и четвертый, и вскоре весь лес огласился отвратительным воем. Он доносился не из какого-нибудь одного определенного места, а, казалось, шел отовсюду, и, вглядываясь в темноту между деревьями, мальчики видели сверкающие глаза волков, образовавшие полный круг.

— Ба! — воскликнул Базиль, прерывая наконец молчание. — Это всего лишь стая степных волков — койотов. Кто же обращает внимание на их вой!

Все сразу успокоились. Юные охотники не боялись степных волков, которые хотя и могут с яростью напасть на какого-нибудь беднягу оленя или раненого бизона, но страшатся человека и всегда готовы улизнуть, если полагают, что человек хочет напасть на них. Это, однако, бывает редко, так как охотники в прерии не любят тратить пули на койотов и часто разрешают им идти за собой следом и безнаказанно бродить вокруг лагеря на расстоянии выстрела.

Степные волки гораздо мельче других пород волков в Америке. Они ненамного крупнее английских терьеров и хитры, как английская лиса. Их нелегко поймать в западню или в капкан, но легко загнать на лошадях с собаками. Шкура койотов тускло-рыжеватого цвета, с примесью белых волосков. Это их обычный цвет, хотя, как и у многих иных животных, встречаются изредка экземпляры и других расцветок. Хвосты у них большие, пушистые, черные на концах и составляют примерно одну треть всего их тела. Койоты напоминают собак, которых можно найти в прериях у индейцев; без сомнения, койоты являются прародителями этих собак. Койоты встречаются по всему району Миссисипи, на запад — к Тихому океану и на юг — к Мексике. Они охотятся стаями, как шакалы, и часто нападают на оленей, бизонов и других животных, с которыми, как они думают, могут справиться, но не решаются нападать на бизона в стаде, хотя стаи койотов всегда идут следом за бизонами. Койоты ждут, пока кто-нибудь отстанет — молодой теленок или дряхлый, старый бык, — тогда они нападают на него и раздирают на куски.

Койоты идут вслед за отрядами охотников и путешественников, завладевая местом стоянки, едва путешественники уходят оттуда, и поедая все оставшееся съестное. Они даже пробираются ночью в лагерь и утаскивают все, что охотник припас себе на завтрак. Это иногда приводит к тому, что возмущенный охотник перестает жалеть порох и пули и начинает стрелять, пока не уложит нескольких хищников.

В Америке койоты водятся в большем количестве, чем другие породы волков, и поэтому они часто страдают от голода — слишком много ртов и желудков должно быть накормлено. В таких случаях койоты едят даже фрукты, корни и овощи — короче говоря, все, что только может поддержать в них жизнь.

Эти волки получили название «степные» потому, что их обычно встречают в прериях на западе, хотя в американских прериях водятся и другие породы волков. Иногда их называют «лающими волками», потому что, как мы уже заметили, первые две-три ноты их воя напоминают лай собаки; однако он заканчивается продолжительным, неприятным визгом.

— Я рад, что это всего-навсего койоты, — сказал Люсьен в ответ на замечание Базилья, — а не что-нибудь похуже. Я боялся, что к нам явились с визитом наши друзья пекари.

— Ну, и это тоже достаточно плохо, — сказал Базиль. — Теперь нам придется не спать и сторожить мясо, а то эти разбойники не оставят нам к утру ни одного кусочка.

— Это правда, — ответил Люсьен. — Но нам незачем сторожить всем. Ты и Франсуа

ложитесь спать, а я останусь на часах.

— Нет, — возразил Базиль, — ложитесь спать вы. Сторожить буду я.

— Братья, — сказал Франсуа, — мне совсем не хочется спать, разрешите мне подежурить! Я не подпущу их.

— Нет, нет! — воскликнули одновременно Базиль и Люсьен. — Я! Я!

Наконец согласились на том, что Базиль подежурит часа два, пока ему не захочется спать, а тогда он разбудит Люсьена, который, в свою очередь, поднимет потом Франсуа.

Договорившись так, Люсьен и Франсуа завернулись в одеяла и снова улеглись. Базиль сидел один, глядя то на огонь, то в мрачную темноту.

Люсьен и Франсуа, несмотря на заявление последнего, вскоре уже похрапывали, заснув как убитые. Накануне утром они очень рано встали из-за приключения с медведем и целый день потом работали. Надо было действительно очень хотеть спать, чтобы заснуть под такое дикое завывание.

Базиль устал не менее их и скоро почувствовал, как мучительно не спать, когда одолевает сон. Глаза волков продолжали сверкать вокруг него со всех сторон, но он боялся их не больше, чем если бы это были зайцы. Однако было очевидно, что стая очень большая. Запах медвежатины, без сомнения, заставил прибежать издалека многих койотов, помимо тех, которые следовали за мальчиками последние дни.

Наблюдая за койотами, Базиль увидел, что они осмелели и стали подходить все ближе и ближе. Наконец несколько волков подобралось к лежавшим недалеко от костра медвежьим костям и набросились на них. В полумраке Базиль видел, как хищники вдруг кинулись со всех сторон. Было слышно, как трещали кости на зубах у волков, и видно, как они дерутся и возятся около скелета медведя. Скоро это кончилось — все кости были обглоданы в мгновение ока. Волки отошли и снова рассыпались вокруг.

«Я должен получше разжечь костер, — подумал Базиль, — а то они доберутся и до меня».

Он встал и бросил несколько охапок хвороста в костер, который вскоре запылал, осветив десятки пар желтых глаз вокруг. Это помогло Базилю немного развеять сон; он снова сел к костру, но скоро опять начал дремать. Все чаще и чаще он ловил себя на том, что засыпает, и каждый раз, когда он заставлял себя проснуться, замечал, что волки подвинулись еще ближе к медвежатине. Базиль легко мог бы выстрелить в любого из них и отогнать их на время, но не хотел тратить пули и пугать братьев.

Базиль сидел, раздумывая, как заставить себя не спать. Вдруг ему в голову пришла мысль, от которой он сразу вскочил на ноги.

«Придумал! — сказал он себе, прислоняя ружье к дереву. — Я еще как следует выплюсь, несмотря на этих грязных крикунов! Странно, что нам раньше это не пришло в голову».

Базиль взял лассо и, подойдя к мясу, начал складывать куски медвежатины на один конец веревки. Это не заняло много времени. Когда Базиль сложил все и прочно перевязал, он перекинул другой конец лассо через высокую ветку и подтянул мясо наверх, как на блоке, так что оно оказалось больше чем в десяти футах от земли; затем он привязал веревку к поваленному дереву.

— Ну, джентльмены, — пробормотал он, обращаясь к волкам, — можете бродить вокруг и выть, пока не охрипнете, но вы не заставьте меня и на пять минут отложить мой отдых — ни за что!

Сказав это, Базиль улегся и закутался в одеяло.

— Ну что, господа волки? — продолжал он, увидев, что несколько койотов выбежали вперед и стали глядеть на раскачивающееся мясо. — Не правда ли, вам очень хочется достать мясо? Да? Спокойной ночи!

С этими словами Базиль рассмеялся и, вытянувшись рядом с братьями, через пять минут храпел так же громко, как они.

Но Базиль, при всей своей опытности, оказался в данном случае не так хитер, как

предполагал, и волков ему перехитрить не удалось.

Видя, что Базиль уснул, они смело подвигались ближе и ближе, пока на том месте, над которым висело мясо, не набралось их несколько десятков. Они бегали взад и вперед, натываясь друг на друга и глядя вверх, однако не издавали ни звука, чтобы не разбудить спящих.

Некоторые волки тихо сидели, не отрывая глаз от лакомых кусочков, но не делая попыток достать их: они знали, что мясо находится вне пределов досягаемости. Это были явно наиболее старые и умные волки. Другие же показывали свою удаль, высоко подпрыгивая. Самым ловким удавалось прыгнуть так высоко, что носы их оказывались в нескольких дюймах от мяса, и они испытывали муки Тантала *note 10*.

Один койот, лучший прыгун в стае, наконец ухитрился выхватить из связки маленький кусок, висевший ниже других. На ловкача сейчас же накинулись, едва он коснулся земли, и принялись гоняться за ним и осаждают его так, что он уже был рад отдать этот кусок, лишь бы спасти свою жизнь. Однако успех койота окрылил остальных, и они продолжали прыгать, хотя и безуспешно.

Но старшим — тем, которые до сих пор только наблюдали, — пришла в голову новая мысль. Некоторые из них побежали к бревну, где было привязано лассо, и, схватив зубами лассо, стали перегрызать его. Им потребовалось немного времени, чтобы добиться своего. Минуты через две тяжелая связка мяса глухо стукнулась о спину одного из волков, заставив его страшно завывать.

Маренго, который все это время был настороже, зарычал громче обычного, и весь этот шум разбудил троих спящих. Базиль, увидев, что случилось, вскочил и, схватив ружье, побежал вперед, а следом за ним — Франсуа и Люсьен.

Все трое ворвались в гущу волков, стреляя на бегу и ударяя их прикладами. Звери, конечно, бросились бежать врассыпную, но некоторые из них, убегая, все же захватили с собой лучшие куски медвежатины. Два койота были убиты выстрелами, а третьего, раненного Франсуа, догнал и растерзал Маренго.

Мясо скоро собрали, и Базиль, хотя и несколько расстроенный, но все же веря в свой план, снова перевязал мясо и подвесил его на лассо. На этот раз, однако, он закрепил конец лассо на высокой ветке дерева, и, так как волки не умеют лазить на деревья, мальчики были уверены, что, при всей своей хитрости, койоты теперь уже не смогут достать мясо.

Подбросив в костер побольше хвороста, братья снова завернулись в одеяла в надежде, что ничто больше не побеспокоит их до утра.

Глава XX. ОГНЕННОЕ КОЛЬЦО

Однако их надежды не оправдались. Бедные мальчики, им и в голову не приходило, что их ожидает! Их нервам предстояло еще большее испытание.

Волки страшно завывали вокруг лагеря, и их глаза по-прежнему сверкали во мраке. Но это не помешало бы мальчикам спать, если бы их внимание не привлек другой звук — голос совсем иного существа. Они услышали его среди воя волков и сразу узнали, так как он не был похож на голоса койотов. Звук сильно напоминал рычание сердитой кошки, но был намного громче, свирепее и страшнее. Это было рычание кугуара!

Я сказал, что юные охотники сразу узнали голос этого зверя, так как они слышали его раньше, охотясь в лесах Луизианы, хотя он и никогда не нападал на них. Однако они много слышали о кугуаре, знали о его силе и свирепости и поэтому были очень напуганы его рычанием — оно испугало бы и людей с более крепкими нервами.

Note10

Тантал (древнегреч. миф.) — сын Зевса; за преступления против богов обречен был ими на вечные муки: мучаясь от голода и жажды, он должен был стоять по горло в воде под деревом с плодами, не будучи в состоянии достать ни воды, ни плодов.

Когда рычание кугуара впервые достигло их слуха, оно казалось слабым, не громче, чем мяуканье котенка. Зверь был явно далеко в лесу, но мальчики знали, что он быстро может пробежать расстояние, отделяющее его от их лагеря. Мальчики прислушались. Второе рычание прозвучало ближе. Они вскочили и снова стали слушать. В третий раз звук показался более далеким, однако это было заблуждение. Они забыли, что теперь их уши находятся дальше от земли.

Несколько секунд юные охотники стояли, глядя друг на друга с ужасом, предчувствуя недоброе. Что делать?

— Сесть на лошадей и ускакать? — спросил Базиль.

— Мы не знаем, в какую сторону ехать, — сказал Люсьен. — Мы можем угодить прямо ему в пасть!

Это было весьма вероятным, ибо замечателен тот факт, что крик кугуара, как и рычание льва, доносится как бы со всех сторон. Трудно определить, где находится животное, издающее крик. Результат ли это испуга того, кто слышит рычание, — этот вопрос еще не разрешен.

— Что нам делать? — сказал Базиль. — Забираться на дерево бессмысленно. Эти животные карабкаются, как белки. Что делать?

Люсьен стоял молча, раздумывая.

— Я читал, — сказал он наконец, — что кугуар не может пересечь огонь. Это свойство большинства животных, хотя есть и исключения. Давайте попробуем... Тс-с! Слушайте!

Все трое замолчали. Опять кугуар издал свой дикий рев, донесшийся все еще издалека.

— Слышите? — продолжал Люсьен. — Он еще далеко. Может быть, он и не сюда идет, однако лучше приготовиться, пока у нас есть время. Давайте попробуем окружить себя огненным кольцом.

Как Базиль, так и Франсуа поняли, что имел в виду их брат. Все трое бросили ружья на землю и набрали охапки хвороста. К счастью, его здесь было очень много. Несколько сгнивших деревьев давно уже упало, и их ветви, разломившиеся при падении на много частей, покрывали землю и хорошо подходили для растопки. В большом костре, который уже пылал, не было недостатка в горячих углях, и через несколько минут на земле горел полный круг костров, почти касающихся один другого.

Мальчики не теряли даром времени и трудились изо всех сил. Хорошо, что они оказались так догадливы, ибо рев кугуара, который они время от времени слышали, все приближался и теперь, разносясь по лесу, покрывал все остальные звуки. Странно, но вой волков внезапно стих, и этих существ больше не было слышно. Однако теперь послышалось другое — топот и храп испуганных лошадей. Юные охотники забыли о своих бедных четвероногих слугах. Теперь было уже поздно спасти их: кугуар находился в сотне ярдов от лагеря!

Все трое вместе с Маренго встали в огненный круг. К счастью, не было и дуновения ветра, и дым поднимался вертикально, давая мальчикам возможность дышать. Так они и стояли, сжимая в руках ружья. Вокруг них пылал и трещал огонь, но сквозь треск и шипенье горячих сучьев слышен был жуткий рев кугуара.

Теперь стало ясно, с какой стороны шел зверь; приглядываясь, юные охотники могли сквозь дым и пламя различить желтое, словно кошачье, тело животного, расхаживавшего взад и вперед под висевшим мясом. Закругленная голова, длинное, худое туловище, гладкая рыжеватая шкура — здесь нельзя было ошибиться. К величайшему своему ужасу, мальчики увидели, что там было не одно, а два этих страшных существа; они расхаживали, жадно глядя на мясо.

Тут только охотники поняли, как неосмотрительно поступили, не срезав лассо. Ведь тогда кугуары, конечно, съели бы мясо и, насытившись, ушли бы прочь. Увы, эта мысль слишком поздно пришла им в голову.

Несколько минут животные продолжали ходить взад и вперед, жадно поглядывая на соблазнительную пищу. Время от времени они подпрыгивали, стараясь схватить мясо, но их

попытки были безуспешны, и они скоро отказались от этого. Один из кугуаров взобрался на дерево, на котором было закреплено лассо. Слышно было, как его когти скребут кору. Сначала он вскарабкался на ту ветку, на которой висела медвежатина. Кугуар с силой потряс ветку, глядя вниз — не упадет ли подвешенный кусок. Разочарованный, он через некоторое время перебрался на другую ветку, на которой было завязано узлом лассо. Тут он опять схватил веревку когтями и стал сильно трясти ее, но все с тем же результатом.

Хотя кугуар и имел то преимущество перед волками, что мог влезть на дерево, но не обладал их хитростью, иначе он скоро добился бы своего — стоило лишь перегрызть лассо, и мясо упало бы. Но такая мысль может прийти в голову только существу более высокой организации, чем кугуар. Поэтому кугуар вскоре вернулся на землю, к своему товарищу, который сидел все это время, наблюдая за его маневрами.

Попытки кугуара достать мясо заняли около часа. В течение всего этого времени мальчики стояли в кольце огня в самом плачевном положении: по мере того как хворост сгорал и превращался в красные угли, жар все усиливался. Юные охотники сделали свой круг слишком узким и стояли теперь будто в пылающем горниле.

Дым слегка рассеялся, и мальчики различали каждое движение кугуаров, но страшный жар, мучивший их, почти победил страх перед опасными животными. Еще немного — и они выскочили бы, чтобы сразиться с кугуарами. Пот лил с них градом, им казалось, что вместо ружей они держат раскаленное железо.

— Я не могу больше выдержать! — воскликнул Базиль. — Давайте выстрелим в них, выскочим отсюда и попытаем счастья.

— Терпение, брат, — ответил Люсьен. — Еще немного — и, может быть, они уйдут.

Кугуары, оставив мясо, начали подкрадываться к огню. Они ползли, как кошки, к добыче; время от времени они издавали странный звук, похожий на глухой кашель человека, больного туберкулезом. Потом послышался другой звук, который удивил охотников. Он напоминал мурлыканье кошки, когда ее ласкают, но был намного громче и далеко разносился в лесу, теперь притихшем. Яснее всего этот звук слышали те, кто был близко. Его издавали оба кугуара, как бы подбадривая друг друга в своем продвижении вперед, и продолжали ползти, размахивая хвостами.

В нескольких футах от огня животные остановились и распластались по земле, явно готовые прыгнуть вперед в любую минуту. Жутко было смотреть на эти свирепые создания. Свет большого костра делал каждую часть их тела необычайно рельефной; отчетливо были видны их когти, их оскаленные зубы и даже яркая радужная оболочка сверкающих глаз. Но теперь кугуары не выглядели и вполтину такими страшными, как вначале. Юные охотники рассматривали их сейчас с другой точки зрения. Мальчики так ужасно страдали, что им казалось, что вне этого горячего огненного кольца не существует опасности — даже от когтей зверя.

— Я больше не выдержу! — воскликнул Базиль. — Мы заживо поджаримся. Вы, братья, берите того кугуара, а а прицельсь в этого... Итак, не бойтесь, стреляйте!

Почти одновременно грянули три выстрела, и три брата выпрыгнули из-за пылающей ограды. Промахнулись ли Франсуа и Люсьен, стало известно лишь позже, но Базиль не промахнулся. Он ранил кугуара, и, едва юные охотники выбрались из огненного круга, разъяренный зверь прыгнул туда; было видно, как он то вскакивал, то катался по земле в предсмертной агонии.

Маренго бросился на кугуара, но оба они попали в раскаленную золу, и собаке пришлось снова выскочить обратно. Кугуар, предоставленный самому себе, скоро перестал биться и лежал на земле — судя по всему, мертвый. Но что стало с другим?

Все трое стояли, прислушиваясь, как вдруг до них донеслось храпенье и топот их лошадей, а в довершение всего — пронзительный крик мула Жаннет. Это продолжалось несколько минут. Затем все стихло.

«Бедная Жаннет! — подумали они. — Второй кугуар заел ее... Ну что ж, нам придется обойтись без нее. Делать нечего».

Никто не спал до рассвета — все еще боялись, что кугуар может вернуться за своим товарищем. Начался дождь; он лил как из ведра, заливая костры. Мальчики не пытались снова разжечь их, а, накинув на плечи одеяла, старались спрятаться под деревьями.

Наконец забрезжил рассвет. Каково же было удивление и радость мальчиков, когда они увидели, что Жаннет стоит на привязи и мирно пасется, а рядом на земле лежит мертвый кугуар! Он был ранен выстрелами, но не это, как они вскоре убедились, было причиной его смерти, так как тело его было раздавлено и ребра поломаны.

Некоторое время юные охотники не могли ничего понять. Наконец все объяснилось. Положение, в котором был найден зверь, помогло им разрешить загадку. Кугуар лежал под большим деревом, к которому, очевидно, был притиснут. Убегая, он наскочил на Жаннет, а та кинулась со всех ног и, наткнувшись в темноте на дерево, прижала к нему кугуара и задавила его насмерть.

Свирепое животное оставило следы своих когтей на спине и загривке Жаннет, а глубокий шрам на ее горле показывал, куда вонзились его зубы. Счастье, что Жаннет налетела на дерево, иначе кугуар не отпустил бы ее, пока не выпил бы всю кровь из ее вен, ибо эти животные убивают свою добычу именно таким образом.

Настало утро. Юные охотники, не спавшие почти всю ночь, были измучены и могли бы теперь отдохнуть, но сочли это неблагоразумным. Они понимали, что очутились в такой части леса, где водилось много опасных животных, и решили до наступления ночи уехать отсюда. Действительно, они находились на берегах поросшего лесом притока реки Тринити, которая в это время года разливается, и все дикие звери — медведи, кугуары, волки, рыси, и пекари — вынуждены были уйти из низин и бродили в соседних лесах более голодные и злые, чем обычно.

Оседлав лошадей и навьючив на мула одеяла, бизоньи шкуры и запасы мяса, наши путешественники снова отправились на запад. Проехав несколько миль, они миновали леса и двинулись по открытой прерии.

Глава XXI. ОДИНОКИЙ ХОЛМ

Путь юных охотников пролегал по одной из самых живописных местностей, какие только встречаются в южных районах: они ехали по цветущей прерии, среди несметного количества цветов. Цветы спереди, цветы сзади — со всех сторон; куда ни глянь, всюду виднелись их блестящие венчики. Тут росли и золотистые подсолнечники, и красные мальвы, и молочай, и алый лупинус. Были здесь также и розовые цветы дикой болотной мальвы, а ярко-оранжевые калифорнийские маки выглядывали из зеленой листвы, точно огненные шары. Ниже, у самой земли, притаились скромные фиалки, сверкавшие, как голубые самоцветы. Все это освещалось ослепительным солнцем. После недавнего дождя, омывшего их, цветы, казалось, стали еще ароматнее и красивее.

Миллионы бабочек, не менее красивых, чем цветы, порхали над ними или отдыхали на их нежных чашечках. Некоторые бабочки были очень крупные, с бархатистыми, разнообразно и ярко раскрашенными крылышками. В воздухе проносились и другие разноцветные крылатые создания. Огромные мухи то парили на своих жужжащих крыльях, то проносились, как молнии, в другой конец этого бескрайнего сада. Пчелы, перелетая с цветка на цветок, собирали нектар. Неожиданно из-под копыт лошадей взлетали виргинские перепелки и гривистые куропатки. Франсуа посчастливилось убить двух куропатов, и теперь они свисали с его седла. Наши путешественники ехали все дальше и дальше через этот огромный цветник, и копыта их лошадей приминали множество чудесных цветов. Иногда цветы были так высоки и росли так густо, что достигали лошадям до груди, совершенно скрывая их из виду. Иногда путешественники попадали в полосу сплошных подсолнечников, и тогда большие головки цветов задевали всадников, обсыпая их своей желтой пылью.

Ландшафт был необычайно красив и своеобразен, и юные охотники наслаждались бы им, если бы не страдали так от усталости и желания спать. Сначала аромат цветов, казалось,

освежил их, но через некоторое время они почувствовали, что он действует на них, как наркотик, так как им еще больше захотелось спать. Мальчики сделали бы привал, но поблизости нигде не виднелось воды. Кроме того, не было корма для животных: как это ни странно, в этих цветущих прериях редко можно встретить траву. Цветы занимают всю почву, и вокруг их корней совершенно нет травы. Поэтому путешественники были вынуждены ехать дальше, пока не покажутся трава и вода — самое необходимое, без чего нельзя было расположиться на ночлег.

Миль через десять цветы стали реже, и наконец началась травяная прерия. Проехав еще две-три мили, наши путешественники достигли маленького ручья, бежавшего по открытой равнине; на его берегах не росло никаких деревьев, кроме нескольких ив. Здесь мальчики и решили остановиться, сошли с лошадей и, привязав их, дали животным наконец возможность поест.

Все трое очень устали и хотели спать. Не в меньшей мере их хотелось и есть. Надо было прежде всего утолить голод, и они принялись готовить ужин. Ивы были зеленые и горели плохо, но мальчики проявили большое упорство и все-таки разожгли костер. Они опустили куропаток Франсуа в котелок, сдобрили их диким луком и степной репой, которые Люсьен набрал по дороге, и получилось очень вкусное блюдо. Запас медвежатины они не тронули, за исключением маленького куска, который вместе с потрохами куропаток составил ужин Маренго. Едва закончив есть, охотники расстелили на траве бизоньи шкуры и, натянув на себя одеяла, крепко заснули.

Эту ночь юные охотники спали спокойно. Просыпаясь, они слышали вой волков, раздававшийся где-то в прерии и даже неподалеку от их лагеря, но они уже привыкли к этим серенадам и не обращали на них внимания. Все трое крепко спали всю ночь.

Мальчики проснулись на рассвете и чувствовали себя совершенно отдохнувшими. Они напоили лошадей и приготовили завтрак из медвежатины. Медвежатина всегда вкусна, но проголодавшимся юным охотникам такое блюдо показалось особенно лакомым — они съели каждый почти по фунту. Все были в отличном, бодром настроении. И Маренго был хорошо настроен, хотя когти кугуара и оставили на нем немало следов. Жаннет тоже весело щипала траву, отмахиваясь от мух. Базиль только что смазал ей ноги медвежьим жиром, а раны, оставленные кугуаром, уже начали заживать.

Мальчики оставались у ручья весь следующий день и спокойно провели там еще одну ночь. Наутро они пустились в путь и через несколько дней достигли смешанных лесов, которые так давно занимают умы любознательных натуралистов. Наши путешественники не задержались тут долго, так как не видели никаких признаков бизонов, и поехали дальше на запад, пересекая многочисленные притоки реки Брасос.

Примерно на третий день после того, как они покинули смешанные леса, мальчики остановились у одной из этих речушек, очень маленькой и извилистой, на берегах которой не росло ни деревьев, ни кустов. Но наши путешественники не ощущали нехватки в топливе — ведь они могли развести костер из сухого бизоньего помета, вид которого радовал их в течение всего дня пути: они понимали, что, значит, неподалеку должны быть и сами бизоны. Теперь юные охотники достигли местности, где обитают эти животные. Встречи с ними можно было ожидать в любую минуту.

Как только наступил день, наши охотники стали вглядываться в прерии, но бизонов не было видно. Во все стороны — казалось, до самого неба — расстилалась зеленая безлесная равнина. Однообразие ландшафта нарушалось лишь возвышенностью, высоко поднимавшейся над похожей на море прерией.

Возвышенность, казалось, была по меньшей мере в десяти милях от них. Она стояла одиноко, как утес, и ее отвесные склоны круто поднимались над прерией. Этот своеобразный холм находился как раз на пути следования мальчиков.

— Поедем туда? — спросили они друг друга.

— Почему бы и нет? — сказал Базиль. — С тем же успехом можно встретить бизонов в этом направлении, как и в любом другом. У нас нет проводника, и мы должны положиться

на случай. Пусть он приведет нас к бизонам или их — к нам, все равно.

— Ну, тогда давайте поторопимся, — заявил Франсуа, — и доедем до холма. Как знать, может, там-то как раз и бродят бизоны.

— А что, если там нет воды? — сказал всегда благоразумный Люсьен.

— Вряд ли, — ответил Франсуа. — Я уверен, что есть. Там, где есть горы, обычно всегда бывает вода. А этот холм можно назвать горой. Я ручаюсь, что воду мы там найдем.

— Если ее там нет, — добавил Базиль, — мы можем вернуться сюда.

— Но мы не знаем, как далеко эта возвышенность, — сказал Люсьен.

— Я думаю, милях в десяти отсюда, — ответил Базиль.

— Конечно, не больше, — добавил Франсуа.

— Не меньше чем в тридцати, — заметил Люсьен.

— Тридцати? — воскликнули Базиль и Франсуа. — Тридцать миль! Ты, конечно, шутишь? Да до нее рукой подать!

— Это обман зрения, — ответил наш юный философ. — Вы оба определяете расстояние так, как это делают на низменности, в плотной атмосфере Луизианы. Не забывайте, что мы в местности, расположенной в четырех тысячах футов над уровнем моря, где нас окружает воздух чрезвычайно чистый и прозрачный. Здесь можно видеть предметы на расстоянии вдвое большем, чем мы увидели бы их на берегах Миссисипи. Эта возвышенность, до которой, как вы полагаете, только десять миль, на самом деле, наверно, отстоит от нас минимум миль на тридцать.

— Не может быть! — воскликнул Базиль, вглядываясь в возвышенность. — Я вижу даже пласты на ее склонах и как будто деревья на вершине...

— Весьма возможно, и все-таки я прав, — продолжал Люсьен. — Ну что ж, давайте отправимся туда, если хотите. Я думаю, воду мы там найдем. Однако имейте в виду: ехать нам придется целый день, и еще хорошо, если мы попадем туда до наступления ночи.

Благоразумие Люсьена не было преувеличенным. Напротив, в данном случае его оказалось даже мало. Если бы Люсьен или его братья имели хоть чуть-чуть больше опыта, они призадумались бы, прежде чем пуститься так смело в далекий путь, не будучи уверенными, встретится ли вода впереди. Это такой риск, на какой редко пускаются даже старые охотники, хорошо знающие по опыту, как опасно очутиться в прерии без воды. Охотники страшатся этого больше, чем кугуаров, медведей гризли, росомах или даже воинственных индейцев. Страх жажды сильнее всех остальных страхов.

Наши юные охотники почти не чувствовали этого страха. Правда, все они слышали или читали о мучениях, которые иногда испытывают путешественники от отсутствия воды. Люди, которые живут уютно дома, окруженные родниками, колодцами и ручьями, цистернами и резервуарами, трубами и кранами, струями и фонтанами, все время бьющими вокруг них, склонны недооценивать эти страдания. Такие люди охотно поверят, что кошка сумеет открыть замок в двери, а свинью можно научить играть в карты и что их собака может делать чудеса, — что этими животными движет что-то помимо инстинкта, но эти же самые люди будут недоверчиво качать головой, когда я скажу им, что опоссум спасается от врага, подвешиваясь на хвосте на ветке, или что дикий баран прыгает в пропасть на рога, или что рыжие обезьянки делают мост над потоком, цепляясь друг за друга хвостами.

— «О, чепуха! — воскликнут они. — Это неправдоподобно!»

Неужели это кажется невозможным по сравнению с трюками их кошки и собаки и даже маленькой канарейки, порхающей по гостиной? Невиданное и далекое всегда воспринимается с удивлением и недоверием, в то время как знакомые факты, которые сами по себе гораздо более замечательны, не вызывают интереса и не подвергаются сомнению.

Кто теперь рассматривает потрясающее явление электричества иначе, как простую, вполне понятную истину? И все же было когда-то время, когда, если бы вы или я заявили об этой истине, над нами посмеялись бы. Было время, когда это могло бы стоить нам свободы

или даже жизни. Вспомните Галилея *note 11* !

Итак, как я уже сказал, люди, живущие дома, не знают, что такое жажда, ибо дом — это такое место, где всегда есть вода. Они не могут понять, что значит очутиться в пустыне без этого необходимого элемента. Я сам изведаль это, и, поверьте моему слову, муки жажды — страшная вещь.

Наши юные охотники имели лишь смутное представление об этих ужасах. До сих пор их путь пролегал по району, где было много воды. Через каждые десять-двенадцать миль они пересекали какую-нибудь речку, угадав ее еще издали по растущим на ее берегах кустам и деревьям, и, таким образом, знали заранее, в каком направлении искать воду.

Но мальчики мало разбирались в особенностях местности, расстилавшейся теперь перед ними. Они не знали, что въезжают в пустынную равнину — в необъятные и безводные степи, которые ведут к подножию Скалистых гор.

Франсуа, опрометчивый и порывистый, никогда не думал об опасности; смелый Базиль не боялся ее; у Люсьена были сомнения, потому что он слышал и читал об этом больше, чем его братья. Однако всем было интересно попасть на необычную, похожую на холм возвышенность, возникшую вдруг на равнине. Это было вполне естественно. Даже невежественный дикарь или деловитый траппер часто отклоняется от своего курса, движимый подобным любопытством.

Лошадей напоили и оседлали, на Жаннет навьючили поклажу, фляги наполнили водой, и наши путешественники, сев на лошадей, двинулись вперед, к холму.

Глава XXII. ОХОТА НА ДИКОГО КОНЯ

— В этой местности должны водиться бизоны, — сказал Базиль, посмотрев на землю. — Вот совершенно свежий бизоний помет. Не может быть, чтобы он пролежал много дней. Смотрите: тропа бизонов и на ней следы!

С этими словами он указал на напоминающую желоб впадину, которая тянулась по прерии насколько хватал глаз. Впадина выглядела, как русло пересохшего ручья, но следы копыт на ее дне указывали, что это как раз то, что предположил Базиль, — тропа бизонов. Тропа, без сомнения, вела к водопою. Когда всадники въехали на нее, края ее оказались на уровне их голов — так она была глубока: во время сильных дождей здесь текла вода, унося с собой в реку почву, разрыхленную копытами бизонов. Тысячи бизонов ходят иногда по этим тропам один за другим, переселяясь таким образом в поисках лучших пастбищ или воды: они знают по опыту, что такая дорога всегда приведет их к воде и траве.

Наши охотники не поехали по тропе далеко — у них не было уверенности, что в конце ее они встретят бизонов. Они пересекли тропу и продолжали ехать к холму.

— Смотрите! — воскликнул Франсуа. — Что это?

Он указал на несколько круглых впадин в земле.

— Бизоновы ямы, честное слово! — сказал Базиль. — Некоторые из них совсем свежие.

— Бизоновы ямы? — отозвался Франсуа. — Это что еще такое?

— Разве ты никогда не слышал о них? — спросил Базиль. — Это место, где бизоны валяются и кувыркаются, как лошади или домашний скот.

— А, вот что! — сказал Франсуа. — Но зачем она это делают?

— Вот этого я не знаю. Может быть, Люс нам расскажет?

— Некоторые говорят, — сказал Люсьен, — что бизоны делают это, чтобы почесаться и таким образом избавиться от мух и других надоедающих им насекомых. Иные считают, что бизоны проделывают эти любопытные упражнения для развлечения.

— Ха-ха-ха! — рассмеялся Франсуа. — Какие же они смешные!

Note11

Галилео Галилей (1564—1642) — великий итальянский физик и астроном, один из основателей точного естествознания.

— А есть еще одно интересное объяснение, — продолжал Люсьен, — будто бизоны вырывают эти углубления, чтобы там во время дождей собиралась вода и чтобы из них можно было напиться на обратном пути.

— Ха-ха-ха! — снова засмеялся Франсуа. — Уж этому я никак не поверю!

— А я и не стремлюсь тебя в этом убедить, — сказал Люсьен. — Конечно, такое предположение неправильно, поскольку бизон — животное, не обладающее для этого достаточным развитием. Это всего лишь забавное предположение. Очевидно, однако, то, что в период дождей в таких ямах собирается вода и часто остается там в течение нескольких дней, а бизоны, которые бродят вокруг, пьют эту воду. Следовательно, можно сказать, что бизоны роют свои собственные «колодцы». Эти колодцы частенько служат на пользу и другим животным и даже людям. Многие заблудившиеся трапперы и индейцы спасались, находя воду в таких углублениях, — иначе они погибли бы от жажды.

— Какие эти ямы круглые! — сказал Франсуа. — Они представляют собой совершенно правильные круги. Как бизоны делают их такими?

— Бизоны ложатся во всю длину и крутятся и крутятся, как колесо на оси. Они вращаются с большой скоростью, упираясь загривками и отталкиваясь ногами, как рычагами. Иногда они кружатся так добрые полчаса. Несомненно, бизоны делают это, чтобы почесаться. Несмотря на толстую шкуру и густую шерсть, им очень досаждают насекомые-паразиты. Кроме того, это для них и вид развлечения. Вы часто могли наблюдать, как лошади катаются по траве, и разве не ясно, что они получают при этом удовольствие? Вам никогда не приходило это в голову?

— О да! — воскликнул Франсуа. — Я уверен, что лошади любят как следует покувыркаться.

— Ну вот, предполагают, что и бизоны тоже. Конечно, им очень приятно, что они таким образом отделяются от своих мучителей и прижимают разгоряченные бока к свежей, прохладной земле. Бизоны не очень чистоплотны. Они до такой степени покрыты грязью, что невозможно определить, какого цвета их шкура.

— Ну, — сказал Франсуа, — я надеюсь, что скоро нам попадется бизон с белой шкурой!

Разговаривая таким образом, наши юные охотники продолжали свой путь. Они проехали миль десять, когда Базиль, который все время вглядывался в горизонт прерии, издал восклицание и неожиданно остановил лошадь. Остальные тоже придержали коней.

— Что ты там увидел? — спросил Люсьен.

— Еще сам не знаю, — ответил Базиль, — но на горизонте что-то есть... К югу, — видите?

— Да, похоже на группу низких деревьев.

— Нет, — сказал Базиль, — это не деревья. Они движутся. Мне думается, что это какие-нибудь животные.

— Надеюсь, что это бизоны! — закричал Франсуа, поднимаясь во весь рост в стременах и пытаясь что-нибудь увидеть. Но его лошадка была слишком малоросла, и Франсуа ничего не мог разглядеть.

— Поедем им навстречу? — предложил Люсьен, обращаясь к Базилю.

— Я думаю, они движутся по направлению к нам, — ответил тот. — Они все больше растягиваются по горизонту, и, может быть, это кажется оттого, что они приближаются. Бизоны!.. Нет, честное слово, — продолжал он, повышая голос, — это всадники... может быть, индейцы!

— Почему ты так думаешь? — спросил Люсьен.

— Я видел одного на фоне неба. На таком расстоянии я могу определить очертания лошади. Я уверен, что это так... Смотри, вон другая!

— Да, — сказал Люсьен, — это лошадь. Но, смотри, всадника нет. Никого на ней нет... А вот и еще одна, тоже без всадника... Ага! Теперь я знаю: это мустанги!

— Мустанги! — вскричал Франсуа. — Отлично. Вот на это стоит посмотреть!

Вскоре подтвердилось, что Люсьен был прав: это был табун мустангов, или диких лошадей. Базиль тоже оказался прав, говоря, что они приближаются, ибо через несколько минут мустанги были уже меньше, чем в миле от мальчиков.

Мустанги мчались быстрым галопом, двигаясь плотной массой, подобно вытреннированному эскадрону, а один мустанг был несколько впереди и, несомненно, являлся вожаком. Время от времени какая-нибудь лошадь отделялась от рядов и отставала, но всякий раз подтягивалась снова и присоединялась к своим товарищам. Это было чрезвычайно интересное зрелище. Земля гудела под копытами животных так, как будто неслась кавалерия.

Когда мустанги были уже меньше чем в полумиле от наших охотников, они, казалось, впервые заметили мальчиков. Вдруг вожак остановился, вскинул голову, заржал и встал, как вкопанный. Остальные тоже остановились, подражая вожаку. Он был все же несколько впереди, в то время как весь табун сомкнул ряды, как кавалерия в бою. Постояв несколько секунд на месте, вожак издал резкое ржание, бросился вправо и помчался во весь опор. Все кони тоже заржали и, сейчас же круто повернув, последовали за ним. Все это мустанги проделали с четкостью эскадрона.

Наши охотники предполагали, что лошади пройдут мимо и не приблизятся. Они все сожалели об этом, им хотелось посмотреть поближе на этих благородных животных.

Чтобы не спугнуть мустангов, мальчики спешили и теперь стояли, частично заслоненные своими лошадьми, все же крепко держа их, так как те были напуганы громовым топотом своих диких собратьев.

Через мгновение мустанги появились прямо перед мальчиками — то есть их бока были обращены к охотникам, — и те с радостью увидели, что мустанги не удаляются, а галопируют по кругу, центром которого были наши зрители.

Круг, по которому бежали дикие лошади, имел не больше полумили в диаметре; они, казалось, приближались к центру. Мустанги двигались не по окружности, а по спирали, которая постепенно суживалась внутрь.

Теперь мальчики могли хорошо разглядеть их. Это было красивейшее зрелище. Среди двух сотен мустангов самых разнообразных мастей вы не нашли бы и двух одинаковых. Тут были и вороные, и белые, и гнедые, и чалые. Некоторые были буланные, некоторые — рыжие, а некоторые — серые с металлическим отливом, и было много-много других, разномастных и с подпалинами, как охотничьи собаки. Пышные ниспадающие гривы и длинные хвосты развевались по ветру, и это придавало лошадям еще большую грацию. Да, это было захватывающее зрелище, и мальчики стояли затаив дыхание, наблюдая, как этот «эскадрон» носится вокруг них.

Но глаза всех троих вскоре обратились на одного — вожака. Ничего более прекрасного они никогда не видели. Базиль, который обожал красивых лошадей, был в восторге и не мог оторвать глаз от этого красавца.

И неудивительно, ибо трудно было себе представить более совершенное животное. Вожак был крупнее остальных, хотя все же меньше английской лошади. Его крепкая грудь и выпуклые глаза, стройные бока, тонкие, изящные ноги и маленькие копыта — все указывало на его происхождение: он был чистокровный арабский конь, потомок тех благородных коней, которые привезли первых завоевателей в Мексику. Его пропорции были, как сказал бы знаток, совершенны, и Базиль, который действительно являлся знатоком, подтвердил это.

Жеребец был весь белый — белый, как горный снег. Когда он скакал, его ноздри раздувались и делались красными, глаза выкатывались, грива рассыпалась по обеим сторонам шеи, от холки до загривка, и длинный хвост развевался по ветру. Свободные, грациозные движения вожака, как и движения тех, кто следовал за ним, показывали, что все они никогда не знали седла.

Глядя на это благородное животное, Базиль загорелся непреодолимым желанием обладать им. Правда, у него уже была лошадь, одна из самых замечательных, когда-либо носивших седло, но у Базиля была слабость: он жаждал иметь каждую красивую лошадь, которую видел, а этот мустанг возбуждал в нем особенное стремление сделаться его

обладателем.

Через несколько секунд желание Базиля настолько возросло, что он почувствовал, что готов отдать все на свете — может быть, только за исключением Черного Ястреба, — чтобы завладеть этим конем прерий. Вы можете подумать, что при умении Базиля бросать лассо и ездить верхом он мог бы быстро удовлетворить свое желание, но это было не так просто сделать, и Базиль знал это. Он знал, что без особого труда смог бы накинуть аркан на какую-нибудь из рядовых лошадей табуна, но поймать жоака — совсем другое дело. Никому, даже индейцам, никогда еще не удавалось это сделать, и Базиль часто слышал об этом, но все-таки решил попробовать. Он очень доверял быстроте и выносливости своего Черного Ястреба.

Базиль поведал братьям о своем решении шепотом, чтобы не спугнуть мустангов, которые скакали теперь совсем близко. Люсьен пытался отговорить его, выдвигая в качестве аргумента, что это заставит их отклониться от курса и они могут потерять друг друга.

— Нет, — сказал Базиль, — поезжайте к холму — ты и Франсуа. А я приеду к вам. Может быть, я даже окажусь там раньше вас... Не возражай, брат, не надо! Я должен иметь этого коня, и я поймаю его, даже если мне придется проскакать пятьдесят миль!

Говоря это, Базиль подошел ближе к левому стремени, взглянул на лассо, висящее в свернутом виде на седле, и стоял, готовый в любой момент вспрыгнуть на лошадь. Люсьен увидел, что бессмысленно продолжать отговаривать брата, и замолчал. Франсуа с восторгом присоединился бы к Базилю в этой погоне, но сама идея охотиться на мустанга на маленькой лошадке была абсурдом.

Мустанги всё продолжали свой бег по кругу. Иногда по сигналу жоака они останавливались и разворачивались в одну линию, как раз напротив маленькой группы наших охотников, мордами к ним. В этом положении они оставались несколько секунд, подняв вверх головы и с любопытством разглядывая странные существа, которые вторглись в их владения. Некоторые били копытами землю и храпели, будто сердились. Затем жоак издавал свое пронзительное ржание, и все мустанги опять принимались кружить.

Дикие лошади находились теперь меньше чем в двухстах ярдах от того места, где стояли охотники, но было ясно, что они не намереваются подходить ближе. Наоборот, они, казалось, собирались уходить. После каждой остановки они поворачивали головы к прерии, а затем снова принимались кружить, как будто еще не удовлетворив свое любопытство.

Во время их последней остановки, или, вернее, когда Базиль подумал, что она может быть последней, он опять предупредил братьев, чтобы те направлялись к холму, и, бесшумно поставив ногу в стремя, вскочил в седло. Его движение заставило мустангов вздрогнуть, но, прежде чем они успели повернуть, юный охотник прищпорил своего коня и сделал несколько скачков по направлению к ним. Базиль не смотрел на табун — ему было все равно, куда тот побежит, — юный охотник смотрел только на белого жоака и мчался во весь опор к нему.

Жоак на мгновение замер, будто удивившись, затем издал дикое ржание, совсем не такое, как до сих пор, повернул направо и помчался с бешеной скоростью; остальные лошади последовали за ним. Так как задние сделали поворот, Базиль находился теперь от них не дальше чем в двенадцати ярдах и в несколько скачков приблизился к ним настолько, что легко мог бы набросить лассо на любого из мустангов. Когда же они повернули, Базиль остался далеко позади, но скоро наверстал расстояние и продолжал погоню, держа направление несколько вбок. Он не хотел попасть в гущу мустангов, так как понимал, что это опасно и только задержит его. Целью Базиля было оказаться впереди табуна и как-нибудь отделить жоака от остальных. Юноша взялся за выполнение этой задачи со всей своей энергией.

Дикие кони стремглав летели вперед, за ними следовал охотник. Погоня была явно безнадежной, но мальчик умело правил своей лошадкой. Лассо висело на его седле: Базиль не дотрагивался до него — время еще не пришло. Вперед и вперед летели дикие лошади. Все ближе и ближе к ним был смелый охотник, и вот уже мили отделяют его от того места, откуда он начал погоню. Через несколько минут Франсуа и Люсьен потеряли его из виду.

Но маленькие андалузские кони не могли сравниться с арабской лошастью Базиля. Табун изменил свое построение: лошади бежали уже не рядами, а длинной цепочкой, заняв каждая место соответственно своей скорости, а далеко впереди, несясь как метеор, сверкал своей снежной белизной вожак.

Последние лошади скоро остались позади. Они сворачивали в сторону, как только видели, что их обгоняет большая темная лошадь, несшая на себе какой-то странный и страшный предмет. Базиль обогнал их одну за другой, и Черный Ястреб оказался во главе всего табуна, а его седок не видел перед собой ничего, кроме белого коня, зеленой прерии и голубого неба. Если бы он оглянулся, то увидел бы, что мустанги рассыпались по прерии во всех направлениях. Но он не оглядывался. Все, что ему было нужно теперь, находилось перед ним, и он мчался все вперед и вперед, то и дело вонзая шпоры в коня.

Базиль и не нужно было прищипоривать Черного Ястреба. Конь его, казалось, считал делом чести догнать мустанга, и делал все, что в его силах. Дикий конь тоже как будто чувствовал, что его жизнь или по меньшей мере свобода зависят от этого, и тоже напрягал все силы. Оба летели как ветер — и преследователь и преследуемый. Линия их бега была прямой, как стрела. Это доказывало, что мустанг, спасаясь от врагов, обычно полагается на свои ноги.

В такой погоне, однако, преследователь имеет преимущество перед преследуемым. Последний, находясь в постоянном волнении, вынужден оглядываться назад и поэтому хуже видит почву под ногами. Оборачиваясь, он теряет правильное положение тела, и скорость его уменьшается. Кроме того, он может споткнуться.

Так произошло и с этим диким конем. Он, правда, не спотыкался — ноги хорошо держали его, но голову он время от времени поворачивал, чтобы своим черным глазом рассмотреть врага, преследовавшего его. Это, конечно, до некоторой степени задерживало мустанга. Только в такие моменты Базиль мог сократить расстояние между собою и диким конем, и тогда, чувствуя свое превосходство, он еще больше стремился поймать мустанга и завладеть им.

После долгой погони расстояние между ними было все еще не меньше двухсот шагов. Юный охотник с нетерпением продолжал прищипоривать своего коня, а мустанг, казалось, летел вперед, ничуть не убавляя скорости.

Вдруг Базиль заметил, что белый конь, вместо того чтобы скакать прямо, начал петлять, двигаясь зигзагами. Базиль посмотрел на него с удивлением и стал искать причину. Вглядываясь в поверхность земли, он обнаружил, что она неровная и покрыта, насколько хватал глаз, маленькими холмиками. Мустанг был среди этих холмиков. Так вот что заставляло его бежать так странно!

Едва Базиль увидел это, как почувствовал, что его лошадь неожиданно проваливается под ним и летит кувырком на землю.

Всадник вылетел из седла. Но он не очень ушибся и сразу вскочил на ноги. Черный Ястреб тоже поднялся и стоял тихо. Его влажные бока поднимались и опускались, он тяжело дышал. Он был не в состоянии скакать дальше.

Но даже если бы Черный Ястреб не устал, Базиль видел, что погоня пришла к концу. Маленькие холмики, которые он только что заметил, плотно покрывали всю прерию. Дикая лошадь неслась среди них с прежней быстротой.

Когда охотник поднялся на ноги, мустанг был на расстоянии около четверти мили и резко заржал, как бы торжествуя, что спасся, так как не оставалось сомнения, что он убежал.

Базиль, к своему огорчению, и сам видел это. Он понял, что дальнейшее преследование не только бессмысленно, но и опасно, так как, хотя он никогда раньше не видел подобных холмиков, он хорошо знал, что это такое, и знал, как опасно ехать среди них верхом при большой скорости. Базиль получил своевременный урок, так как лошадь его споткнулась и упала, едва он въехал в пределы этих холмиков. По счастью, она ничего себе не повредила. Базиль знал, что во второй раз он едва ли отделается так же благополучно, и не был склонен рисковать опять. Не хотел он рисковать и своим любимым Черным Ястребом ради белого

коня, даже если бы был уверен, что поймает его. Но теперь это было уже и невозможно. Если продолжать погоню, то, вместо того чтобы поймать мустанга, можно потерять и свою собственную лошадь, а юный охотник знал, что тогда положение стало бы ужасным. Поэтому ничего не оставалось, как отказаться от погони и предоставить мустангу возможность убежать. Базиль несколько минут наблюдал за ним, пока тот не растаял, как белое облачко, далеко-далеко на бледно-голубом горизонте.

Теперь юный охотник задумался над возвращением к своим братьям. Но в каком направлении ему надо ехать?

Он огляделся, ища глазами холм... Вот он! Но, к изумлению Базиля, — прямо перед ним и ближе, чем тогда, когда он последний раз видел его. Все это время Базиль скакал по направлению к холму, но в спешке и не заметил его.

«Люсьен и Франсуа, должно быть, сзади, — подумал он, — и скоро приедут сюда».

Поэтому лучшее, что Базиль мог сделать, — это подождать их.

И Базиль, сев на один из холмиков, пустил свою лошадь пастись на свободе.

Глава XXIII. «ГОРОД» ЛУГОВЫХ СОБАЧЕК

Черный Ястреб отошел на некоторое расстояние в поисках травы, потому что ее было очень мало в этом месте, а та, что росла здесь, была объедена почти под корень, будто ею кормилась тысяча кроликов. Базиль не препятствовал своему коню — он знал, что Черный Ястреб слишком хорошо выдрессирован, чтобы убежать, и его можно подзвать в любую минуту, стоит лишь свистнуть. Поэтому Базиль сидел спокойно, то вглядываясь в прерию на восток, то стараясь убить время, рассматривая расположенные напротив него странные маленькие холмики.

Их были тысячи; они покрывали прерию к северу, югу и западу, насколько хватал глаз. По форме они напоминали усеченные конусы около трех футов диаметром в основании и не больше двух футов высотой. У вершины имелось вход-отверстие, в которое мог бы пролезть зверек не больше крысы. Вокруг холмиков травы не было, но склоны и вершины их были покрыты ровной зеленой травой, что создавало впечатление, будто они уже очень давно сооружены.

Вскоре стали показываться и обитатели этих своеобразных жилищ. Они были напуганы громовым топотом мустангов и спрятались при их приближении. Теперь снова воцарилась тишина, и они отважились выйти. Сначала показалась одна мордочка, потом другая и третья... и скоро уже из каждой норки выглядывала головка с парой блестящих глаз. Через некоторое время обладатели этих головок стали смелее и храбро вышли, и тогда Базиль увидел сотни этих странных существ. Сами они были красновато-коричневого цвета, а их грудки и брюшки — грязно-белого. По размеру они напоминали обыкновенных серых белок, но, в общем, были похожи одновременно на белку, на суслика, на сурка и на крысу, с каждым из которых у них было что-то общее, и все же зверьки отличались от них. Это были мелкие грызуны, известные под смешным названием «луговые собачки». Хвосты у них очень короткие и не пушистые, как у белок, и вообще все тело не столь грациозно-симметрично, как у тех.

Вскоре уже на каждом холмике виднелись два-три грызуна, так как в одном и том же домике их обычно живет несколько. Одни стояли на всех четырех лапках, а другие поднимались на задние лапки, как медвежата или обезьянки, все время помахивая хвостами и издавая тоненький лай, который звучал, как лай игрушечной собачонки. От этого они и получили название «луговые собачки», ибо больше ничем не напоминали отряд собачьих. Все эти собачки — а их существует много разновидностей — безвредные маленькие существа. Они питаются травой, семенами и корешками. Должно быть, они едят очень мало, и все естествоиспытатели даже удивляются, чем они живут. Большие поселения этих грызунов около Скалистых гор обычно расположены в бесплодной местности, где очень мало травы, и все-таки их никогда не находят дальше, чем в полумиле от норок. Как же

тысячи их существуют на том количестве травы, которая растет на таком ограниченном пастбище? Это еще не получило своего объяснения. Также неизвестно, почему луговые собачки выбирают для своих норок бесплодные участки вместо плодородных. Все эти факты ждут изучения и наблюдения со стороны ученых.

Базиль был удивлен, когда увидел, что луговые собачки не являются единственными обитателями своего «города»: тут были и совсем другие существа, которые, казалось, чувствовали себя как дома — например, белые совы величиной с голубя. Базиль никогда раньше не видел такой породы. Это были совы, живущие в норках, разительно отличающиеся от своих ночных сородичей, которые обитают в густых лесах и старых развалинах. Базиль видел, как эти маленькие совы бесшумно летают вокруг или сидят вертикально на верхушках холмиков, так что на расстоянии их можно было принять за самих грызунов.

Кроме луговых собачек и сов, тут находились и другие живые существа. Вокруг мелькали ящерицы, а между холмиками ползало отвратительное животное, тоже из породы ящериц, — жабовидная ящерица.

Это существо было ново для Базиля, и его безобразное землистое тело, весь его вид, напоминающий, с одной стороны, жабу, с другой — ящерицу, с шипами на спине, шее и голове, вызвал в нем отвращение.

Базиль видел также маленькую земляную черепаху, которая прильнула к земле и осторожно выглядывала из-под своего похожего на коробку панциря.

Но в этом «общезитии» были еще существа намного страшнее остальных: земляные гремучие змеи. Одни, свернувшись, грелись на солнце, другие скользили между холмиками, будто в поисках добычи. Базиль заметил, что эти змеи отличаются от других гремучих змей, которых он видел, по форме и расцветке, но их внешний вид и повадки производили такое же зловещее впечатление. Этот вид гремучих змей обитает только в засушливых районах.

Базиль невольно задумался над этой «коммуной» разных животных. Друзья это или последовательные звенья цепи разрушений? Конечно, они не могли быть все друзьями. Луговые собачки питаются травой, ящерицы — насекомыми и кузнечиками, которых здесь было очень много. Ими же, без сомнения, питаются и черепахи. Но что едят совы и змеи? Эти вопросы озадачили Базиля; он не мог найти им объяснения и подумал о Люсьене, который лучше него разбирался в повадках различных животных. Базиль уже давно начал подумывать о Люсьене и Франсуа, так как прошло два часа, а они не показывались. Беспокойство его все росло, но тут он вдруг увидел, что с запада движутся всадники, оказавшиеся, к его радости, теми, кого он ждал.

Спустя полчаса Люсьен и Франсуа подъехали, приветствуя брата радостными возгласами. Они, не останавливаясь, ехали с самого утра по следу Базиля. Мальчики сразу поняли, что белый конь убежал, а Базиль в нескольких словах рассказал им об охоте и о том, как она закончилась.

Было уже за полдень, а холм казался еще далеко, и наши охотники сделали небольшой привал, только чтобы проглотить кусочек мяса и отхлебнуть из фляжек, которые из-за сильной жары теперь почти опустели. Животные уже давно страдали от жажды, и поэтому мальчики без промедления сели в седла, чтобы продолжать путешествие.

— Через «город» луговых собачек? — спросил Франсуа, который вскочил в седло первым. — Поедем через него или объедем кругом?

В этом действительно было затруднение: колонии луговых собачек лежали непосредственно между ними и холмом. Чтобы ехать прямо, пришлось бы пересечь «город». Это значительно затруднило бы их передвижение, поскольку ехать можно было только медленно и зигзагами, чтобы избежать опасности споткнуться и провалиться в норки. С другой стороны, если ехать в объезд, они отклонятся на несколько миль от своего курса — может быть, на много миль, так как колонии луговых собачек обычно тянутся на большие расстояния.

— Давайте продвинемся немного к югу, — посоветовал Люсьен. — Может быть, таким

образом мы попадем на конец «города».

Юные охотники повернули лошадей на юг. Они проехали по меньшей мере мили две, держась вдоль границы «поселения», все время продолжая видеть его впереди. Оно явно тянулось еще на много миль.

— Мы не так поехали, — сказал Люсьен. — Может быть, было бы лучше повернуть на север, а теперь нам придется пересекать «город». Что вы скажете, братья?

Все согласились, так как не очень приятно кружить, когда цель путешествия уже близка.

Итак, лошадей снова повернули по направлению к холму, и маленький отряд медленно, с большой осторожностью поехал между норками грызунов.

При приближении всадников зверьки подбегали к своим холмикам, лаяли на незваных гостей, махали короткими хвостиками и затем исчезали в норках. Как только охотники удалялись ярдов на сто, зверьки снова появлялись и, как и раньше, издавали тоненькие кашляющие нотки. Таким образом, когда наши путешественники въехали в середину «города», они оказались как бы в центре лающего кольца.

Совы взлетали перед ними и садились совсем близко, затем, вдруг испугавшись, улетали подальше, иногда скрываясь совсем из виду, а иногда, как собачки, прячась в норки. Гремучие змеи прятались так же, как и ящерицы. Самое удивительное было то, что все эти существа — собачки, совы, змеи, ящерицы, — убегая, иногда скрывались в один и тот же холмик, что наши путешественники наблюдали не раз.

Естественно, что об этом зашел разговор, и Люсьен добавил несколько фактов к тем наблюдениям, которые сделал Базиль.

— Если бы у нас было время разрыть норки, — сказал Люсьен, — мы увидели бы, что они спускаются перпендикулярно на два-три фута. Дальше они идут наклонно несколько футов и кончаются маленькой «комнаткой», которая и является настоящим жилищем луговой собачки. Я говорю — «настоящим» жилищем, потому что эти конусообразные холмики — только вход. Они образовались из земли, вырытой при постройке норы. Как видите, эта земля не оставлена лежать в куче, как делают крысы и кролики. Луговые собачки тщательно складывают и прижимают землю лапками до тех пор, пока она не станет совсем твердой и гладкой, затем дают возможность на этих холмиках вырасти траве, которая не позволяет дождям размывать землю. Ясно, что животные делают все это с целью — так же, как бобры, когда строят свои дома. На холмиках собачки любят лежать, греться на солнце и резвиться. Возможно, что им удобнее с этой позиции наблюдать за врагами и, таким образом, иметь время, чтобы скрыться.

— Но некоторые холмики совсем разрушены, — заметил Франсуа. — Посмотри: вон несколько холмиков провалилось и загрязнилось от дождя. Почему это?

— А это норы, в которых живут совы, — ответил Люсьен. — Вон сова как раз скрывается в одну из таких норок — видишь? Предполагают, что совы захватывают норки у грызунов и живут там сами, но, как ты уже заметил, содержат их в плохом состоянии. Все, что им нужно, — это нора, где можно укрыться, а наружная постройка может разрушаться от дождя. Конечно, хотя мы и видели, что и совы и собачки убегают в одну и ту же нору, это происходит лишь потому, что мы наехали на них неожиданно. Они не живут таким образом: у собачек свои собственные жилища, у сов — свои, разрушенные, как вы уже заметили.

— А совы не едят собачек? — спросил Базиль. — Ведь большие лесные совы едят зверьков такого размера. Я видел, как они ловили в сумерках кроликов.

— Эти — нет, — ответил натуралист. — По крайней мере, так предполагают. У многих сов, подстреленных и вскрытых, ничего не обнаружено в желудках, кроме жуков и других насекомых, каких мы видели в прерии. Я думаю, что иногда совы едят жабовидных ящериц. Известно, что птицы этой породы питаются и пресмыкающимися.

— А как живут гремучие змеи? — спросил Франсуа. — Что служит им пищей?

— Вот это является загадкой для натуралистов, — сказал Люсьен. — Некоторые утверждают, что гремучие змеи — тираны всей «коммуны» и пожирают старых грызунов. Я

думаю, это маловероятно, так как такие змеи недостаточно велики, чтобы проглотить взрослую собачку. Однако достоверно известно, что иногда змеи пожирают детенышей луговых собачек.

— Ну что ж, — сказал Франсуа, — змеям, кажется, очень удобно. Если они едят маленьких луговых собачек, что может им помешать убивать их в любом количестве? Они могут проникнуть в норку с такой же легкостью, как и сами собачки.

— Это правда, — ответил Люсьен. — Но эти змеи не такие проворные, и возможно, что собачки могут даже убежать от них в норку. Гремучая змея очень медленно ползает. Возможно, что в такой подземной галерее она еще меньше способна поймать собачку. А у старых собачек, наверно, есть какой-нибудь способ защиты себя и своих детенышей от нападения ядовитой змеи. До сих пор очень мало известно о луговых собачках. Они обитают в отдаленных районах, и натуралистам трудно наблюдать их; а у тех из них, которые посетили такие «города», едва хватило времени, чтобы сделать торопливые наблюдения. Луговые собачки очень пугливы — они редко подпускают к себе на расстояние выстрела. Их очень нелегко поймать, разрывая норы, так как норы эти очень глубоки, а поскольку шкурки этих грызунов ценятся невысоко, а мяса они дают мало, охотники чрезвычайно редко убивают этих зверьков.

— А они съедобные? — поинтересовался Франсуа.

— Да, — ответил Люсьен. — Индейцы очень любят их мясо и едят его всякий раз, когда представляется возможность.

— Чем питаются луговые собачки зимой, когда нет травы? — спросил Франсуа.

— Тогда они лежат в спячке. В их подземных «квартирах» есть гнезда, и очень интересные. Они построены из травы и корней, круглые, как глобус, и такие прочные, что ими можно играть, как футбольным мячом. Самое гнездо расположено внутри. В него ведет маленькое отверстие, не шире твоего пальца. Когда собачка влезает туда, она заделывает гнездо со всех сторон, за исключением этого отверстия, через которое она получает необходимый воздух. В таких уютных постелях собачки спят во время холодов, и их редко можно встретить тогда на поверхности земли.

Глава XXIV. НОЧЬ В ПУСТЫНЕ

Разговаривая таким образом, юные охотники продолжали ехать вперед, держась как можно дальше от краев холмиков, чтобы копыта лошадей не провалились в разрытую землю. Они проехали уже целых пять миль, а «поселение» луговых собачек все еще простиралось перед ними. Все еще эти зверьки со всех сторон издавали свое «кху-кху», все еще совы бесшумно взлетали вверх, а гремучие змеи пересекали им путь.

Солнце уже садилось, когда юные охотники выехали из зоны холмиков на твердую бесплодную равнину. Разговор принял более мрачное направление, потому что помрачнели их мысли. Мальчики выпили уже всю свою воду. Жара и пыль распалили жажду, и вода, которая нагрелась во флягах, принесла мало облегчения. Холм все еще, казалось, был на большом расстоянии — по меньшей мере милях в десяти. Что, если и достигнув его, они не найдут воды? Недобрые предчувствия и страх одолевали мальчиков.

Базиль понял теперь, как необдуманно они поступили, не послушавшись благоразумных советов Люсьена, но было уже слишком поздно сожалеть, как это часто случается с теми, кто поступает опрометчиво.

Охотники видели, что необходимо достигнуть холма как можно скорее. Надвигалась ночь. Если ночь будет темной, они потеряют холм из виду, собьются с пути и будут блуждать до рассвета.

Подавленные страхом, мальчики старались ехать как можно быстрее и понукали животных, но те, измученные долгим путешествием и жаждой, еле передвигали ноги.

Наши путешественники отъехали от колоний луговых собачек мили три, когда, к своему ужасу, увидели вдруг, что прерия разверзается перед ними, образуя одну из тех

трещин, которые часто встречаются на высоких плато Америки. Трещина, или барранкос, была почти в тысячу футов глубиной и обрывалась отвесно в глубь земли; края ее отстояли друг от друга не очень далеко. Она преграждала путь нашим охотникам и тянулась на мили вправо и влево то по прямой, то зигзагами. Когда мальчики подъехали к ее краю, они сразу увидели, что пересечь трещину им не удастся. Она была обрывистой с обеих сторон, и в некоторых местах темные скалы нависали над пропастью. На дне трещины не было воды, которая могла бы порадовать путников, но, даже если бы вода и была, они не смогли бы достать ее. Дно было сухое, покрытое обломками скал, упавших сверху.

Это было препятствие, которого не ожидали наши путешественники, и они в отчаянии взглянули друг на друга. Несколько минут мальчики раздумывали, как поступить: поехать по краю и постараться найти переправу? Или лучше вернуться по своим следам и попробовать отыскать источник, который они покинули утром? Последний план устрашал их: они знали, что невозможно проехать по холмикам грызунов в темноте — это опасно и означает большую потерю времени. Всегда очень неприятно возвращаться назад, особенно если уже заехали так далеко. В конце концов они решили поискать переправу.

С этим намерением юные охотники снова двинулись в путь, держась вдоль края трещины. Они выбрали тропинку, которая, казалось, вела вверх, надеясь таким путем скорее достигнуть места, где трещина будет более мелкой. Мили и мили оставались позади, но трещина с ее отвесными утесами все еще чернела перед ними, и не было нигде места, где можно было бы ее пересечь. Солнце зашло, и настала ночь, темная-темная. Мальчики остановились. Они не решались ехать дальше, не решались и повернуть назад, боясь провалиться в какое-нибудь ответвление этой трещины. Они сошли с лошадей и опустили на землю в полном отчаянии.

Невозможно описать их мучения в ту ночь. Юные путешественники не сомкнули глаз ни на минуту. Муки жажды и мысль о том, что они не знают, что еще принесет им утро, не давали им спать. Они даже не привязывали лошадей, так как травы здесь не было, и сидели всю ночь, держа поводья в руках. Бедные лошади, как и сами мальчики, страдали от жажды и голода, а Жаннет время от времени издавала жалобные крики, которые было больно слышать.

Как только настал день, юные охотники сели в седла и поехали дальше по краю трещины. Они видели, что трещина извивается в разных направлениях, и, к довершению всех бед, обнаружили, что могли бы найти ту тропинку, по которой ехали сюда, лишь проделав весь пройденный путь по собственным следам. Солнце было закрыто облаками, и мальчики не знали, в каком направлении находится источник, который они оставили. Они не отыскивали бы этот источник, если бы даже у них хватило сил достигнуть его.

Юные охотники продолжали ехать вперед, обсуждая вопрос, не попробовать ли добраться до этого источника, когда вдруг увидели, что их тропинку пересекает глубокая тропа бизонов. Следы были явно свежие. Мальчики приветствовали это зрелище радостными возгласами, так как поняли, что тропа бизонов приведет их к переходу. Без колебаний мальчики въехали на эту тропу и направились по ней вниз. Как они и предполагали, тропа спускалась на дно и затем выходила на другую сторону трещины, куда они скоро и прибыли в целостности и сохранности.

Однако это еще не было концом их мучений, которые теперь стали ощущаться острее прежнего. Атмосфера была накалена, как печь, и тонкая пыль, взлетающая из-под копыт лошадей, окутывала мальчиков удушающим облаком, так что иногда они даже не могли разглядеть холм, к которому держали путь. Не было смысла делать привал. Остановиться — означало верную смерть, и они продолжали двигаться вперед. Силы покидали мальчиков, они едва держались в седлах и были даже не в состоянии говорить друг с другом. Жажда почти лишила их способности разговаривать.

Солнце склонялось к западу, когда наши путешественники, обессиленные, задыхающиеся от пыли и жары, едва держась в седлах, на лошадях, которые уже не шли, а буквально ползли, приблизились к подножию горы. Глаза их были жадно устремлены

вперед; во взглядах отражались одновременно надежда и отчаяние.

Серый скалистый утес, представший перед ними, был угрюмый и весь в трещинах. Казалось, он негостеприимно хмурился на мальчиков, когда они подъехали ближе. Неужели здесь нет воды? Но тут Жаннет, которая до сих пор тащилась сзади, выскочила галопом вперёд с громким криком. Жаннет, как мы уже говорили, была старым путешественником по прерии и могла почуять воду на таком же далеком расстоянии, на каком волк почуял бы ее тушу. Другие животные, взглянув на Жаннет, побежали за ней. В следующее мгновение маленькая кавалькада обогнула группу скал, и там радостному взору путников предстала зеленая трава и ивы, между которыми бурлили кристальные воды степного родника. Через несколько секунд и лошади и всадники уже утоляли жажду прохладной водой.

Глава XXV. ВИЛОРОГИЕ АНТИЛОПЫ

Этот холм являлся одним из своеобразных образований, встречающихся в Великой американской пустыне, — чем-то средним между горой и холмом. По своей форме он отличался и от той и от другого; он был больше похож на огромную массу земли и скал, поднятую над прерией, со всех сторон отвесную, а на вершине гладкую и плоскую. Это был один из тех холмов, которые на языке испанской Америки называются «мезас» или «столы» — из-за их плоских, похожих на стол вершин. Такие холмы, обычно глинистые, чаще всего встречаются в верховьях Миссисипи и пустынных районах к западу от Дель Норте. Иногда несколько таких холмов стоят близко друг от друга на равнинах и производят впечатление, что их вершины когда-то в древности составляли одно целое и что потом часть земли между ними была размыва дождями или унесена другим каким-либо способом, а холмы так и остались стоять. Тем, кто привык смотреть на закругленные холмы или горы с острыми пиками, эти высокие мезас кажутся совершенно необычными; они представляют интересный предмет изучения для геолога.

Вершина холма, у которого остановились наши путешественники, имела площадь в двадцать-тридцать акров, а его отвесные склоны возвышались над окружающей прерией почти на две сотни футов. Поверхность холма поросла редкими высокими соснами, а над крутыми обрывами нависали низкорослые сосенки и кедры. По краям росли агавы, юкки и кактусы. Все это придавало холму очень живописный вид.

Утолив жажду, наши путешественники не думали, уж конечно, ни о чем другом, как только о том, чтобы остаться здесь и дать отдых себе и своим животным. Мальчики видели вокруг все необходимое для привала: воду, деревья и траву.

Юные охотники начали с того, что срубили несколько сосенок, которые росли у подножия. Скоро был зажжён яркий костер. У них оставалось медвежатины еще дней на пять. Чего им было еще желать!

Путешественники обнаружили, что даже этот бесплодный район природа наделила деревьями и растениями, пригодными для поддержания жизни. Сосенки предоставили свои мучнистые шишки, агавы — съедобные корни, а по берегам ручейка рос хлебный корень. Они увидели маленькое растение с белыми, похожими на лилию цветами. Это было индейское «сего», а мальчики знали, что на его корнях находятся клубни величиной с орех, которые очень вкусны в вареном виде. Люсьен узнал все эти съедобные продукты и обещал братьям на завтра отличный обед. Сейчас они не в силах были заниматься приготовлением еды — так они устали и хотели спать. Медвежатина для голодных и жаждущих путников не требовала никакой приправы.

Итак, юные охотники тщательно смыли с себя пыль, съели свою скромную пищу и растянулись, чтобы хорошенько отдохнуть за долгую ночь.

Наши путешественники насладились полным отдыхом. Их ничто не беспокоило. Можно было предположить, что после стольких трудностей они проснутся все же утомленные, но, как ни странно, они встали со свежими силами. Люсьен объяснил это освежающим влиянием разреженной, сухой атмосферы, и он был прав, ибо, хотя мальчиков

и окружала бесплодная почва, климат этой местности является одним из самых здоровых в мире. Многие туберкулезные больные, которые пересекали прерии с лихорадочно горящими щеками и изнурительным кашлем, возвращались к своим друзьям, чтобы засвидетельствовать то, что я сейчас говорю.

Все три брата чувствовали себя как нельзя более бодрыми и сразу приступили к изготовлению завтрака. Они набрали полную шапку сосновых шишек, из семян которых Люсьен умел готовить кушанье. Семена высушили и истолкли. В сочетании с медвежатиной получился отличный охотничий завтрак. Потом мальчики стали думать об обеде и выкопали немного сего и хлебного корня. Кроме того, они нашли мальву, длинные, суживающиеся к концу корни которой напоминают пастернак как по вкусу, так и по внешнему виду. Все это они потушили с медвежатиной, и кушанье в некоторых отношениях напоминало ветчину с репой, пастернаком и бататом, так как корни сего, приготовленные таким образом, похожи на батат, или на сладкий картофель.

Конечно, наши путешественники не ели обед непосредственно после завтрака — между тем и другим был большой интервал, во время которого они мыли, чистили и чинили свои вещи, так как все пришло в полный беспорядок во время спешки последних дней. Занимаясь этим, братья время от времени поглядывали в прерию, но бизонов не было видно. Правда, юные охотники не очень настойчиво искали их, потому что решили остаться здесь на день или два, пока животные не отдохнут как следует и не будут готовы снова приняться за тяжелую работу.

Животные наслаждались отдыхом так же, как их хозяева. По берегам ручейка росло много сочной травы, а для счастья лошадей и мулов, кроме травы и воды, ничего больше и не было нужно, Жаннет, по-видимому, радовалась, что темные леса, где ее чуть не разорвали на части кугуары и дикие свиньи, остались позади.

Еще не настал вечер, а мальчики уже закончили все свои дела. Седла, уздечки и лассо были тщательно починены и развешаны на скалах. Ружья они протерли и как следует почистили затвор, ложу и ствол. Лошадей тоже вымыли у ручья, а задние ноги Жаннет опять смазали медвежьим жиром.

Итак, управившись со всеми своими делами, юные охотники сидели на трех больших камнях около источника, беседуя о своих приключениях и строя планы на будущее. Конечно, бизоны являлись основной темой — ведь это была цель экспедиции. Не забывали они и о своем любящем, добром отце и заранее радовались тому удовольствию, которое он получит, слушая повесть об их приключениях, когда они вернутся. Говорили они и о Гуго, и Франсуа смеялся, вспоминая, какие он проделывал шутки над маленьким капралом.

Развлекаясь таким образом, мальчики вдруг заметили в прерии, на некотором расстоянии, какие-то существа.

— Смотрите! — воскликнул Франсуа. — Целая цепочка волков!

Волки не являлись необычным зрелищем, и даже в тот момент несколько их сидело не дальше чем в двухстах ярдах от лагеря. Это были волки, которые следовали за отрядом на протяжении уже нескольких дней.

— Животные, которых мы там видим, — не волки! — радостно сказал Базиль. — Мне кажется, это олени.

— Нет, брат, — отозвался Люсьен, — это антилопы.

Слова Люсьена заставили Базиля и Франсуа схватиться за ружья.

Базилю особенно хотелось подстрелить антилопу, потому что он никогда еще не охотился на них. Он даже не видел никогда антилопы, так как это животное не водится около Миссисипи.

Как ни странно, любимым местом антилоп являются бесплодные пустыни, расположенные у подножия Скалистых гор, где очень мало травы и еще меньше — воды.

В некоторых таких пустынях антилопа является единственным жвачным животным значительных размеров, которое можно тут встретить. Их часто находят так далеко от воды, что некоторые натуралисты утверждают, будто антилопы могут жить без этого

необходимого элемента. Ученые забывают, что то, что для них кажется «далеко от воды», для антилопы — пять минут бега, или, вернее сказать, полета, потому что скорость и легкость, с которой передвигаются антилопы, больше напоминают полет птицы, чем галоп четвероногого существа.

Антилопы мало отличаются от оленей. У оленей нет желчного пузыря, а у антилоп есть. Другое различие у них — в рогах. Рога оленя состоят из сплошной костной ткани, отличающейся от настоящего рога, а рога антилопы больше похожи на рога козла. Натуралисты говорят, что в Северной Америке есть только один вид антилоп — вилорогие. Когда фауна Мексики будет как следует изучена, я думаю, что найдут и какой-нибудь другой вид.

Вилорогие антилопы встречаются только в бескрайних прериях Дальнего Запада. Эти антилопы очень пугливы и робки. Охотникам удастся приблизиться к ним только хитростью и уловками. Индейцы иногда охотятся на стадо антилоп способом загона или окружения. Но даже в этих случаях необычайная быстрота ног выручает антилопу, давая ей возможность убежать. Догнать антилопу стоит такого труда, что в тех местах, где есть какие-нибудь другие животные, на антилоп охотятся редко.

Легче всего настичь антилоп, когда они переходят реку, так как их тонкие ноги и маленькие копытца делают их довольно слабыми пловцами. Индейцы иногда уничтожают все стадо, пока оно пытается переплыть широкие степные потоки.

Хотя антилопа и очень робка, она в то же время любопытна и часто приближается к самому опасному врагу, лишь бы удовлетворить свой инстинкт любопытства. Нашим героям было суждено стать свидетелями замечательной иллюстрации этой особенности антилоп.

Базиль и Франсуа схватили ружья, но не двинулись с места. Они рассудили, что это было бы бессмысленно, поскольку кругом не было даже пучка травы, чтобы скрыть их от приближающихся антилоп. Поэтому мальчики сидели тихо, в надежде, что животные направляются к источнику и сами подойдут поближе. Мальчики оказались правы: стадо, в котором насчитывалось около двадцати антилоп, шло по прерии, направляясь прямо к холму. Они шли гуськом следом за своим вожаком, совсем как индейцы на военной тропе. Скоро они были уже настолько близко, что охотники могли различить каждую часть их тела — их желтые спины, белые бока и животы, короткую торчащую гриву, изящные ноги и длинные острые мордочки. Они могли даже рассмотреть маленькие черные пятнышки за щеками, испускающие неприятный запах — такой, как от обыкновенного козла, из-за чего охотники-трапперы на своем неромантичном жаргоне прозвали этих грациознейших животных «козлами».

Стадо приближалось. Мальчики спрятались за ивовыми кустами, чтобы антилопы не заметили их. Они увидели также, что с рогами был только один, самый первый, вожак; все остальные были самки или молодые антилопы. Когда животные подошли ближе, они, казалось, не обратили внимания на лошадей, которые паслись на равнине, а не на самой их дороге. Антилопы явно приняли лошадей за мустангов, которые не являются их врагами и поэтому не вызывают в них страха.

Наконец антилопы приблизились к ручью и двинулись дальше к самому источнику — может быть, для того, чтобы сделать глоток наиболее прохладной и освежающей воды из самого ключа. Юные охотники лежали, спрятавшись в ивняке, с ружьями наготове, намереваясь выстрелить, как только ничего не подозревающие антилопы подойдут на достаточно близкое расстояние.

Антилопы были уже близко — пожалуй, меньше чем в двухстах ярдах, — когда мальчики увидели, что вожак вдруг кинулся вправо, отскочив от воды. Что это могло означать?

И тут мальчики заметили на земле несколько пушистых предметов.

Предметы были странные, рыжевато-коричневого цвета, и их можно было бы принять за спящих лис. Но это не были лисы — это были койоты, степные волки, — животные похитрее самих лис. И они вовсе не спали — они только притворялись спящими.

Койоты лежали, прильнув к земле, спрятав головы в пушистые хвосты, и было бы невозможно определить, кто это, если бы мальчики не знали, что это те же самые волки, которых они наблюдали всего несколько минут назад. Их было около полудюжины, и они лежали вплотную друг к другу; на первый взгляд казалось, что это какой-то один предмет или несколько предметов, скрепленных между собой. Волки лежали неподвижно. Они-то и привлекли внимание вожака антилоп и заставили его изменить направление.

Желая увидеть развязку, наши охотники продолжали лежать тихо в своей засаде.

Все антилопы последовали за своим вожаком и шли теперь в новом направлении, цепочкой, как солдаты. Они шли медленно, вытянув шеи, пристально вглядываясь в странные предметы, находящиеся перед ними. Подойдя к волкам ярдов на сто, вожак остановился и стал принюхиваться. Другие антилопы подражали каждому его движению, но ветер дул в сторону волков, поэтому антилопы, которые хотя и обладают очень острым обонянием, ничего не могли почуять. Они продвинулись вперед еще на несколько шагов, снова остановились, зафыркали и опять пошли вперед. Так продолжалось несколько минут, и было ясно, что в душе этих существ происходит борьба между страхом и любопытством. Иногда, казалось, страх брал верх, антилопы дрожали и настораживались, будто готовые пуститься наутек. Затем снова побеждало любопытство, и результатом было новое продвижение вперед.

Так антилопы подходили ближе и ближе, пока вожак не оказался в нескольких шагах от волков, которые все это время лежали не шелохнувшись, как мыши, или, вернее, как кошки, подстерегающие мышей. Волки лежали абсолютно неподвижно, только длинные волоски хвостов слегка шевелились от ветра. Но это только еще больше возбуждало любопытство антилоп.

Вожак, казалось, вдруг осмелел. Это был толстый, старый самец — чего было ему бояться? Почему он должен опасаться существ, у которых нет ни голов, ни зубов, ни когтей и которые явно даже не способны двигаться? Несомненно, это неодушевленные предметы.

Скоро он разрешит эту задачу — он просто выступит вперед и дотронется носом до одного из них.

Вожак решительно пошел вперед и коснулся острым носом шерсти одного из волков.

Волк, который все время подглядывал исподтишка в ожидании именно этого момента, мгновенно вскочил на ноги и схватил антилопу за горло. Остальные койоты последовали его примеру. Через минуту вилорог был повален на землю, и вся стая волков накинулась на него.

Испуганное стадо повернуло и рассыпалось по прерии. Некоторые побежали в сторону охотников, но так быстро пролетели мимо, что поспешные выстрелы мальчиков не попали в цель. Ни одна из антилоп, казалось, не была ранена, и через несколько секунд никого из них уже не было видно. Все спаслись, кроме вожака, который умирал под клыками волков.

— Ну ничего, он-то, по крайней мере, достанется нам, — сказал Базиль. — Заряжайте ружья, братья, — пусть волки убьют его, мы потом легко отгоним их прочь.

— Очень любезно с их стороны, — добавил Франсуа, — обеспечить нас свежей олениной на ужин. Нам не получить бы ее, если бы не их хитрость. Мы оказали волкам услугу, угостив их медвежатиной, и им как раз пора отплатить нам тем же.

— Тогда нам лучше поторопиться, — сказал Люсьен, перезаряжая ружье. — Волки очень деятельно принялись за дело — они могут растерзать в клочки нашу оленину. Посмотрите, какая драка!

Койоты прыгали вокруг тела вилорога, то накидываясь на него всей массой, то рассыпаясь в стороны. Они явно стремились растерзать животное. Пасти их были запачканы кровью, пушистые хвосты непрерывно двигались.

Охотники спешили перезарядить ружья, иначе, как предсказал Люсьен, волки испортили бы все мясо. На то, чтобы зарядить ружья, у мальчиков ушло не больше минуты. Все трое побежали вперед. Маренго, вытянув шею и открыв пасть, несся вперед, стремясь сразиться со всей стаей волков.

До того места, где находились волки, было не больше трехсот ярдов, и, когда наши

охотники подбежали ближе, они остановились, вскинули ружья и выстрелили. Залп произвел должный эффект: два койота подскочили и покатались по траве, а остальные, бросив добычу, рассеялись по прерии.

Маренго кинулся на одного раненого волка, а другого мальчики добились прикладами. Но где же антилопа? Вместо нее лежало с полдюжины кусков растерзанной шкуры, голова с рогами, задние ноги и несколько полуобглоданных ребер и других костей. Это все, что осталось от красивого животного, которое всего несколько минут назад шествовало по прерии, гордое сознанием своей силы, здоровья и красоты.

Юные охотники рассматривали его останки с разочарованием и грустью, ибо, хотя у них было еще много медвежатины, они уже предвкушали удовольствие поужинать свежей олениной. Но не осталось ни задней ножки, ни «седла» — ничего, кроме изорванных, непригодных клочков; поэтому, после резких высказываний по адресу волков, мальчики предоставили это все Маренго и, медленно вернувшись к себе в лагерь, снова уселись на камни.

Глава XXVI. ПРИМАНИВАНИЕ АНТИЛОПЫ

Мальчики просидели так не больше пяти минут, как вдруг их внимание было снова привлечено прерией. Другое стадо антилоп! Странно, но это так. Как и первое, оно направлялось прямо к источнику. Охотники знали, что это не те же самые антилопы, ибо это стадо было намного больше и в нем было несколько самцов, которых легко можно было распознать по слегка разветвленным рогам.

Мальчики снова зарядили ружья и подозвали к себе Маренго, чтобы тот не спугнул антилоп.

Эти антилопы, как и первые, выступали в полном порядке, гуськом, и их вел самец. В стаде было около тридцати животных. Они, очевидно, весь день паслись на каком-нибудь отдаленном пастбище, а теперь шли к воде, намереваясь хорошенько напиться, прежде чем улечься спать.

Подойдя к источнику на четыреста-пятьсот ярдов, антилопы свернули слегка влево. Это привело их сразу к ручью, в который они вошли; напившись, они вышли на берег и опять стали щипать траву. Было ясно, что антилопы не собираются подходить ближе к холму или к ивам, где сидели в засаде наши охотники. Это было разочарованием. Братья еще раз настроились на то, чтобы получить на ужин антилопу, а теперь шансов на это становилось все меньше и меньше, так как животные, вместо того чтобы подойти поближе, паслись в прерии, в стороне от них. Не за что было и спрятаться, чтобы приблизиться к вилорогам. Что же оставалось делать охотникам, как не примириться с обстоятельствами?

Но тут Базилю пришла на ум одна хитрость. Он слышал об этом от старых охотников, и поведение первого стада в отношении волков напомнило ему о ней. Базиль решил воспользоваться этой хитростью, чтобы добыть антилопу.

Предупредив братьев, чтобы они не шумели, он взял одно из красных одеял, лежащих неподалеку, потом срезал длинную, раздвоенную на конце ветку и заострил ее с другого конца ножом. Растянув перед собой одеяло и держа ружье в одной руке и ветку — в другой, Базиль вышел из кустов ивняка на открытое пространство: одеяло, таким образом, полностью скрывало юного охотника. Он прошел так, согнувшись, несколько шагов, пока не привлек внимания антилоп. Тогда Базиль глубоко воткнул ветку в землю, повесил на развилку одеяло и встал на колени, прячась за ним.

Необычный по форме и цвету предмет — красное одеяло — сразу возбудил любопытство стада. Антилопы перестали пастись и начали приближаться, то и дело останавливаясь. Они шли не гуськом, как первое стадо. То один самец, то другой становился во главе: казалось, каждый из них стремился показать свою храбрость.

Через несколько минут один из самых больших самцов подошел на расстояние выстрела. Тогда Базиль прицелился ему в грудь и выстрелил. Самец подскочил на месте, но,

к великому разочарованию стрелка, повернулся и ускакал со всем стадом, которое пустилось бежать, едва услышав выстрел.

Базиль отметил это с некоторым удивлением. Он очень тщательно целился и знал, что в таких случаях редко давал промах. Но на этот раз он, очевидно, промахнулся, так как видел, что антилопа убегает явно невредимая. Отнеся свою неудачу за счет спешки, в которой он заряжал ружье, Базиль поднял его и с огорченным видом повернулся к братьям.

— Посмотри туда! — закричал Франсуа, который все еще наблюдал за убегающими антилопами. — Посмотри на волков! Они бегут за стадом!

— Ну да! — воскликнул Люсьен. — Ты ранил его, иначе волки никогда бы не погнались за ним. Смотри, они бегут по его следу, как гончие!

Люсьен оказался прав: животное было ранено; в противном случае, волки никогда не пошли бы на такое безнадежное преследование. Как это ни странно, хитрые койоты могут определить, ранено ли животное, лучше, чем сами охотники, и очень часто преследуют и догоняют его, когда охотники думают, что животное убежало. Поэтому было ясно, что Базиль ранил антилопу, хотя и не смертельно, и волки теперь гнались за ней в надежде поймать.

Базиллю пришла в голову новая мысль. Он подумал, что может еще подоспеть к тому времени, когда антилопа станет умирать; он подбежал к лошади, вытащил колышек, к которому она была привязана, и, вскочив на неоседланного коня, бросился в погоню. Скоро Базиль скакал уже во весь опор по прерии, не теряя из виду волков. Он видел антилопу, в которую стрелял, на некотором расстоянии впереди волков, но намного позади остального стада. Она бежала явно с трудом, преодолевая боль.

Юный охотник проскакал к этому времени пять миль, но вдруг, когда до волков оставалось всего полмили, увидел, что они поравнялись с раненой антилопой и повалили ее на землю. Базиль торопился изо всех сил, пустив своего Черного Ястреба самым быстрым галопом. Через несколько минут он подскочил к волкам и разогнал их. Но он опять опоздал: тело антилопы было разодрано в куски и наполовину съедено. В награду за долгую скачку Базиллю достались только полуобгрызенные кости и клочья шкуры.

Разочарованный, охотник повернул лошадь и медленно поехал обратно, всю дорогу ругая про себя волков.

Когда Базиль вернулся, Франсуа присоединился к его проклятьям, так как ему надоела медвежатина и он был зол, что уже во второй раз их провели и опять не удалось получить на ужин что-нибудь свежее.

Люсьен, однако, уверил их обоих, что, как он слышал, мясо антилопы, в конце концов, не так уж вкусно. Это до некоторой степени успокоило мальчиков, и они приготовили тушеную медвежатину с «пастернаком» — сосновыми семенами. Люсьен сделал это по индейскому способу, и у них получился такой ужин, от которого никто бы не отказался.

Поев, юные охотники подвели своих лошадей ближе к лагерю, чтобы иметь их под рукой в случае необходимости, и, завернувшись в одеяла, легли, чтобы выспаться и отдохнуть.

Глава XXVII. ОХОТА НА СИММАРОНОВ

Но в эту ночь им не удалось поспать спокойно. Дважды или трижды лошади рвались с привязи, напуганные каким-то зверем, бродившим вокруг. Это могли быть волки, но собака Маренго, не обращавшая внимания на волков, выказывала признаки страха, по временам яростно ворчала и все время держалась поближе к лагерю. Жаннет тоже подошла поближе к огню, насколько ей позволяла веревка, и путешественники видели, что она дрожит, будто от страха перед каким-то хорошо известным врагом. Несколько раз среди завывания волков братья различали странный звук, совершенно не похожий на волчий голоса. Он скорее напоминал протяжное рычание, издаваемое низким, ворчливым тоном; при этом звуке Жаннет каждый раз вздрагивала, а Маренго жался поближе к своим хозяевам. Может быть,

это голос кугуара? Или, что еще страшнее, рычание гризли? Это было вполне возможно. Юные охотники теперь находились в районе, где встречаются эти свирепые животные, и как раз в таком месте, которое мог бы избрать себе для жительства один из медведей гризли.

Если бы юные охотники были уверены, что гризли действительно находятся поблизости, они сразу лишились бы сна. Однако это было лишь предположение. Тем не менее мальчики решили не спать все одновременно, а по очереди дежурить. Они подложили в костер нового хвороста, чтобы пламя дало им возможность далеко видеть вокруг, а затем двое из них легли спать, в то время как третий уселся сторожить с ружьем в руках, готовый к любому внезапному нападению. Каждый из мальчиков сторожил по два часа, пока не наступил рассвет, который положил конец их страхам, так как никакой зверь так и не появился.

Теперь наши охотники начали энергично действовать: отпустили лошадей пастись на траве, умылись в кристальной воде источника и приготовили завтрак. Мальчики обнаружили, что их запаса вяленой медвежатины хватит им не больше чем на два дня, так как во время последней стоянки порядочная порция мяса была унесена волками. Они забеспокоились насчет своего пропитания в будущем, так как в этой местности, по-видимому, не было никакой другой дичи, кроме антилоп, а они уже знали теперь по опыту, как мало шансов добыть этих животных. Стало быть, если они не встретят бизонов, им угрожает голодная смерть.

Эта мысль не покидала мальчиков, пока они приготавливали и ели завтрак, и они решили уменьшить свой рацион вполовину и строго экономить то небольшое, что осталось.

После завтрака наши путешественники стали совещаться о том, куда ехать дальше. Ехать ли им на север, на юг, на восток или на запад от холма? Мнения их разделились, однако в конце концов все они сошлись на том, что, прежде чем принять то или иное решение, они взберутся на холм и, оглядев местность с его вершины, решат, куда лучше направиться. А может быть, они увидят оттуда бизонов: с этой возвышенности, несомненно, открывается вид на прерию во все стороны.

Вскинув ружья на плечи и оставив одеяла и все остальные пожитки у источника, юные охотники отправились пешком искать подъема на холм. Они стали обходить его с западной стороны, так как их лагерь находился у северо-восточного склона. Продвигаясь таким образом, мальчики стали опасаться, что им так и не удастся взобраться на холм. Казалось, со всех сторон склоны его поднимаются перпендикулярно. У подножия то тут, то там лежали осколки скал, должно быть, упавшие сверху. По склонам росли деревья, пустившие корни между пластами породы. По краям вершины высились сосны, простирая свои ветви над равниной; алоэ, юкки и кактусы придавали холму еще более живописный вид.

Когда наши путешественники достигли самой западной точки холма, их взорам представилась новая картина. Далеко на западе они увидели гряду утесов, или низких гор, которая тянулась с севера на юг насколько хватал глаз. Эта гряда утесов, похожих на их холм, являлась восточным склоном знаменитой Льяно Эстакадо, или «Столбовой равнины». Мальчики часто слышали, как охотники рассказывали об этом плато, и с первого взгляда узнали его. Холм, вокруг которого они путешествовали, был не чем иным, как несколько отдаленной от него частью этого замечательного образования прерии.

Полюбовавшись на утесы, наши юные охотники пошли дальше, огибая холм с южной стороны. Но и здесь скалы поднимались перпендикулярно, и не было ни одного склона, по которому можно было взобраться. Скалы казались даже выше с этой стороны, и в некоторых местах нависали темными выступами оползни, на которых росли, вытянувшись почти горизонтально, высокие деревья.

В одном месте мальчики остановились и стали глядеть вверх, как вдруг у края вершины над ними появилось несколько странных существ. Это были животные, но юные охотники никогда прежде не видели таких. Каждый из них был величиной с обычного оленя и почти такого же цвета — рыжеватый на спине и боках, а грудь, ляжки и вся нижняя часть туловища были белые. Строением тела эти животные походили на оленя, но были несколько толще.

Формой головы и «выражением лица» они больше всего напоминали овец. Но самым замечательным были рога, и по ним наши охотники с первого взгляда определили, что это за животное. Это были симмароны, или дикие овцы Скалистых гор. По форме рогов они сильно отличались друг от друга, и на первый взгляд казалось, что тут две разные породы животных. У некоторых были короткие рога, не больше шести дюймов, поднимающиеся со лба и слегка загибающиеся назад. Между концами рогов расстояние было небольшое. Это были самки. Самцы же выглядели совсем по-другому благодаря огромным рогам. Их рога росли прямо над глазами, сначала загибаясь назад, а затем снова вперед, да так сильно, что их концы почти касались с обеих сторон челюстей животных. Рога некоторых из них были больше ярда длиной и полуярда в окружности у основания и имели глубокие кольцеобразные зарубки, как у обыкновенного барана. Эти огромные рога придавали животным какой-то особенный и внушительный вид, когда они стояли на краю пропасти, вырисовываясь на фоне синего неба. Всего их было около дюжины, самцов и самок, но самцов было лучше видно, так как они находились ближе к краю утеса и, глядя вниз, принохивались.

Как только наши юные охотники пришли в себя от удивления, все трое вскинули ружья, готовясь выстрелить. Но симмароны, казалось, разгадали их намерение, ибо, едва на них направили ружья, они повернули и исчезли в мгновение ока.

Более четверти часа мальчики стояли, надеясь, что животные еще раз появятся над пропастью, однако те не возвращались: они удовлетворили свое любопытство и, будучи умнее антилоп, не хотели, чтобы оно вовлекло их в опасность. Поэтому наши охотники были вынуждены в конце концов уйти и продолжать поиски тропинки, которая привела бы их наверх.

Теперь они еще больше стремились достигнуть вершины холма. На нем было стадо диких баранов, и мальчики надеялись пополнить ими свой запас продовольствия. Продвигаясь, охотники тщательно приглядывались к каждой ложбине, к каждой расселине, которая могла бы привести их на вершину утеса, но на всем южном склоне нельзя было найти ни одной подходящей тропинки.

— Должен же быть какой-нибудь путь наверх! — сказал Франсуа. — Иначе как же могли попасть туда овцы?

— Может быть, они выросли там и никогда не спускались на равнину, — ответил Базиль.

— Нет, этого не может быть, — сказал Люсьен. — Я думаю, что на плато вверху нет воды, а этим животным вода нужна так же, как всяким другим. Они должны время от времени спускаться к водоемам, чтобы напиться.

— Значит, здесь есть тропинка, — сказал Франсуа.

— Без сомнения, для них она есть, — ответил Люсьен, — но мы, возможно, и не будем в состоянии подняться по ней. Хотя у симмаронов копыта, как у овец, они могут карабкаться, как кошки, и прыгать, как белки. Поэтому они легко убегают от волков, кугуаров и других животных, которые охотно поживились бы ими.

— Я слышал, — сказал Базиль, — что они могут кинуться вниз на сто футов и больше, прямо на рога, и ни капельки не ушибиться. Это правда, Люс?

— Да, так говорят и индейцы и трапперы, и опытные путешественники верят им. Правда это или нет, натуралисты еще не выяснили. Известно, что дикие овцы могут спрыгнуть вниз с большой высоты на чрезвычайно узкий выступ над пропастью и не поскользнуться, что они в состоянии перепрыгивать через страшные ущелья и скакать по таким уступам, где не рискнет пройти собака или волк. Они даже как будто наслаждаются этим, точно им доставляет удовольствие играть с опасностью, подобно мальчикам, которые охотно идут на риск, лишь бы показать окружающим свою ловкость.

— Это те же самые животные, которых охотники называют «большерогами»? — спросил Франсуа.

— Те же самые, — ответил Люсьен. — Имя «симмарон» им дали испанцы, первые

исследователи этих районов. Натуралисты назвали их «аргали» — по их сходству с азиатскими дикими овцами. Однако это не тот же самый вид.

В это время восклицание Базиля, который шел на несколько шагов впереди, привлекло внимание братьев и положило конец разговору. Мальчики уже подошли к восточной стороне холма, которая в этом месте отличалась от других склонов. Глубокое ущелье прорезало здесь утес, и по нему вилась наверх тропинка. Это ущелье было заполнено большими обломками скал, вокруг которых росли кактусы и акации. Казалось, по этому склону легко подняться пешком. На дне лежало много камней, и из-под них выбивался ключ, еще более обильный, чем тот, у которого расположились лагерем наши охотники. Он тек на юго-восток, окаймленный с обеих сторон травой и ивами.

Когда мальчики подошли к месту, где ручей расширялся, их внимание привлекли какие-то следы на влажной земле. Следы были продолговатые и крупнее, чем след человека. Глубокие ямки от пяти больших пальцев с когтями на концах ясно показывали, кому они принадлежат. Это были следы медведя гризли, отпечатки больших лап стопоходящего животного, с углублениями от пальцев. В тех местах, где загнутые когти вошли в грязь на несколько дюймов, образовались ямки. Никакое другое животное не могло оставить такие следы, даже черный или бурый медведь, когти которых короче по сравнению с когтями чудовища гор — гризли.

Несколько мгновений наши охотники колебались, встревоженные, но, так как животное, оставившее эти следы, не показывалось, их страхи немного улеглись, и они начали раздумывать, стоит ли идти по ущелью и постараться достигнуть вершины? Таков был первоначальный план, и они отправились бы, не колеблясь, вверх, если бы не обнаружили следы медведя. Однако теперь дело принимало другой оборот. Если здесь водились гризли — а это казалось бесспорным, — то именно в ущелье встреча с ними была наиболее вероятной. Густые заросли, значительное количество трещин, видневшихся по обеим сторонам, — все это любят гризли. Их логово могло быть в этом самом ущелье, и наткнуться на него по дороге было бы весьма опасно. Но наши юные охотники были преисполнены отваги. Им очень хотелось подняться на холм, отчасти из любопытства, отчасти — чтобы подстрелить большерога, и это желание взяло верх над благоразумием. Они твердо решили довести до конца начатое дело и стали подниматься. Базиль шел впереди.

Карабкаться было очень трудно. Мальчикам то и дело приходилось хвататься за ветки и корни. Но вот они увидели, что под ногами у них тропинка. Несомненно, ее протоптали большероги или какие-нибудь другие животные, проходя по ней вверх и вниз, хотя ее можно было заметить только потому, что здесь скалы слегка меняли свой цвет, а в некоторых местах земля была лучше утоптана, как бы копытами или ногами.

На полдороге наверх с одной стороны ущелья, возле тропинки, мальчики заметили трещину, похожую на вход в пещеру. Землистый цвет скал, отсутствие растительности и то, что земля в этом месте была притоптана, наводило на мысль, что какой-то зверь устроил себе здесь логовище.

Юные охотники прошли это место молча, карабкаясь как можно быстрее и со страхом оглядываясь. Через несколько минут мальчики достигли верхнего края холма. Они подтянулись на руках и выглянули. Перед ними открылся вид на всю вершину, ровную, как доска.

Вершина была, как они и предполагали, совершенно плоская, площадью в двадцать-тридцать акров; на ней росли редкие сосны, иногда попадались кусты акации. Между деревьями было много растительности, и большие метелки высокой травы, вперемешку с кактусами и алоэ, создавали своеобразный покров. Однако такая растительность имела лишь в двух-трех местах, а в большей своей части поверхность холма была открытой.

Едва охотники поднялись над краем утеса, как увидели стадо большерогов. Животные находились у западного конца плато и, к удивлению мальчиков, прыгали по земле, как безумные. Они еще не заметили охотников, которые, выбравшись наверх, осторожно

отползли за кусты. Животные скакали в разных направлениях, высоко взлетая в воздух.

Скоро мальчики заметили, что этим были заняты только те, у которых были большие рога, а остальные спокойно паслись рядом. Охотникам стало ясно, почему прыгают самцы: тут шло сражение, и сердитое фырканье и громкий стук рогов говорили о том, что противники сражаются всерьез. Самцы то пятились друг от друга, как обычно делают бараны, то кидались вперед и стучались головами с таким звуком, что, казалось, разлетаются черепа. Иногда это был поединок, а иногда сходились трое или четверо, будто не имело значения, кто является противником. Можно было подумать, что все они в равной степени враги друг друга. Как это ни странно, самки, по-видимому, совсем не беспокоились. Большинство из них невозмутимо щипали траву, а если они и поглядывали на своих сражающихся повелителей, то с безразличным, равнодушным видом, будто их совершенно не интересовал исход борьбы.

Наши охотники были уверены, что поймали в ловушку все стадо. Им нужно было только сторожить тропинку, по которой они сами поднялись, и затем можно было спокойно охотиться на большерогов. Поэтому мальчики договорились, что Люсьен с Маренго останутся на месте, а Базиль и Франсуа подкрадутся и выстрелят. Мальчики не стали терять времени. Они видели, что битва полностью завладела вниманием животных, и, пользуясь этим, Базиль и Франсуа поползли по земле, прячась насколько возможно, чтобы подобраться на расстояние выстрела. Они достигли этого одновременно, скрываясь за небольшой группой акаций, и по сигналу Базиля приподнялись, чтобы прицелиться. Тут они увидели, что один из баранов, который пятился, чтобы разбежаться, вдруг исчез за краем утеса. Юные охотники решили, что он упал, поскольку последним, что они видели, были его ноги. Но у них не было времени раздумывать над этим обстоятельством, так как оба они в этот момент спустили курки. Два симмарона упали, остальные кинулись прочь, к краю плато, и остановились.

Базиль и Франсуа вскочили и крикнули Люсьену, чтобы он был настороже. Но, к огромному их удивлению, симмароны, как будто еще более испуганные их криками, обнаружив, что отступление отрезано, прыгнули в пропасть и исчезли из виду.

«Они, должно быть, разбились насмерть», — подумали Базиль и Франсуа. Подозвав Люсьена, все трое побежали к тому месту, откуда прыгнули животные, и посмотрели вниз. Внизу мальчики увидели равнину — и никаких большерогов. Что с ними стало?

— Вон там! — закричал Франсуа. — Вон они бегут!

И он указал далеко в прерию, где по направлению к утесам Льяно Эстакадо летели, как ветер, какие-то рыжеватые существа.

Люсьен обратил внимание братьев на несколько узеньких выступов на скале — ими-то животные и воспользовались при спуске и таким образом очутились внизу.

Как только симмароны исчезли из виду, охотники повернулись к тем двум, которых они подстрелили. Самец и самка лежали, вытянувшись на траве, мертвые.

Мальчики уже хотели начать свежевать их, когда Базиль и Франсуа вспомнили про первого симмарона: им было интересно узнать, действительно ли большерог свалился в пропасть случайно или прыгнул туда намеренно. Они подошли к самому краю, заглянули вниз и увидели, что росшее на откосе прямо под ними дерево сильно сотрясается, а в его ветвях — большое рыжее тело. Это был симмарон. Юные охотники с удивлением обнаружили, что он висит, зацепившись огромным рогом за ветку дерева. Все тело большерога висело в воздухе: он брыкался и извивался. Было ясно, что животное свалилось с утеса нечаянно и запуталось в ветвях сосны. Жалко было глядеть на бесплодные попытки бедного существа освободиться, но не было никакой возможности снять его с дерева, так как симмарон был вне пределов досягаемости. И Базиль, чтобы положить конец мучениям большерога, зарядил ружье и выстрелил ему в сердце.

Выстрел не изменил положения симмарона, поскольку его рог все еще был обвит вокруг ветки, но животное перестало биться. Ему суждено было оставаться там до тех пор, пока его не увидит издалека какая-нибудь хищная птица и не прилетит сюда, чтобы очистить

от мяса этот раскачивающийся труп.

Глава XXVIII. ОСАЖДЕННЫЕ МЕДВЕДЯМИ

Юные охотники отложили ружья, вытащили ножи и освежевали симмаронов с ловкостью заправских мясников. Затем они разрезали мясо так, чтобы было удобнее отнести его в лагерь. Шкуры им были не нужны, поэтому они так и оставили их лежать на земле.

Как только туши были разделаны, каждый мальчик взвалил на плечо по куску, и они понесли все это к ущелью, намереваясь потом вернуться и забрать остальное. Достигнув места, где тропинка поднималась на плато, они увидели, что им будет трудно спускаться с такой ношей, так как гораздо легче взбираться на скалу, чем спускаться с нее. Тут возник другой план: бросить куски мяса под гору, перед собой, чтобы те скатились вниз сами. Это было нетрудно сделать. Мясу это не повредит, так как они хотели его впоследствии разрезать, чтобы высушить, а грязь и песок потом можно будет легко отмыть в ручье.

Этот план был принят сразу, и, приподнимая кусок за куском, мальчики сбросили мясо вниз с утеса. Увидев, что оно лежит уже на дне между камнями, они вернулись к тушам, взяли новую порцию и опять направились к ущелью.

Когда наши охотники подошли ближе к краю, чтобы сбросить куски, их глазам представилось такое зрелище, которое заставило всех троих тут же выронить свою ношу.

Внизу, на дне ущелья, расхаживало между кусками мяса ужасное, громадное и безобразное животное. Его огромный рост, длинная, косматая шерсть серовато-коричневого цвета, а самое главное — свирепый вид, не оставляли у наших охотников сомнения в том, что это за животное. Страшное чудовище гор ни с кем нельзя было спутать — это был медведь гризли!

Он был почти вдвое больше обыкновенного медведя и в других отношениях также отличался от него. Уши его стояли прямее, чем у простого медведя, темно-желтые глаза сверкали еще больше и свирепее, голова и морда были шире; длинные изогнутые когти, выступающие из косматой шерсти лап, были ясно видны даже с вершины утеса. Медведь только разорвал когтями один из кусков и жадно пожирал его. Он был так занят, что не заметил мальчиков.

Все трое, как я уже сказал, выронили на землю свой груз и, взглянув вниз, кинулись опрометью за ружьями, схватили их и тщательно осмотрели. Ружья были уже заряжены.

Юные охотники осторожно подкрались к ущелью и снова заглянули вниз. К своему ужасу, они увидели, что там уже не один медведь, а целых три. Один, поменьше других, отличался от них и по цвету. Он был совсем черный, и его можно было бы принять за взрослого медведя черной породы, однако это был просто большой медвежонок, а двое других — его родители.

Все три медведя раздирали свежее мясо, явно очень довольные, и не задумывались над тем, откуда им привалило такое неожиданное счастье. Время от времени они громко рычали, как бы выражая удовольствие, а иногда, когда медвежонок мешал есть старому медведю, тот ворчал на него. Медведица, наоборот, раздирая на части мясо, клала самые лучшие куски перед своим черным детенышем и легкими ударами лапы как бы увещевала его, чтобы тот ел. Иногда медведи ели, стоя прямо, держа мясо передними лапами; иногда клали кусок на скалу и поедали его со всеми удобствами. Пасты и когти медведей покраснели от крови, остававшейся в разделанном наспех мясе, и это придавало всему трио еще более свирепый вид.

Наши путешественники глядели вниз на эту сцену с чувством крайнего ужаса, смешанного с интересом. Они слышали такие рассказы о медведях гризли, которые наполнили бы страхом и самое отважное сердце. Мальчики знали, что ни один охотник, если он пеший, никогда не решится напасть на гризли. Даже верхом и хорошо вооруженный, охотник отважится сделать это только в открытой местности, где он может спастись благодаря быстроте своего коня. Мальчики знали также, что медведь гризли, даже раненный

несколькими пулями, частенько преследует охотников в прерии, ибо и двадцати пуль мало, чтобы свалить гризли.

Все эти факты мгновенно пришли на память нашим юным охотникам, и неудивительно, что они трепетали от страха.

Положение их было незавидное. Медведи занимали ущелье, и никакой другой тропинки, по которой мальчики могли бы спуститься к лошадям, не было. Во время своих утренних поисков они обошли вокруг почти всего холма и видели, что он был отвесный со всех сторон. Как им добраться до своего лагеря? Был только один путь — вниз по ущелью, но, стоит им попытаться пройти по нему, медведи обязательно нападут на них.

Мальчики, испуганно глядя друг на друга, переговаривались шепотом. Все трое хорошо понимали опасность положения. Уйдут ли медведи из ущелья, после того как насытятся? Нет. Пещера, которую заметили юные охотники, несомненно, служит логовом этим медведям. Даже если гризли войдут в нее, какая гарантия, что они не выпрыгнут оттуда, когда мальчики будут спускаться вниз? И тогда звери легко настигнут их среди камней и кустов. Если мальчики попытаются спуститься, кто-нибудь из них погибнет, а может быть, и все. Не выйдут ли медведи на равнину? Может быть, они отправятся к источнику, чтобы напиться, или еще за чем-нибудь? Но даже если гризли отойдут, они увидят, как мальчики будут спускаться, и могут легко нагнать их, прежде чем те достигнут лагеря или своих лошадей. Лошади пасутся на свободе и находятся сейчас далеко в прерии. В этих мыслях было мало утешительного, а еще меньше — в предположении, что свирепые звери не удовлетворятся съеденным и им придет в голову вскарабкаться на вершину и поискать, нет ли там еще мяса. Последнее было страшнее всего, так как мальчики знали, что на всем плато нет такого места, где можно было бы спрятаться надолго, а спуститься вниз, если медведи обнаружат их и будут преследовать, совершенно невозможно.

Одолеваемые этими страшными мыслями, мальчики стояли на коленях, пригнувшись и осторожно выглядывая из-за листьев алоэ, время от времени шепотом сообщали друг другу разные планы спасения, приходившие им в голову. Но все планы были основаны на слабой надежде, что медведи на некоторое время уйдут из ущелья и дадут братьям возможность спуститься. Никакого другого способа спастись мальчики придумать не могли.

Иногда Базиллю приходило в голову хорошенько прицелиться и выстрелить в одного из этих огромных животных. Франсуа горячо приветствовал эту идею, а Люсьен решительно возражал. Он говорил, что это лишь разозлит медведей и сразу приведет их наверх, что одной пулей невозможно убить гризли, если только она не попадет ему в сердце или в мозг, а целясь из-за утеса, было очень мало надежды попасть с такой точностью. Даже если удастся убить одного, другие медведи будут мстить за смерть своего товарища. А одним залпом вряд ли можно будет убить их всех.

Доводы Люсьена восторжествовали, и менее благоразумные братья, оставив мысль о том, чтобы стрелять, продолжали молча сидеть на прежнем месте, глядя вниз.

Почти полчаса мальчики не двигались с места, наблюдая и выжидая. Медведи закончили трапезу, сожрав абсолютно все. Насытились ли они? Нет. Бараний окорок был каплей в море для прожорливых гризли и, казалось, лишь раздражил их. Звери догадались, откуда пришел их завтрак: сверху, и надо было пойти туда и поискать, нет ли чего на обед. Они подняли морды и посмотрели наверх. Мальчики быстро спрятали головы в листве. Поздно! Медведи увидели их и через минуту уже мчались галопом наверх.

Первой мыслью наших охотников было бежать, и они все вскочили на ноги, но Базиль, вдруг рассердившись, решил попробовать задержать врагов выстрелом. Он навел ружье на ущелье, по которому бежали медведи, и выстрелил. Братья последовали его примеру. Франсуа выстрелил сразу из обоих стволов, которые были заряжены крупной дробью. Один из медведей — это был медвежонок — покатился вниз по ущелью, но, после того как раздался залп, мальчики увидели, что самый большой медведь карабкается наверх, яростно рыча. Охотники, у которых не было времени перезарядить ружья, бросились бежать по плато, не зная даже, куда бежать.

Добежав до середины плато, все трое остановились и посмотрели назад. Первый медведь как раз поднимался на утес и в следующее мгновение кинулся за мальчиками. Они надеялись, что куски мяса привлекут внимание медведя и задержат его, но этого не случилось. Мясо лежало в стороне от тропинки; кроме того, зверь был в ярости. Его ранило выстрелом, и он желал отомстить.

Это был ужасный момент. Разъяренное чудовище находилось в трехстах ярдах от наших охотников. Через несколько секунд оно кинется на них, и кто-нибудь из братьев сделается его жертвой...

Но в критические минуты смелые умы находят выход из положения. Таков был Базиль. В других случаях он бывал опрометчив и часто неблагоприятен, но в минуты величайшей опасности становился спокойным и рассудительным даже больше, чем его склонный к философии брат Люсьен. Мысль, которая до сих пор почему-то не приходила в голову никому из них, сейчас, в минуту опасности, вдруг осенила его. Базиль вспомнил, что медведь гризли не умеет лазить на деревья, и, крикнув: «К деревьям! К деревьям!» — в то же мгновение обхватил одну из сосен и стал карабкаться вверх со всем проворством, на какое только был способен.

Люсьен и Франсуа последовали его примеру; каждый влез на ближайшее от него дерево, так как медведь был меньше чем в двадцати шагах от них и не было времени выбирать. Однако, прежде чем медведь приблизился, все трое уже сидели на соснах, забравшись как можно выше.

Медведь подбежал и, увидев, куда они залезли, стал бегать от дерева к дереву, рыча от ярости и досады. Он поднимался на задние лапы и пытался дотянуться до нижних веток передними лапами, точно хотел или подтянуться, или свалить дерево. Гризли набрасывался то на одно дерево, то на другое, яростно тряся их. Он рвал когтями кору деревьев, и она разлеталась в разные стороны большими кусками. Дерево, на котором прятался Франсуа, было совсем тонкое и так дрожало под могучими ударами зверя, что мальчик рисковал упасть на землю. Но страх заставил Франсуа напрячь все свои силы, и он мужественно держался, ободряемый криками Базиль и Люсьена. Вскоре, видя, что ему не удастся свалить мальчика, медведь отошел и снова подступил к деревьям, где сидели Базиль и Люсьен. Но и эта попытка кончилась для него неудачей: он только содрал со стволов всю кору на уровне своего роста. Медведь так терзал стволы зубами и когтями, что мальчики боялись, не придет ли ему в голову перегрызть деревья. Он легко мог бы сделать это, но, по счастью, гризли не обладают способностью рассуждать, иначе мальчиков постигла бы ужасная судьба.

Когда наконец медведь понял, что не может ни сломать деревья, ни стряхнуть с них мальчиков, он оставил свои попытки и принялся расхаживать взад и вперед, как часовой, время от времени шумно втягивая в себя воздух и злобно рыча. В конце концов медведь растянулся на земле и, казалось, заснул.

Что случилось с самкой и медвежонком? Оба убиты? Никто из них не появлялся на вершине. Мальчики с деревьев могли видеть каждый дюйм поверхности плато. Стало быть, медведи все еще в ущелье, но неизвестно, живые или мертвые.

Маренго, руководствуясь мудрым инстинктом, не нападал на медведя, а убежал к краю плато и прижался там, дрожа от страха, стараясь не попадаться на глаза опасному врагу.

Теперь положение охотников стало еще хуже, чем раньше. Они не решались слезть с деревьев, так как неминуемо попали бы в пасть чудовища, а долго сидеть верхом на тонких ветвях сосен было очень неудобно. Кроме того, им хотелось пить, очень хотелось пить... Они не взяли с собой воды утром. Солнце невыносимо жгло, а еще разделявая туши, мальчики уже жаловались на отсутствие воды. Теперь они начали страдать от жажды больше, чем от чего-либо другого. Если медведь останется здесь надолго, что с ними станет? Или они упадут и будут растерзаны, или будут медленно погибать, сидя на деревьях. Было только два исхода.

Мальчики не знали, что предпринять. Ружья лежали на земле, там, где их впопыхах бросили. Как спуститься и подобрать их? Оставалось только ждать. Будто для того, чтобы

усилить их муки, на равнине вдруг показалось то, что они искали, цель их экспедиции, — животные, которых они так жаждали встретить: бизоны! Далеко в прерии, к юго-западу, виднелось множество черных тел, точно толпы людей в темном одеянии. Они двигались взад и вперед, то сливаясь в одну массу, то разделяясь, как отряды беспорядочного войска. На много миль вокруг зеленая прерия была усеяна огромными темными телами животных, а в некоторых местах их было такое количество, что не было даже видно земли.

Бизоны, казалось, двигались к северу, по лугам, простирающимся между холмом и Льяно Эстакадо. Через несколько минут передние бизоны поравнялись с холмом, и наши юные охотники смогли различить косматые, точно львиные, тела быков, составлявших авангард «отряда». При других обстоятельствах это было бы отрядным зрелищем, но сейчас положение показалось мальчикам еще более невыносимым. Бизоны уходили на север... Если даже удастся как-то спастись, то все равно уже не догнать бизонов. Братья не могли разглядеть среди них ни одного белого, так как основная масса животных была далеко, но представлялось вполне вероятным, что в таком большом стаде можно найти одного или двух белых бизонов.

Вдруг Базиль издал возглас, или, верней, крик радости. Базиль находился на дереве, которое стояло поодаль от других, и благодаря этому ничто на загораживало ему вид на прерию к западу.

— Смотрите! Вон туда, туда! — кричал он. — Смотрите! В середину стада! Видите? Он сияет на солнце! Белый бизон, белый! Ура!

От волнения Базиль говорил несвязно, его трудно было понять, так же как и то, что кричали ему в ответ братья, когда увидели, на что он указывал. Все трое не сомневались, что это в самом деле и есть цель их долгой, трудной охоты — белый бизон. Мальчики громко кричали «ура» и на мгновение забыли об опасности положения. Их крики разбудили гризли, который, лениво поднявшись на ноги, снова принялся рычать и расхаживать между деревьями. Вид этого чудовища внизу сейчас же возвратил охотников к страшной действительности.

Глава XXIX. ИЗБАВЛЕНИЕ ОТ МЕДВЕДЯ

Четыре часа сидели и мучились мальчики на деревьях, то глядя вниз на своего свирепого тюремщика, который неусыпно сторожил их, то на равнину, где темные стада все еще продолжали передвигаться. Четыре часа бизоны шли на север, пока заходящее солнце не окрасило их коричневые тела в красный цвет. Еще раза два мальчикам казалось, что они видели белых бизонов среди стада, но глаза их затуманились от напряжения, а боль во всем теле сделала их теперь безразличными ко всему, кроме собственных страданий. Отчаяние побороло надежду. Мальчики задыхались от жажды, и смерть, казалось, заглядывала им в глаза...

Через некоторое время медведь опять улегся и, прикрыв голову передними лапами, снова уснул. Базиль не мог больше выдержать и решил попытаться спастись. Во всяком случае, он хоть попробует как-то изменить их ужасное положение.

Предупредив братьев, чтобы они молчали, Базиль соскользнул с дерева и, крадучись словно кошка, пополз по земле, ища ружье. Вскоре мальчик нашел его и, вернувшись, снова забрался на свое дерево. Когда Базиль лез, ветви дерева заскрипели, и медведь проснулся. Он вскочил на ноги и побежал к дереву. Еще секунда — и Базиль бы несдобровать. Морда зверя, когда он встал на задние лапы под деревом, почти коснулась ног мальчика. Эта секунда спасла Базиля. В следующее мгновение Базиль уже сидел между ветвями, спокойно заряжая ружье.

Медведь, по-видимому, понял его движения. Будто догадываясь об опасности, он держался подале от дерева и, расхаживая, теперь впервые нагнулся на остатки туш большерогов. Медведь принялся раздирать и пожирать мясо. Он все еще находился на расстоянии выстрела, но Базиль, который знал, что в случае необходимости сможет

перезарядить ружье, решил заставить гризли или отойти дальше, или приблизиться, чтобы попасть в него наверняка. Юный охотник прицелился и выстрелил. Пуля ранила медведя; он повернул голову и стал рвать раненое плечо зубами, все время рыча от ярости и боли. Как это ни странно, он при этом продолжал поедать мясо.

Базиль снова зарядил ружье и выстрелил вторично. На этот раз он попал медведю в шею, и тот еще больше разъярился. Зверь выронил добычу и, кинувшись обратно к деревьям, стал хвататься то за одно, то за другое, опять пытаясь повалить их. Наконец он подошел к дереву, где сидел Базиль, поднялся и схватил ствол в свои яростные объятия. Это было как раз то, чего добивался юный охотник. Базиль быстро зарядил ружье и, когда медведь очутился прямо под деревом, наклонился, так что дуло его винтовки почти касалось морды зверя. Раздался выстрел. Сноп огня попал прямо в глаза медведю, затем последовал звук, будто что-то треснуло. Когда дым рассеялся, стало видно, что огромное тело бьется на земле. Свинцовая пуля сделала свое дело — она попала в мозг, и через несколько секунд косматое чудовище лежало неподвижно на земле.

Мальчики слезли с деревьев, Франсуа и Люсьен побежали за своими ружьями, и все трое, тщательно зарядив их, кинулись к ущелью. Юные охотники не остановились, чтобы осмотреть убитого врага. Жажда подхлестывала их, они думали только о том, чтобы добраться до родника внизу. Они надеялись, что медведица и ее детеныш убиты их первыми выстрелами и теперь дорога свободна.

Каково же было их разочарование, когда, поглядев вниз, в ущелье, они увидели, что медвежонок лежит, скорчившись, на дне, а старая медведица стоит над ним, как часовой! Медвежонок был явно мертв. Тем хуже — ведь мать теперь не покинет его ни на минуту, а оба они находятся прямо на тропинке. Медведица расхаживала взад и вперед, время от времени приближаясь к своему детенышу, подталкивая его тело носом и издавая низкий жалобный стон.

Охотники сразу поняли, что их положение не улучшилось. Отступление было отрезано разъяренной мамашей, которая неизвестно сколько времени будет оставаться здесь. Выстрелить в нее и еще раз попытаться спастись на деревьях? Мучительный опыт заставил мальчиков отвергнуть это решение. Что же тогда делать? Остаться здесь до ночи и попытаться проскользнуть в темноте? Может быть, медведица уйдет в свою пещеру и дает им возможность пройти? Но они умирали от жажды!

В это время Люсьену пришла в голову счастливая мысль. Он увидел росшие поблизости кактусы. Тут были большие шары эхинокактусов. Он вспомнил, что кактусы часто утоляли жажду путников в пустыне, — ему приходилось читать об этом.

Юные охотники тотчас подошли к этим растениям и разрежали пополам их сочную массу. Они приложили к губам прохладные, влажные волокна и через несколько минут почувствовали облегчение. Жажда была почти утолена.

Медведица все еще занимала ущелье, а пока она оставалась там, не было никакой возможности попасть обратно в лагерь. Однако мальчики видели, что самое лучшее — это дожидаться ночи: может быть, темнота поможет им.

Скоро настала ночь, но она оказалась лунной. Братья поняли, что спускаться по ущелью сейчас будет так же опасно, как днем. Они слышали рычание чудовища внизу и знали, что медведица все еще сторожит проход. Если охотники попытаются спуститься, она обнаружит их раньше, чем они сойдут вниз. Она может услышать, как они будут карабкаться в темноте меж кустов. Преимущество окажется на ее стороне, так как она может напасть на них, сама оставаясь незамеченной. Кроме того, даже если дорога будет свободной, трудно спуститься по такому крутому склону ночью. После долгих раздумий решено было дожидаться утра.

Всю долгую ночь мальчики не сомкнули глаз. Они слышали, как внизу ржали кони: бедные животные недоумевали, что случилось с их хозяевами. Крик Жаннет гулко отозвался в горах, ему ответил лай и вой степного волка. Эти звуки, вместе со страшным рычанием медведя, не давали уснуть нашим путешественникам. Они не решались заснуть иначе, как

взобравшись на дерево, — ведь медведица в любой момент могла прийти на вершину. Но спать на тонких ветвях горной сосны не так-то приятно, и все трое предпочли бодрствовать.

Наконец стало рассветать, и юные охотники увидели, что косматый часовой все еще находился на посту. Медведица сидела на прежнем месте, как бы охраняя своего мертвого детеныша. Нетерпение мальчиков, особенно Базиля, начало возрастать. Они были голодны. Правда, оставалось немного мяса, но им хотелось еще и пить. Сок кактусов облегчил, но не утолил жажду. Мальчики мечтали о глотке прохладной воды. Бизоны ушли к северу, их теперь не догнать. Может быть, никогда больше не представится возможность добыть то, ради чего три брата перенесли столько лишений! Эти мысли беспокоили их всех, особенно Базиля. Необходимо было вырваться из плена и спуститься на равнину.

Базиль придумал такой план: раздражить медведицу, выстрелив в нее. Она погонится за ними, убеждал он, как тот, первый, и судьба ее будет такова же. Это могло удаться, но эксперимент был опасным. Люсьен предложил двоим из них пойти по краю пропасти, чтобы исследовать ее более тщательно, в то время как третий будет сторожить медведя. Может быть, удастся все-таки найти какую-нибудь другую тропинку, которая ведет вниз. На это было мало надежды. Но на то, чтобы поискать, уйдет всего несколько минут, и поэтому предложение Люсьена было принято.

— Если бы только у нас была веревка, — сказал Франсуа, — мы спустились бы с утеса, и тогда старая гризли могла бы остаться там хоть навсегда, если ей так хочется.

— Подождите-ка! — воскликнул Базиль. Ему вдруг пришел в голову какой-то новый план. — Какие же мы глупцы! Почему мы раньше не подумали об этом? Бежим скорее! Я спущу вас в мгновение ока. Идемте!

С этими словами Базиль быстро зашагал туда, где они свеживали большеголов. Он вытащил свой охотничий нож, и, расстелив одну из шкур, стал разрезать ее на длинные ремни. Люсьен, сразу поняв его план, стал помогать ему. Франсуа был отослан к ущелью наблюдать за медведицей.

Через несколько минут братья разрезали обе шкуры, скоро вся земля вокруг них покрылась длинными ремнями. Юные охотники крепко связали их, вставляя в узлы поперек кусочки сосновых веток. Наконец у них получился канат из сырой кожи более сотни футов длиной.

Мальчики подошли к краю утеса, где росла сосна, и обвязали один конец каната вокруг ствола. К другому концу они привязали Маренго и три ружья (к этому времени Франсуа уже вернулся) и вместе со всем этим — большой камень, чтобы попробовать прочность каната, прежде чем кто-нибудь из них рискнет спуститься по нему. Все это было благополучно спущено и скоро лежало на земле внизу.

Теперь канат был туго натянут вверху, а вес камня, который был так тяжел, что Маренго не мог его сдвинуть, натягивал канат снизу. Франсуа соскользнул по канату первым. Это не составило для него особого труда, так как куски дерева в узлах создавали как бы ступеньки, которые не давали ему скользить слишком быстро. Затем последовал Люсьен и, наконец, Базиль, и меньше чем через полчаса все трое уже были в безопасности в прерии.

Мальчики не стали тратить времени даром, отвязали Маренго и поспешили к лошадям, поймали их и оседлали. Теперь, когда в любую минуту можно было вскочить на коней, наши охотники почувствовали себя в безопасности.

Однако они решили больше не оставаться у холма, а уехать от него тотчас, как только поедят. Они разожгли небольшой костер и наскоро изжарили кусок медвежатины.

Базиль хотел было верхом поехать обратно и напасть на медведицу в ущелье, но более благоразумный Люсьен отговорил его.

Держа лошадей наготове, наши путешественники уложили все лагерные пожитки, взвалили их на Жаннет и опять пустились в путь.

Глава XXX. ГРИФЫ И ИХ КОРОЛЬ

Мальчики повернули лошадей на запад. Они намеревались ехать в этом направлении, пока не увидят следы бизонов, и тогда, повернув на север, поехать по следам и постараться нагнать большое стадо. Это был явно наиболее разумный план.

Когда охотники проезжали мимо западного склона холма, их внимание привлекла стая больших птиц. Это были грифы. Теперь мальчики вспомнили дикого барана, который упал с утеса, и, взглянув вверх, увидели, что его тело все еще раскачивается на дереве. Оно-то и привлекло грифов.

Их было много — больше сотни. Одни парили в воздухе, другие сидели на вершине утеса или на ветвях сосен, а несколько птиц кружили над телом большерога, время от времени садясь на его застывшие конечности. Они уже выклевали глаза животного, но не могли еще справиться с твердой шкурой.

Эти птицы были больше воронов и на расстоянии казались абсолютно черными, но при ближайшем рассмотрении можно было разглядеть примесь коричневатых перьев; у одних это больше бросалось в глаза, чем у других, потому что здесь были птицы двух разных пород — индюковый гриф и черный гриф.

Наши мальчики прекрасно знали их, так как обе эти породы встречаются в Луизиане и во всей южной части Соединенных Штатов. Невнимательный наблюдатель принял бы обе породы за одну, но в них есть различия, которые сразу бросились бы в глаза натуралисту. Индюковый гриф гораздо красивее и более грациозен как в воздухе, во время полета, так и на земле. Его крылья длиннее и их оперение ярче, а хвост более заостренный. Кожа его голой шеи и головы, а также ног — красноватого или телесного цвета, у черного же грифа — серовато-черная от пуха, которым слегка заросла кожа. Этим птиц легко различить в воздухе. Черный гриф летит довольно тяжело, часто и быстро взмахивая крыльями, а затем держит их горизонтально в течение ста или больше ярдов, расправив непропорционально короткий хвост словно веер.

Индюковый гриф, наоборот, свободно держит крылья, не горизонтально, а слегка вверх. В этом положении он может парить четверть мили без единого взмаха крыльев и лететь при этом не вниз, как можно предположить, а по прямой или довольно часто даже вверх. Как он достигает этого движения вверх — неизвестно.

Некоторые предполагают, что он обладает способностью подниматься на потоках нагретого воздуха; это дает ему возможность планировать вверх без помощи крыльев. В этой теории нет особой ясности, и еще требуется проверить ее на опыте. Другие говорят, что он двигается вверх по инерции, которую уже приобрел, предварительно спустившись с такой же или с еще большей высоты. Однако это неверно, так как можно часто видеть, как индюковый гриф поднимается таким образом после того, как долго летел по горизонтали.

Как бы то ни было, очень интересно наблюдать такую птицу, когда ее широкие крылья выделяются на фоне голубого неба и она плывет то кругами, то горизонтально, то взмывает вверх или описывает волнообразную кривую. Это прекрасное и волнующее зрелище.

Индюковый гриф — более благородная птица, чем черный гриф. В нем есть что-то общее с орлом. Правда, оба они питаются падалью, как все стервятники, но индюковый гриф питается и другой пищей: он охотится за змеями, ящерицами и мелкими четвероногими. Когда представляется удобный случай, он нападает и на маленьких ягнят или поросят. Черный гриф тоже проделывает все это, но не часто. Однако ни тот, ни другой не причиняют в этом отношении большого вреда: они питаются животными в порядке исключения, а не как правило. Они делают это, вероятно, движимые сильным голодом, когда нет никакой другой пищи. Обе породы живут общинами, хотя и не всегда появляются стаями. В особенности индюковых грифов часто можно видеть охотящимися в одиночку или парами, а иногда и втроем; но уклад жизни этих птиц заставляет их объединяться большими стаями. Они часто собираются вместе — индюковые и черные грифы, всего около сотни, — у одной какой-нибудь падали.

Индюковых грифов обычно бывает меньше, чем черных грифов, которые составляют примерно три четверти такой стаи. Индюковые грифы — более робкие птицы, они менее

расположены к тому, чтобы держаться стаями. Говорят, что они не живут стаями, поскольку их часто видят высоко в воздухе в одиночку, однако вполне достоверно, что они не только устраиваются на ночлег вместе, но даже часто объединяются с черными грифами.

В большинстве стран гриф — привилегированная птица. Его рассматривают как дешевого и полезного «мусорщика», очищающего скелеты мертвых животных, которые иначе отравляли бы атмосферу. Это очень важно в жарких странах, и только в таких странах обычно встречаются грифы. Какой прекрасный пример совершенства законов природы! Когда вы попадаете в высокие широты и холодные страны, где воздух не так быстро заражается разлагающимися веществами, необходимости в таком «мусорщике» уже нет, и его можно редко встретить. Здесь большие стервятники уступают место обыкновенному черному ворону.

Грифы, как я сказал, — привилегированные птицы. В большинстве стран они охраняются законом. Так обстоит дело в Соединенных Штатах и в Латинской Америке, где за убийство грифа взимается штраф. В результате, их очень редко истребляют, и во многих местах эти птицы так привыкли к человеку, что позволяют подойти к себе на несколько футов. В городах и деревнях Южных штатов они садятся прямо на улицы и спят на крышах домов. То же самое происходит в городах Мексики и Южной Америки, где встречаются обе эти породы.

Как только наши юные охотники поравнялись с утесом, где находились грифы, они остановили лошадей и решили немного задержаться, чтобы понаблюдать за птицами. Мальчикам было любопытно посмотреть, как они справятся с добычей, так неудобно расположенной: ведь труп симмарона висел над пропастью. Охотники не сошли с лошадей, а остались в седлах неподалеку от утеса. Грифы, конечно, не обращали на них внимания; они продолжали слетаться и усаживаться на край пропасти и на обломки скал у подножия, будто никого рядом не было.

— Как индюковые грифы похожи на индеек! — заметил Франсуа.

— Да, — ответил Люсьен, — поэтому их так и называют — индюковые грифы.

Замечание Франсуа было вполне естественным. Не существует двух других таких птиц, не принадлежащих к одному и тому же виду, которые были бы так похожи друг на друга, как индюковый гриф и обыкновенная домашняя черная индейка, которая, так же как гриф, имеет обычно коричневатый оттенок. Они так похожи, что на расстоянии ста ярдов я часто путал их. Однако это сходство не распространяется дальше внешнего вида. Почти во всех других отношениях они очень существенно различны.

— Кстати об индюковых грифах, — сказал Люсьен. — Я вспоминаю забавный рассказ о них.

— О, расскажи, пожалуйста! — попросил Франсуа.

— С удовольствием, — ответил Люсьен. — Этот рассказ является иллюстрацией того, насколько белые хитрее индейцев, и хорошим показателем честности и справедливости, которую часто проявляют индейцы в своих взаимоотношениях с белыми.

Вот эта история.

Белый и индеец поехали вместе на охоту. Они договорились, что вечером разделят всю свою дичь поровну, вне зависимости от того, кто убил больше. Во время охоты индеец подстрелил индейку, а белый охотник — индюкового грифа, и эти две птицы было все, что им удалось встретить за целый день. Результаты охоты сложили вместе, и теперь возникла трудность, как поровну разделить дичь.

Оба достаточно хорошо знали ценность хорошей, жирной индейки, и оба так же хорошо знали совершенную непригодность индюкового грифа, который действительно ничего не стоит, так как от него отвратительно пахнет.

Было очевидно, что единственно справедливый способ дележа — это разрезать индейку на две равные части и каждому взять по половине. Белый, однако, не соглашался: он предложил, что один из них возьмет индейку, а другой — грифа.

«Жалко, — говорил он, — портить птиц. Лучше каждый из нас возьмет по целой».

«Хорошо, — сказал индеец. — Будем тянуть жребий».

«Да нет, — ответил белый, — не стоит. Я поступлю с тобой по справедливости. Я возьму индейку и разрешу тебе взять индюкового грифа, или ты можешь взять грифа, а я возьму индейку».

Индеец понял, что в обоих случаях ему достается гриф; но он не умел доказать, в чем несправедливость предложения белого, и был вынужден, хотя и неохотно, принять его.

Итак, белый охотник взвалил на плечо индейку и отправился домой, оставив бедного индейца в лесу без ужина.

— Ха-ха-ха! — засмеялся Франсуа. — Каким же простаком был, должно быть, этот индеец, раз его так легко обманули!

— Он был не единственный краснокожий, которого подобным образом обманул белый, — сказал Люсьен. — А сколько оловянных долларов получили эти простые сыны лесов в обмен на звериные меха и шкуры! Я слышал, что один очень богатый торговец мехами, теперь уже умерший, заложил основу своего огромного состояния именно таким путем. Но мои подозрения не имеют доказательств, и поэтому я не могу утверждать это как факт.

Может быть, какой-нибудь историк в один прекрасный день будет критиковать даже одного «доброего» американца, который, как говорят, купил у индейцев три квадратных мили земли, но позаботился, чтобы ее отмерили в количестве трех миль в квадрате. Я надеюсь, что это неправда.

Но, как ты видишь, нечестность не принадлежит исключительно какому-нибудь одному веку или одной нации. Она существовала в прошлом и будет существовать в дальнейшем, до тех пор, пока люди, становясь все более и более образованными, не будут движимы в своей деятельности более высокими побуждениями, нежели жадной наживы. Я верю, что в далеком будущем настанет такое время...

Разговор опять перешел на грифов. Их теперь собралось по меньшей мере две сотни, и количество их все возрастало. Когда прилетали новые, они некоторое время кружили в воздухе, затем снижались и садились на деревья или скалы. Некоторые сидели сжавшись, с опущенными крыльями, втянув головы так, что их длинные обнаженные шеи были совершенно скрыты в перьях «воротников», похожих на жабо. Другие стояли прямо, приподняв оба крыла, наполовину распустив их и «подбоченясь», как можно часто видеть орлов и как их обычно изображают на монетах и знаменах. Предполагают, что грифы и орлы распускают так крылья, чтобы охладиться, когда им жарко, или погреться на солнце, когда холодно, — ибо они делают это как в холодную, так и в теплую погоду и в этом положении выглядят очень своеобразно и довольно красиво.

Грифы все прибывали.

Некоторые постепенно снижались с большой высоты. Они казались маленькими пятнышками в голубом небе, которые все росли и росли, пока огромные крылья не начинали отбрасывать тень на залитую солнцем поляну, когда птицы скользили по спирали вниз. Другие приближались по горизонтальному направлению; когда их впервые замечали издали, они казались не больше воробьев.

— Какое большое расстояние, должно быть, они пролетают, — заметил Франсуа. — И как, по вашему мнению, они узнают, куда лететь? Когда мы убили этих большерогов, ни одной птицы не было видно.

— Их привлек, конечно, запах, — ответил Базиль. — У грифов очень сильное чутье...

— Нет, брат, — прервал его Люсьен, — это одна из ошибок кабинетных натуралистов, которые распространяли подобное мнение, пока оно не вошло в поговорку. Как это ни странно, такое утверждение полностью ошибочно. Доказано, что грифы обладают чувством обоняния даже в меньшей степени, чем большинство других животных. Собаки и волки намного превосходят их в этом отношении.

— Как же они тогда обнаружили, например, эту падаль?

— При помощи зрения. Вот оно у них действительно развито в наивысшей степени!

— Но как же так, Люс? — спросил Базиль. — Посмотри, вон с запада летят несколько птиц. Если холм находится между птицами и большерогом, каким образом они могли увидеть мертвое животное?

— Я и не говорю, что они увидели его сами, но они увидели тех птиц, которые видели других, которые, в свою очередь, увидели третьих, а те уж действительно сами своими глазами видели падаль.

— О, я понимаю! Ты имеешь в виду, что кто-то один или несколько из них первые обнаружили тело барана, а когда летели сюда, их заметили издали другие, а за теми, которые последовали за ними, в свою очередь полетели другие, находящиеся еще дальше, и так далее.

— Вот именно. Это и объясняет фантастические рассказы о стервятниках, которые чувствуют падаль на расстоянии нескольких миль. Ни одна из этих историй не является правдой, они распространялись людьми, которые, может быть, никогда и не видели грифов в их родной стихии, но, чтобы сделать свои книги более развлекательными, с готовностью использовали преувеличенные рассказы каждого Мюнхгаузена *note 12*, какого только доводилось встретить.

— Твоя теория, Люсьен, конечно, наиболее правдоподобна.

— Она верна. Это доказано многими опытами с грифами. Все такие опыты доказали, что эти птицы ни в коей мере не обладают острым чувством обоняния. Наоборот, оно у них исключительно слабое, и, я думаю, для них это очень хорошо, если принять во внимание, какой пищей они питаются.

— Эта стая, должно быть, слетелась со всех сторон, — заметил Франсуа. — Мы видели, что они летят и с севера, и с юга, и с запада, и с востока. Некоторые из них, очевидно, пролетели миль по пятьдесят...

— Возможно, что и все сто, — сказал Люсьен. — Такое путешествие для них сущий пустяк. Если бы я знал точно, когда первый из них увидел мертвого большерога, я мог бы сказать, какое расстояние пролетел каждый, то есть каждый из тех грифов, которые прилетели сюда на наших глазах.

— Но как же ты мог бы это сделать, брат? — спросили изумленные Базиль и Франсуа. — Пожалуйста, расскажи нам!

— Я бы вычислил так: прежде всего они все начали свой полет одновременно...

— Одновременно? — прервал его Базиль. — Как это может быть, если некоторые из них находились в сотне миль отсюда?

— Неважно, на каком расстоянии, — ответил Люсьен, — это все равно. Они все начали свой полет с разных мест, но почти одновременно. Непонятно? Эти птицы, выслеживая добычу, проделывают в воздухе огромные круги. Каждый из этих кругов захватывает большой участок земли внизу. Окружности приближаются друг к другу или пересекаются. Таким образом, вся земля внизу находится под наблюдением птиц. Как только один из грифов во время полета обнаруживает своим зорким глазом падаль, он немедленно снижается и летит вниз. Его видит тот, который кружит близко от него, и, хорошо понимая, почему изменил направление товарищ, тотчас следует за первым, а за ним, в свою очередь, летит другой, и так далее, до конца цепи...

— Но как один может догадаться, что второй полетел к добыче? — спросил Франсуа, прерывая объяснение Люсьена.

— Допустим, ты увидел Базиля далеко в прерии, — разве ты не мог бы определить по его движениям, когда он обнаружил дичь и начал преследование?

— Да, конечно, я легко мог бы догадаться.

— Ну вот, грифы, у которых гораздо более острое зрение, чем у тебя, прекрасно понимают малейшее движение друг друга, поэтому они легко могут понять, когда один из

Note12

Мюнхгаузен — персонаж ряда произведений немецких авторов: имя собственное, ставшее нарицательным: хвастун и враль.

них имеет на примете хороший обед... Я думаю, что мне удалось доказать, — продолжал Люсьен, — что все они начинают свой полет в одно и то же время, с разницей в несколько секунд; а так как они летят к намеченной цели почти по прямой, то если бы мы знали скорость их полета, нам оставалось бы только заметить время их прибытия, чтобы вычислить, какое расстояние они пролетели. Конечно, предполагается, что мы уже заметили время, когда прилетел первый из них. Если мы предположим, — сказал Люсьен, указывая на грифов, — что первый из этих грифов прилетел сюда два часа назад, и приблизительно возьмем скорость полета тридцать миль в час, мы можем с уверенностью сделать вывод, что некоторые из тех, которые сейчас прилетают, проделали в это утро путешествие в шестьдесят миль. Что вы думаете о моей теории?

— Она по меньшей мере очень интересна, — ответил Базиль.

— Но чего они теперь ожидают? — поинтересовался Франсуа. — Почему они сразу же не принимаются пожирать большерога?

Вопрос Франсуа был вполне естественным. Большинство птиц, вместо того чтобы наброситься на труп, сидели, как мы уже видели, на скалах и деревьях — некоторые из них с равнодушным видом, будто не были голодны и вовсе не собирались есть большерога.

Базиль попробовал объяснить.

— Несомненно, — сказал он, — они ждут, когда мясо начнет разлагаться. Говорят, что они предпочитают его в таком состоянии.

— И это, — заметил Люсьен, — является вторым утверждением, которое не имеет никакого основания. Грифы вовсе не предпочитают мясо а разложившемуся виде — наоборот, они, конечно, гораздо больше любят свежую пищу и охотно едят ее, если представляется возможность

— А что же им теперь мешает? — спросил Франсуа.

— Им мешает толстая шкура. У этих птиц нет такой большой силы в когтях, как у орлов, иначе от большерога уже давно остался бы один скелет, Они выжидают, чтобы шкура стала мягче под действием гниения, и тогда они смогут разорвать ее.

Это было явно правильное объяснение, так как мальчики видели, что каждый из вновь прибывших налетал на труп, но, обнаружив, что ничего не может с ним поделать, отлетал прочь и спокойно усаживался на камни или деревья.

Однако за то время, пока мальчики наблюдали, некоторые птицы, наиболее жадные, обнаружили отверстие в шкуре животного в том месте, где в тело попала пуля Базиля, и теперь поспешно расширяли это отверстие. Другие, увидев это, начали слетаться поближе, и не прошло и пяти минут, как дерево все почернело от этих отталкивающих птиц, которые все сгрудились на его ветках. Несколько грифов уселись на ногах и рогах самого животного, и скоро не осталось ни одного свободного места.

Но тяжесть всех этих птиц вместе с тяжестью трупа дикого барана оказалась слишком большой для корней сосны. Послышался громкий треск, за которым последовал резкий крик грифов, поспешно взлетевших в воздух, и, когда сломанное дерево наклонилось, тело большерога полетело на землю и упало вниз, на камни.

Среди птиц произошло большое смятение, и на мили кругом можно было слышать, как они торопливо захлопали своими огромными крыльями; но их страх скоро прошел, и все они опять уселись около мертвого животного.

Случившееся, пожалуй, было им даже на руку. Уже начавшее разлагаться тело от падения с большой высоты на острые камни разбилось, и шкура треснула. Этим сейчас же воспользовались отвратительные птицы; сначала одна, потом другая подлетала к нему и начинала свою ужасную трапезу.

Через несколько секунд грифы уже все сгрудились над телом, шипя, как гуси, ударяя друг друга крыльями, клювом и когтями и демонстрируя такую картину волчьего голода и злобы, которую трудно описать.

Юные охотники решили остаться еще некоторое время и понаблюдать за птицами; они сошли с лошадей, чтобы дать им отдохнуть.

Теперь внимание мальчиков привлек новый интересный представитель пернатых. Его обнаружил Франсуа, который часто поглядывал вверх, наблюдая за грациозными движениями трех грифов, которые были еще в воздухе. Неожиданно он закричал:

— Белый гриф! Белый гриф!

Люсьен и Базиль посмотрели туда, куда указывал Франсуа. Они увидели действительно белую птицу; но какой она была породы, никто не мог понять. Она летела на большой высоте, явно выше, чем любой из грифов, но даже на такой высоте казалась крупнее всех их. Она тоже летела легко — ведь небо было ее родной стихией.

Когда мальчики заметили эту птицу впервые, она казалась величиной с чайку, и ее вполне можно было принять за чайку — ни одна другая белая птица обычно не летает на такой высоте; но если около нее было несколько грифов, которые, находясь явно ниже ее, все же выглядели не крупнее ласточек, то каков же должен быть размер этой птицы? Она была не только крупнее индюкового грифа — она была раза в три больше любого из них.

Так рассчитал Люсьен, и его расчет был недалек от истины.

Следовательно, эта странная птица не могла быть чайкой.

Кто же это? Лебедь? Нет. Ее полет не напоминал ни короткие, быстрые взмахи крыльев лебедя, ни полет любой другой водоплавающей птицы. Может быть, это пеликан? Или белый ибис? Или белая цапля? Нет, ни одна из этих птиц. Любой из мальчиков сразу узнал бы медленный, тяжелый полет этих больших болотных птиц, так как юные охотники часто видели их парящими над реками Луизианы. Но эта птица летела совсем по-другому. Она взмахивала крыльями почти так же, как сами индюковые грифы или черные грифы; но, поскольку мальчики никак не могли предположить, чтобы так летала какая бы то ни было белая птица, они и недоумевали. Ее величина и характер полета заставляли их думать, что это орел, но цвет птицы опровергал такое предположение. Никто никогда не слышал о существовании белых орлов.

Я сказал, что, когда Франсуа впервые заметил эту странную птицу, она казалась величиной с чайку, но, пока юные охотники стояли и смотрели на нее, они увидели, что она постепенно становится все больше и больше. Поэтому они определили, что она спускается и, по всей видимости, прямо туда, где находились наши охотники и грифы. Все трое очень заинтересовались, что это за существо и надеялись, что птица снизится. Она, конечно, уже заметила их, и поэтому было бессмысленно пытаться спрятаться. Собственно говоря, если бы они и хотели этого, спрятаться им было некуда.

Так они стояли, наблюдая и поджидая, и вдруг все трое одновременно вскрикнули. Показалась еще одна белая птица! Она была еще высоко, как комочек снега в небе, но она тоже снижалась, следом за первой, и казалась той же породы. Скоро это стало ясно, поскольку вторая, спускаясь более вертикально, вскоре догнала первую, и обе продолжали снижаться по спирали.

Через несколько минут они были в двухстах ярдах от земли и теперь медленно кружили, глядя вниз.

Птицы находились непосредственно над тем местом, где были грифы, и так как день был очень ясный, мальчики получили возможность наблюдать двух самых красивых птиц, которых когда-либо видели. Птицы были не все белые, а только казались такими, если глядеть на них снизу, но, когда, кружа в воздухе, они слегка наклонялись вбок, можно было ясно разглядеть их спины. Тогда было заметно, что верхняя часть их тела была кремового цвета, перья крыльев — блестящие коричневые, на хвостах черные пятнышки, а весь низ тела — белый как молоко. Но интереснее всего были головы и шеи птиц — совершенно голые до плеч, где шею окружало большое кольцо из перьев, которое выглядело, как палантин. Голая кожа головы и шеи отливала ярко-красным и оранжевым цветом. Эти цвета не были перемешаны: каждый принадлежал отдельной части кожи и имел отчетливые и правильные очертания. Клюв птицы был оранжево-красный, и вокруг него имелись выступы, похожие на петушинный гребешок. Зрачки глаз — темные, а радужная оболочка — белая, окруженная темно-красным кольцом; короче говоря, вся внешность этих красивых существ

была такова, что, однажды увидев, их нельзя уже забыть.

— Я никогда не видел таких птиц раньше, — сказал Люсьен, — но мне нетрудно определить, кто это.

— Кто? — нетерпеливо опросили Базиль и Франсуа.

— Королевские грифы.

Птицы, которые, казалось, не обращали внимания на присутствие мальчиков, вдруг снизились к мертвому животному. Мальчики следили за ними взглядом; им было интересно, какое впечатление произведет прибытие новых птиц на грифов. Ко всеобщему удивлению, ни одного из них не было уже видно около трупа! Пока внимание охотников было направлено на королевских грифов, другие птицы тоже увидели их и, зная по опыту, что представляют собой эти огромные птицы, стремительно разлетелись и теперь сидели на скалах на почтительном расстоянии.

Королевские грифы, не обращая внимания на их присутствие, приблизились к трупу животного и начали раздирать его на части клювами. Через несколько минут эти существа, которые казались такими чистыми и красивыми — ибо королевские грифы так же гордятся своим оперением, как павлины, и обычно содержат его в полном порядке, — представляли собой такую отталкивающую картину, на которую было противно смотреть. Яркий оттенок их голов и шей сменился темно-красным, а белоснежная грудь забрызгалась кровью. Прожорливость хищников сделала их безразличными ко всему остальному.

— А не застрелить ли нам одного? — спросил Франсуа.

— Нет, — сказал Люсьен, — зачем лишать жизни бедное существо? Если ты хочешь посмотреть на них поближе, имей терпение, и твое желание будет удовлетворено без затраты пороха и свинца.

Слова Люсьена скоро подтвердились. Примерно через полчаса птицы наелись до отвала и, отяжелевшие, начали медленно расхаживать по земле. Мальчики выбежали теперь вперед и, увидев, что грифы не в состоянии подняться в воздух, после небольшой погони, в которой большую роль сыграл Маренго, поймали их обоих.

Но едва Франсуа, которому больше всех не терпелось схватить грифов, дотронулся до одного из них, как сейчас же отпустил птицу с восклицанием отвращения и побежал прочь быстрее, чем та от него.

Зловоние, которое распространяли птицы, было совершенно невыносимо для обоняния наших героев, и все трое были рады отпустить королевских грифов как можно скорее.

Возвращаясь к своим лошадям, юные охотники заметили, что грифы опять собираются вокруг останков большорога. К грифам присоединились несколько койотов, которые рычали и грызались, то отгоняя птиц, то получая от них удары крыльями, что заставляло койотов рычать еще яростнее прежнего. Наши путешественники не стали дожидаться финала этой омерзительной сцены, а сели на коней и снова пустились в прерию.

Глава XXXI. ЕЩЕ О ГРИФАХ

По дороге от холма мальчики беседовали о грифах. Натуралист Люсьен мог много рассказать об этих интересных птицах, а любопытство Базиля и Франсуа было возбуждено появлением новой для них разновидности — королевскими грифами.

— Все грифы так схожи по внешнему виду и повадкам, что их можно рассматривать как один род, — рассказывал братьям Люсьен. — Грифы часто убивают свою добычу так же, как и орлы, и совершенно очевидно, что они не предпочитают ее в разложившемся состоянии. Орлы не всегда питаются свежей, убитой ими добычей, многие из них едят и падаль. Некоторые близкие родичи грифов, как, например, ягнятник, имеют почти такие же повадки, как орел. Известен интересный факт относительно этой птицы: она предпочитает определенные части костей животного его мясу.

Удивительно, какими точными сведениями располагал этот юный любитель природы! Мне самому рассказал об этом один из слугителей прекрасной коллекции птиц в Регентском

парке. Служитель обнаружил, что один молодой африканский ягнятник любит есть кости. Он также заметил, что в те дни, когда птица питается своей любимой пищей из костей, она выглядит более здоровой и находится в хорошем настроении.

— Возможно, — продолжал Люсьен, — что одно из наиболее существенных различий между грифом и орлом заключается в когтях. Когти грифа менее развиты, и их лапы не обладают такой силой, как лапы орлов. Поэтому грифы почти не способны убить животное или растерзать его труп. Кроме того, они не в состоянии поднять добычу, держа ее в когтях, и рассказы о том, будто грифы уносят оленя или взрослую овцу, — просто вымысел. Даже кондор, самый крупный из пернатых хищников, не может поднять на воздух больше десяти фунтов. Олень такого веса был бы уж очень маленьким, думается мне. Большинство удивительных историй о кондорах распространялось открывателями и завоевателями Испанской Америки — величайшими хвастунами, которых только знал мир. Мои слова полностью подтверждаются книгами, которые они оставили после себя, и я думаю, что их описания мексиканских и перуанских народов, поработанных ими, нисколько не меньше преувеличены, чем рассказы о кондорах.

— Сколько видов грифов имеется в Америке? — спросил Франсуа, которого больше интересовало настоящее, чем прошлое, и который, как мы уже отмечали, был большим любителем птиц.

— Хорошо известно пять видов, — ответил Люсьен. — Они так не похожи друг на друга, что их нетрудно различить. Эти пять видов составляют два рода: саркорамфы и катарты.

Саркорамф имеет мясистый нарост над клювом, отсюда и название рода, которое состоит из двух греческих слов, обозначающих «мясо» и «клюв». Катарт, или «изрыгающий гриф», получил свое название от своеобразной привычки изрыгать пищу не только при кормлении птенцов, но и тогда, когда в период высиживания яиц они кормят друг друга.

Кондор — настоящий саркорамф; одним из характерных признаков этой птицы является мясистый хрящевой гребень, который увенчивает его голову и часть клюва. Однако это встречается лишь у самцов, а у самок гребней нет. Кондор, когда он в своем полном оперении, — белый с черным. Его тело снизу, хвост, основание крыльев, так же как их окаймление, — все это темного, почти черного цвета; но когда крылья сложены, он становится серовато-белым от спины до хвоста. Пушистое кольцо вокруг груди и шеи — молочно-белое, обнаженная морщинистая кожа шеи и головы — черновато-красная или бордо, ноги — пепельно-голубые. Эти цвета кондор приобретает только по взрослом состоянии, в возрасте около трех лет, а до этого времени у него нет белого «воротника» вокруг шеи.

Птенцы еще много месяцев после того, как вылупятся, не имеют перьев, а покрыты мягким густым пухом, как гусята или молодые лебеди, и даже в два года еще не приобретают черно-белую окраску, а выглядят грязно-коричневыми.

Размах крыльев взрослого кондора обычно равняется восьми футам, но бесспорно существуют — и их видели путешественники — и такие, размах крыльев которых достигает четырнадцати футов и нескольких дюймов.

Кондор, как и другие стервятники, питается главным образом падалью; но когда он очень голоден, то убивает овец, викуню, молодых лам, оленей и других животных. С большими животными он расправляется, выклеывая им глаза могучим клювом, который является его основным оружием.

Если он может убить взрослую овцу или викуню, нет ничего удивительного, что он может сделать то же самое с пяти-шестилетним ребенком, и действительно, такие случаи имели место.

Почти каждый орел может убить ребенка и нападает на детей, если он голоден и видит детей, оставленных без присмотра.

Однако кондор — пожалуй, самая прожорливая из всех птиц этой породы. Известно, что один кондор в неволе съел за день восемнадцать фунтов мяса. Но то, что эта птица может

подняться в воздух, держа в когтях крупных животных — например, оленя или овцу, как утверждают некоторые французские и испанские писатели, — совершенная выдумка.

Кондор, в противоположность стервятникам большинства стран, не охраняется законом. Его хищные повадки в отношении ягнят, молодых лам и альпага скорее заставляют преследовать его, нежели охранять. Поэтому его убивают или ловят всякий раз, когда представляется такая возможность. Его мясо и перья мало на что пригодны, но, поскольку он представляет собой интерес, его нередко держат как домашнюю птицу чилийцы и перуанцы. Живых кондоров часто продают на базарах в Вальпараисо и других городах Южной Америки.

Туземное население при охоте на кондора применяет различные способы. Иногда охотники лежат в засаде около трупа животного и подстреливают птицу, когда та садится; но убивать их таким способом трудно, так как у кондоров очень плотное, густое оперение и они вообще чрезвычайно живучи — их можно убить, только если пуля попадет прямо в сердце. Поэтому данный способ применяется редко. Второй способ — это подождать, пока кондор насытится до предела, и тогда он, как большинство других стервятников, некоторое время не в состоянии взлететь. Охотники подъезжают к кондору на лошадях и кидают лассо или мешают птице взлететь, обвивая ей ноги при помощи «болас». Болас представляют собой длинные, узкие ремни со свинцовыми шарами на концах; если их ловко кинуть, они обвиваются вокруг ног кондора и не дают ему улететь. Третий способ еще более верный. Охотники строят большой загон, куда помещают много падали. Частокол, окружающий загон, делают таким высоким, что, когда птица наедается, она не в состоянии подняться в воздух и перебраться через загородку; тогда ее ловят или убивают дубинками. Индейцы убивают кондоров камнями, кидая их на большое расстояние при помощи пращи, — они необыкновенно ловко пользуются этим видом оружия.

Живых кондоров ловят капканами и силками; индейцы Сьерры применяют иногда несколько своеобразный, но отличный способ, заключающийся в следующем: охотник берет свежесодранную шкуру какого-нибудь животного, быка или лошади, на которой остался еще кусок мяса. С этим охотник выходит на открытое место, где кондоры, которые кружат высоко в небе, могут легко увидеть его. Выбрав подходящее место, охотник ложится на землю, а шкуру, мясом вверх, надевает на себя. Ему недолго приходится ждать: какой-нибудь из кондоров, зорким глазом обнаружив окровавленный предмет, спускается на землю. Ничего не подозревая, птица смело вспрыгивает на шкуру и начинает пожирать мясо. Охотник под шкурой осторожно нащупывает одну из ног птицы и крепко хватает ее, обмотав свободными складками шкуры. Запасшись предварительно длинной веревкой, он быстро завязывает ее вокруг ноги кондора и, взяв другой конец в руку, появляется из-под шкуры перед удивленным пленником. Конечно, во время всей этой операции кондор бьет крыльями и изо всех сил вырывается, и, если бы охотника не защищала шкура, он мог бы потерять глаз или вообще птица истребила бы его своим сильным клювом.

Когда охотник уже как следует поймал добычу, он пропускает кожаный ремень через ноздри птицы и, хорошенько завязав его, ведет кондора с триумфом домой.

Таким же образом птицу можно держать на привязи столько времени, сколько потребуется. Сквозь ноздри пропускается веревка, другой конец которой закреплен на колышке, вбитом в землю, и пленник имеет возможность свободно ходить по кругу. Иногда, забыв, что он привязан, кондор пытается взлететь, но внезапный рывок возвращает его обратно, и при этом он всегда падает на голову.

— Но как же получается, — спросил Франсуа, — что они еще не истреблены, если на кондоров охотятся таким способом и так легко ловят их? Они такие громадные, всякий может видеть их на значительном расстоянии, и, мне кажется, к ним легко подойти; и все же существуют целые стаи этих птиц, не правда ли?

— Ты совершенно прав, — ответил Люсьен, — их еще много в Андах Чили и Перу. Мне думается, я могу объяснить это тебе. Это происходит потому, что у кондоров сеть безопасное место не только в то время, когда они выводят птенцов, но и в любое другое

время, когда им только понадобится спрятаться. Многочисленные пики Анд, где живут эти птицы, возвышаются далеко за границей вечных снегов. Кондоры гнездятся на этих вершинах, среди голых, лишенных растительности скал. Никто никогда не помышляет о том, чтобы взобраться на эти горы, и действительно, на многие из этих вершин никогда не ступала нога человека. Там нет даже каких бы то ни было животных и птиц, за исключением самих кондоров. Кондор является единственным владыкой высокогорных районов. Поэтому, в противоположность большинству других существ, эти птицы обладают убежищем, куда не может проникнуть ни один враг, и они могут выводить птенцов и выращивать их в полной безопасности. Больше того, они имеют возможность отдыхать ночью без всяких тревог, за исключением шума снежных обвалов или громких раскатов грома, часто раздающихся в этих горных районах. Но кондор совсем не боится грозы и обвалов, он их и не замечает и спокойно спит, даже когда огненная молния сверкает вокруг его гнезда.

Итак, совершенно очевидно, что птицы, обладающие безопасным убежищем, где они могут выводить свое потомство или скрыться во время опасности, нелегко подвергаются истреблению. Такие же существа, как орлы и им подобные, встречаются теперь редко, потому что места, где они выводят птенцов и где они живут, доступны не только человеку, но и множеству других врагов. С кондором дело обстоит иначе. Эта порода птиц никогда не будет истреблена, пока существуют Анды, а они, будем надеяться, еще долго продержатся!

— Какие гнезда они строят? — спросил Франсуа.

— Кондоры не строят гнезд, — отвечал Люсьен, — они выбирают впадину в скалах или в земле около скал, кладут туда два больших белых овальных яйца и высиживают их так же, как другие хищные птицы. Как это ни странно, о жизни кондоров в их высоких убежищах очень мало известно, потому что жители Сьерры редко отваживаются подняться в районы, где живут эти птицы. Они знают о кондорах только то, что могут наблюдать, когда эти большие птицы спускаются утром и вечером на плато и в заселенные горные долины в поисках пищи. В середине дня кондор обычно сидит на какой-нибудь высокой скале и спит. Если наступает холод, они иногда прилетают к жарким берегам Тихого океана, но все же эти птицы явно переносят холод лучше, чем жару.

— Королевский гриф, — продолжал Люсьен, — следующий вид, который заслуживает нашего внимания. Он тоже саркорамф и единственный представитель этого рода, за исключением кондора. Королевский гриф во многом отличается от кондора. Он не так любит горы, а больше предпочитает низкие саванны и безлесные равнины. Он предпочитает жару холоду, и его редко можно встретить где-нибудь, кроме тропиков, хотя он иногда и посещает полуостров Флорида и северные равнины Мексики, но в этих местах он является редкой перелетной птицей. Питается королевский гриф в основном падалью и мертвой рыбой, оставшейся в пересохших болотах и озерах, но он также убивает и ест змей, ящериц и маленьких млекопитающих.

Некоторые натуралисты утверждают, что во Флориде королевский гриф появляется только после пожаров в саваннах: он летит низко над землей среди пепла, выискивая и поедая змей и ящериц, сгоревших во время пожара. Таким образом, эти ученые делают вывод, что пища королевского грифа должна состоять исключительно из жареных пресмыкающихся, но, поскольку грифу не всегда удается обеспечить себя уже приготовленным кушаньем, я думаю, мы можем смело сказать, что он не откажется съесть их в сыром виде.

Королевские грифы живут парами, как и орлы, хотя их часто видят и стаями, когда они слетаются к трупу животного. Эту птицу называют «раскрашенным» грифом — из-за блестящих красок на голове и шее, которые действительно выглядят как раскрашенные. Он приобрел название «королевский гриф» не потому, что обладает какими-нибудь особыми качествами, а из-за того, что он тиранит своих простых собратьев, не подпуская их к пище, пока сам не насытится лучшими кусками. В этом отношении название «королевский» — очень подходящее, поскольку подобное поведение представляет собой поразительную аналогию с тем, как большинство королей человечества обращаются с простым народом.

— Следующий за кондором по величине, — продолжал натуралист, — и, возможно, равный ему, — большой калифорнийский гриф, или «северный кондор». Он принадлежит к роду изрыгающих грифов, Эту птицу можно назвать черной, поскольку она почти вся такого оттенка, хотя некоторые нижние перья крыла коричневые, а на концах — белые. Голая голова и шея у калифорнийского грифа красноватые, но у него нет гребня, как у кондоров и королевских грифов. Сзади на шее заостренные перья образуют что-то вроде кольца или воротника, как и у других птиц этой породы.

Калифорнийский гриф получил свое название от страны, где он обитает, — большой цепи калифорнийских гор Сьерра Невада, которые тянутся почти сплошной цепью на протяжении двадцати градусов широты. Без сомнения, он часто посещает Скалистые горы и родственные им Кордильеры в Сьерра Мадре, в Мексике. Большая птица, которую иногда видят в этих горах и считают кондором, вероятнее всего, является калифорнийским грифом. В эту ошибку очень легко впасть, так как обе птицы почти одинаковы по величине. Один из пойманных экземпляров оказался длиной в четыре фута восемь дюймов, а размах крыльев его был девять футов восемь дюймов. Это превышает даже габариты обычного кондора, и поэтому вполне возможно, что некоторые калифорнийские грифы могут быть одинаковы по величине с самыми большими южноамериканскими птицами.

Калифорнийского грифа видели на тридцать девятой параллели северной широты. Он встречается в некоторых районах Орегона, где устраивает гнезда на верхушках самых высоких деревьев; он сооружает их из толстых колючих сучьев и веток и ежевики, так же как орлы. Многие большие ели и сосны в Орегоне и Калифорнии достигают трехсот футов высоты и двадцати футов в обхвате у основания, поэтому гриф на вершинах этих деревьев находится почти в такой же безопасности, как кондор на вершине горы. Чтобы еще более обезопасить себя, гриф всегда выбирает деревья, растущие над неприступными утесами или бурными реками. Самки кладут только два яйца, почти совсем черные и размером с гусиные. Птенцы, так же как птенцы кондора, в течение многих недель покрыты пухом вместо перьев. Как и у остальных стервятников, пищу этих птиц составляет падаль или мертвая рыба, но калифорнийский гриф часто преследует раненого оленя и других животных и начинает поедать их, как только те падают. Два десятка этих птиц могут съесть оленя, лошадь или мула за один час, оставив только хорошо очищенный скелет. Пока птицы едят, они настолько сильны и смелы, что отгоняют от себя волков, собак и других животных, пытающихся тоже поживиться.

Калифорнийский гриф — пожалуй, самая пугливая и осторожная птица из всего этого рода. Он никогда не подпустит охотника на расстояние выстрела, за исключением тех случаев, когда отяжелеет от еды. Даже и тогда калифорнийского грифа очень трудно убить из-за его плотного, густого оперения. Крылья калифорнийского грифа широкие и длинные, полет свободный и грациозный — такой же, как у его сородича индюкового грифа.

— Я сказал, — продолжал Люсьен, — что натуралисты различают пять видов американских грифов. Остальных двух — индюкового и черного грифа, или, как его еще иногда называют, «черную ворону», — мы уже наблюдали. Но я думаю, что на Американском континенте существует больше чем пять видов этих птиц. В Южной Америке есть птица, под названием «гавилучо», которая, по моему мнению, является стервятником, отличающимся от всех этих птиц; и я не думаю, что «красноголовый галлиназо» Южной Америки — то же, что индюковый гриф севера. Гораздо вероятнее, что он является самостоятельной разновидностью изрыгающего грифа, ибо, хотя он и напоминает индюкового грифа по размеру и очертаниям, его оперение, как мне кажется, более черное, а кожа головы, шеи и ног более красная и производит впечатление раскрашенной.

Вот что можно рассказать о хищных птицах Америки.

Глава XXXII. УЖИН ИЗ КОСТЕЙ

Наши юные путешественники подъехали теперь к широкой тропе бизонов. Не

останавливаясь, они повернули лошадей вправо и поехали по ней. Тропа вела прямо к северу, и им было нетрудно ехать по следу, так как на несколько миль вокруг прерия была вытоптана копытами животных, а в некоторых местах, где земля была мягче и более глинистая, казалось, что ее перепахали плугом. Там, где прочный травяной покров все же оставался, трава была так притоптана, что следы были хорошо видны. Поэтому, уже не беспокоясь о направлении, маленький отряд быстро ехал вперед в надежде догнать бизонов.

Но их мечты сбылись не так скоро. Бизоны двигались на север, совершая свое ежегодное переселение, и, так как они все время шли очень быстро, почти не останавливаясь, чтобы отдохнуть или попасться, их было нелегко догнать. На ночь путешественники вынуждены были сворачивать с тропы, чтобы предоставить своим животным возможность пощипать траву, ибо на протяжении по меньшей мере четырех миль вокруг по пути следования бизонов не осталось ни травинки.

У отряда появилась теперь другая забота, которая лишала их спокойствия. В конце второго дня пути запас вяленого медвежьего мяса истощился — его не осталось ни унции, и мальчики легли спать голодные, без ужина. Еще больше беспокоило то, что они проезжали сейчас по такой местности, где совершенно отсутствовала дичь и где нельзя было встретить никаких других животных, кроме бизонов, иногда антилоп или вездесущих койотов. Это был район на редкость пустынный, хотя сухие равнины сплошь заросли знаменитой «бизоновой травой», которая является излюбленной пищей этого дикого скота. Что касается антилоп, они любят свое пустынное уединение, так как широкие просторы дают им возможность на своих необычайно быстрых ногах убежать от любого врага. Но в этих местах антилопы особенно робки, и, хотя несколько их попало юным охотникам по дороге, мальчики тщетно пытались приблизиться к животным на расстояние выстрела.

Койотов они могли бы подстрелить, но наши путешественники еще не были доведены до такого состояния, чтобы утолять голод мясом этих грязных, похожих на лис существ. Не было сомнения, что по пятам стада бизонов следовали большие стаи койотов. Время от времени наши охотники видели доказательства этого в виде обглоданных скелетов бизонов, которые лежали на тропе. Мальчики знали, что это те бизоны, которые, заболев, отстали от стада. Подобные случаи происходят частенько во время переселения больших стад: или одного быка забодает другой, или бизон ослабеет от старости или болезни. Если бы не это, койоты никогда не следовали бы за стадами, потому что бизон, когда он здоров, может разогнать целую стаю этих жалких трусов.

Надежда на то, что старые и слабые отстанут от своих, что кто-нибудь из них завянет в трясине илистой реки или утонет, переправляясь, что отстанет самка из-за своих телят или что сам теленок замешкается, остановившись пососать мать, — все это заставляет стаю койотов идти по пятам большого стада на протяжении сотен миль. Некоторые из койотов, видимо, не имеют даже постоянного места для оседлой жизни, а так и плетутся за бизонами в течение всей кочевки.

Я сказал, что на вторую ночь после того, как наши путешественники покинули холм, они легли спать без ужина. На третий день их уже сильно начал мучить голод. На диких, пустынных равнинах, которые расстились перед ними без конца и края, не видно было ни зверя, ни птицы.

Около полудня, когда они пробирались сквозь заросли шалфея, перед ними появились две птицы — шалфейные петухи, или степные куропатки, самые крупные из всего семейства куропаток. Франсуа, у которого всегда было наготове ружье, выстрелил в них, но они были слишком далеко и быстро скрылись за холмами.

Вид куропаток только раздражил неудачливых охотников, и муки голода стали невыносимы. Мальчики поняли, что у них нет никакой возможности добыть хоть какую-нибудь еду, пока они не настигнут бизонов. Это была их единственная надежда, и мальчики, снова прищпорив коней, поскакали со всей скоростью, на какую только были способны животные.

К ночи голод еще усилился, и глаза всех троих начали то и дело останавливаться на

Жаннет и собаке Маренго. Юные путешественники стали подумывать о том, что одним из этих животных придется пожертвовать. Это был бы печальный выход из положения, поскольку на обоих — на мула и на собаку — смотрели почти как на товарищей. Оба верой и правдой служили во все время экспедиции. Если бы не Маренго, может быть, они никогда не нашли бы Франсуа, а Жаннет, помимо того, что хорошо выполняла свой долг, спасла их от одного из кугуаров. Наши путешественники должны были забыть все заслуги своих животных перед угрозой голодной смерти и начали серьезно говорить о том, кем из двоих верных слуг придется пожертвовать.

Базиллю не хотелось расставаться с собакой, которая много лет была его любимицей и стала дорога всем им после стольких приключений. Поведение Маренго, когда потерялся Франсуа, польза, которую он приносил, будучи сторожем у многочисленных одиноких костров, и другие полезные услуги — все это сильно привязало к Маренго его юных хозяев, и они скорее вытерпели бы самый страшный голод, чем пожертвовали бы собакой. А Жаннет была всего только мулом — правда, эгоистичным, злым, лягающим мулом, — но для мальчиков она была полезным животным и никогда не обидела бы никого из них, хотя с удовольствием лягнула бы весь остальной мир. Все же к Жаннет они скорее питали чувство благодарности, чем любви; их отношение к Маренго было совсем иным.

Приняв во внимание эти соображения наших голодных охотников, легко догадаться о результате их раздумья. Приговор был наконец вынесен — единогласный приговор: Жаннет должна умереть!

Бедная старушка Жаннет! Она и не догадывалась, о чем велись переговоры; она не догадывалась, что ее дни уже почти сочтены, что недалеко то время, когда она больше не будет возить поклажу. Она не подозревала, что скоро, может быть, ее копыта в последний раз застучат по прерии, что через несколько часов она истечет кровью и ее старые ребра будут жариться и трещать на костре!

Да, было решено, что Жаннет должна умереть! Но не решили еще, когда и где должна произойти эта трагедия. Конечно, во время первого привала. Но где его устроить? Юные охотники ехали еще долгие мили, не находя подходящего места для ночлега. Не видно было никакой воды, а без воды они не могли делать привал.

Рано утром путешественники очутились в какой-то новой местности, куда их привела тропа бизонов. Это место являлось частью прерии и представляло собой цепь низких холмов из чистого гипса. Холмы простирались вокруг насколько хватал глаз, и все сверкало белизной алебаstra. Ничто не нарушало однообразия ландшафта: ни растение, ни деревце, ни малейший признак какой бы то ни было жизни. Куда бы юные охотники ни повернули, они видели лишь известковую поверхность холма или долины, молочная белизна которых резала глаза. Солнце, отражаемое этой белой поверхностью, пронизывало тела мальчиков и немилосердно палило, вызывая страшную жажду. Они дышали воздухом, наполненным гипсовой пылью, поднятой стадом бизонов. Гипс превратился в тончайший порошок, так и стоявший в воздухе. От этого еще больше хотелось пить, и уже трудно было сказать, от чего они страдали больше — от голода или жажды.

Охотники не могли представить себе, как далеко тянутся эти холмы. Люсьен слышал, что такие образования иногда простираются на многие мили. Если это так, то им никогда не пересечь эти холмы. И мальчики и их животные мучились жаждой и были совершенно изнурены. Юных охотников стали одолевать мрачные предчувствия. Пить хотелось даже больше, чем есть, так как муки жажды выносить еще труднее.

Держа направление по следам бизонов, наши путешественники мрачно продолжали свой путь, окруженные белым облаком, которое окутывало их на протяжении всего этого изнурительного пути. Им нетрудно было идти по следу. Густая пыль указывала, где прошло стадо, а попадавшиеся время от времени круглые углубления свидетельствовали о том, что это были «бизоновы ямы», где валялись бизоны.

Надежда, что эти животные, руководимые своим обычным инстинктом, идут по направлению к воде, до некоторой степени поддерживала наших путешественников в их

трудном положении.

На землю спускались вечерние тени, и алебастровые холмы становились пепельно-синими, когда маленькая кавалькада выехала из пыльных гипсовых лощин и снова вступила в зеленую прерию. Местность по-прежнему оставалась холмистой, но они ехали по хорошо заметному следу, и их животные ступали бодрее, будто у них появилась новая надежда, после того как они увидели траву.

В ландшафте, который был перед ними, заключалось что-то такое, что заставляло верить в близость воды. Так оно и оказалось, ибо, поднявшись на гребень небольшого холма, по которому вела дорога бизонов, внизу, в долине, они обнаружили небольшой ручей. При виде ручья Жаннет и все три лошади наострили уши, напрягли последние силы и скоро стояли уже у подножия холма, по колено в воде.

По счастью, это оказался ручей с пресной водой. Если бы он был соленый — а такие часто встречаются в местностях с гипсовыми образованиями, — путешественники уже не смогли бы двигаться дальше и все погибли бы на его берегах.

Но это была пресная вода, прохладная и чистая, и мальчики сначала напились сами, а затем стали купаться в ручье, пока не смыли с себя раздражающую гипсовую пыль. После этого они начали готовиться к ночлегу.

Мальчики вволю напились воды. Это до некоторой степени облегчило муки голода, и они стали подумывать, нельзя ли дать Жаннет небольшую отсрочку, хотя бы до утра. Раздумывая над этим, братья заметили, что Маренго куда-то исчез. Охотники огляделись, удивляясь, что с ним стало и куда он ушел. Они обнаружили собаку недалеко от ручья: Маренго был явно занят чем-то на берегу. Все трое побежали к нему. Подойдя ближе, они увидели, что Маренго возится со скелетом большого бизона. Бедное голодное животное могло только лизать скелет, так как волки не оставили на нем ни кусочка мяса. Даже куски изодранной шкуры, лежащие вокруг, были все изжеваны этими прожорливыми животными, а кости выглядели так, будто их обскоблили ножом. Если бы анатому велели приготовить скелет для музея, он не смог бы очистить его лучше.

Глядеть на скелет, ни на что не пригодный, было не очень весело, и мальчики уже собирались вернуться в свой лагерь, когда Люсьена осенила мысль, что из костей можно, по крайней мере, сварить суп.

Это была счастливая мысль. Без сомнения, из свежих и еще не высохших костей получится отличный бульон. Все трое сразу взялись за приготовления. Франсуа собирал пучки шалфея, чтобы развести костер, а Базиль вооружился маленьким томагавком Люсьена и принялся рубить скелет. Люсьен, увидев на берегу ручья какие-то растения, спустился вниз, чтобы рассмотреть их как следует в надежде найти дикий лук или хлебный корень, а может быть, и какие-нибудь другие овощи, которыми можно будет приправить бульон.

Все трое занимались каждый своим делом, как вдруг внимание братьев привлекло восклицание Базиля. Это был крик радости, за которым последовал дикий смех, похожий на смех сумасшедшего.

Франсуа и Люсьен с испугом подняли глаза, думая, что случилось несчастье: они не могли понять, почему Базиль громко смеется в такое время, при таких мрачных обстоятельствах. Поглядев на него, они увидели, что он продолжает смеяться, размахивая над головой томагавком, будто торжествуя.

— Идите сюда, Франсуа, Люс! — кричал он. — Идите сюда! Ха-ха-ха! Вот ужин для трех голодных! Ха-ха-ха! Какие же мы бестолковые! Мы глупы, как осел, который предпочел есть сено, когда рядом лежал хлеб с маслом. Посмотрите сюда, и сюда, и сюда! Вот вам ужин! Ха-ха-ха!

Люсьен и Франсуа подошли к нему и, видя, что Базиль указывает на большую кость бизона и поворачивает ее во все стороны, сразу поняли причину его веселья: кости были полны мозга.

— Целые фунты мозга! — продолжал Базиль. — Самое лакомое из всего бизона! Его хватит на ужин дюжине таких, как мы, а мы собирались ложиться спать голодные или, еще

того хуже, умереть от голода посреди изобилия! И мы ехали три дня среди таких сокровищ! Да мы заслуживаем того, чтобы умереть с голоду за такую глупость!.. Ну, помогите же мне отнести эти кости к костру — я покажу вам, как приготовить ужин.

В бизоне восемь мозговых костей, содержащих несколько фунтов этого вещества. Как Базиль слышал от старых охотников, костный мозг бизона считается самой вкусной частью животного, и его редко оставляют, убив бизона. Лучший способ приготовления — просто испечь мозг в кости, хотя индейцы и трапперы часто едят его и сырым. Желудки наших юных охотников были недостаточно крепки для этого, и две кости задних ног были брошены в костер и засыпаны горячей золой.

Через некоторое время было решено, что мозг достаточно испекся. Кости раскололи томагавком Люсьена, вынули оттуда вкусный мозг, съели его с большим удовольствием и запили холодной водой. Теперь у костра мальчиков-охотников жажда и голод рассматривались как дело прошлое. Жаннет была единогласно помилована.

Атмосфера бодрости и надежды снова окружила наших путешественников. В оставшихся костях было еще достаточно мозга, чтобы им хватило по меньшей мере на два дня, так как этот мозг — очень питательный продукт. Больше того, идя по следу бизонов, юные охотники наверняка обнаружат и другие скелеты этих животных, и братьям больше не надо волноваться, что им не хватит пищи. Их радостное настроение усилило еще одно открытие. Они сразу же, как только подошли к скелету, увидели, что кости свежие. Волки только что ушли — следовательно, бизон был убит совсем недавно, и, значит, стадо недалеко.

Все это вселило в мальчиков бодрость, и некоторое время они сидели вокруг костра, делясь своими мыслями и обсуждая планы на будущее.

Затем они завернулись в одеяла и, несмотря на то, что начался проливной дождь, крепко уснули.

Глава XXXIII. БОЙ БЫКОВ

На следующее утро мальчики встали едва рассвело. Они чувствовали себя освеженными и бодрыми. Их животные тоже были в хорошем состоянии, так как поели сочной травы. Жаннет прыгала, натягивая привязь, и все старалась брыкнуть Кошку — лошадку Франсуа, и обязательно сделала бы это, если бы ее не удерживало лассо. Жаннет и не подозревала, как близка она была недавно к тому, чтобы прекратить свои прыжки навеки; ей не приходило в голову, что эта печальная необходимость может возникнуть снова. Знай это, она, вероятно, вела бы себя более степенно, но Жаннет была в полном неведении относительно своей участи, и, сытно поев и вволю напившись, была шаловлива, как котенок.

Разожгли костер, и новая мозговая кость уже дымилась и шипела среди пылающих сучьев. Кость скоро вытащили из огня, разрубили, и ее богатое содержимое разделили и съели. Оставшиеся кости упаковали и навьючили на Жаннет. Оседлав лошадей, охотники вскочили в седла и весело поехали по следу.

Они проезжали сейчас по так называемой «холмистой прерии», то есть местности без деревьев, но далеко не ровной. Прерия вовсе не всегда представляет собой гладкую равнину, как предполагают некоторые. Наоборот, ее поверхность очень часто неровная, с высокими холмами и глубокими долинами. Слово «прерия» означает «открытая ровная местность», хотя вовсе не обязательно, что она должна быть абсолютно горизонтально ровной. В прерии встречаются холмы, долины и горные кряжи. Также вовсе не обязательно, чтобы прерия была совершенно лишена деревьев, ибо существуют «лесистые прерии», где деревья растут купами; иногда эти купы называют «островками», так как они напоминают покрытые лесом острова в море. Слово «прерия» употребляется, чтобы отличить широкие, похожие на луг участки земли от леса, горы и океана. Сами прерии носят различные специфические названия, в зависимости от того, чем покрыта их поверхность. Мы уже видели, что существуют «лесистые прерии» и «цветущие прерии». Простые охотники обычно называют

«цветущие прерии» «сорняковыми». Обширные зеленые луга, поросшие бизоной или какой-нибудь другой кормовой травой, называются «травяными прериями». Участки с солончаками, которые часто тянутся на десятки миль в длину и ширину, называются «солеными прериями», а несколько похожие на них пространства, где поверхность земли покрыта содой, называются «содовой прерией». Существуют и необъятные равнины без всякой растительности, если не считать кустов дикого шалфея. Это «шалфейные прерии»; в центральной части Северной Америки они простираются на сотни миль. Есть прерии «песчаные», есть «скалистые», где бесплодная земля покрыта обломками скал и галькой. Еще есть разновидность, которую называют «прериями, изрытыми свиньями», где на мили кругом поверхность земли неровная, как будто в далекие времена ее действительно рыли свиньи.

Большинство этих названий было придумано трапперами — истинными пионерами диких, неисследованных районов. Кто имеет равные с ними права! Ученые могут изучать прерии, топографы могут путешествовать по ним в безопасности, под охраной. Они могут объявить себя открывателями ущелий и равнин, гор и рек, фауны и флоры; на своих картах они могут давать им имена — сначала свои собственные, затем своих патронов, затем друзей и, наконец, своих любимых собак и лошадей. Они могут давать высоким горам и величественным рекам такие имена, как Смит и Джонс, Фремонт и Станбюри. Но люди, которые мыслят справедливо, и даже сами простые, притесняемые трапперы будут насмехаться над таким научным самодовольством.

Я уважаю имена, которые дали трапперы этой далекой земле. Многие из этих имен, так же как и названия, данные индейцами, выражают самую природу, и немало рек, гор и равнин получило крещение кровью этих храбрых пионеров.

Мы сказали, что наши путешественники ехали теперь по «холмистой прерии». Поверхность земли представляла собой широкие кряжи и низины. Вы видели когда-нибудь океан после шторма? Знаете ли вы, что такое «мертвая зыбь»? Когда море вздымается огромными гладкими валами, без гребня или пены, а между ними разверзаются глубокие пропасти; когда буря перестала завывать и ветер больше не дует, но поверхность могучих глубин еще так неровна, так опасны эти гладкие волны, что корабли качает и швыряет во все стороны, мачты ломаются и суда терпят бедствие, — вот это матросы называют «мертвой зыбью». А теперь, если вы вообразите себе, что такое бурное море вдруг остановилось в своем движении и вода превратилась в твердую землю, покрытую зеленой травой, вы получите нечто похожее на «холмистую прерию». Некоторые предполагают, что, когда эти прерии образовывались, действительно происходило подобное волнообразное движение вследствие землетрясения и что земля вдруг перестала сотрясаться, остановилась и застыла. Это интересная тема для размышления ученого-геолога.

Кряжи прерии, по которой путешествовали наши охотники, тянулись с востока на запад, и долины, конечно, шли в этом же направлении. Путь мальчиков лежал на север, поэтому тропинка, по которой они ехали, представляла собой беспрерывные подъемы и спуски.

Жадно глядя перед собой, внимательно осматривая все долины и низины прерии при каждом новом подъеме, охотники ехали вперед, полные надежды, что они скоро увидят бизонов. Но они не были подготовлены к той картине, которая скоро предстала перед ними, — картине, которая, как можно было бы предположить, должна была обрадовать их, но которая, наоборот, возбудила в них чувство, близкое к ужасу.

Мальчики-охотники только что поднялись на один из кряжей, с которого открывался вид на долину внизу. Это была маленькая глубокая долина, почти круглая, покрытая зеленой травой. С одной стороны бил родник; его воды текли по краям долины почти по кругу и затем терялись в низинах прерии. Течение ручья можно было проследить по низким деревьям, тополям и ивам, обрамляющим его берега; таким образом, центральная часть долины представляла собой небольшой округлый луг, окаймленный деревьями.

На этом лугу перед глазами наших путешественников предстало такое зрелище, при

виде которого они сразу остановились и стали глядеть вниз в необыкновенном волнении.

Там яростно сражались несколько животных. Их было не больше дюжины. То были крупные животные, свирепые и яростные; они так ожесточенно нападали друг на друга, что вся поверхность земли вокруг была взрыта их копытами. Эта беспорядочная борьба происходила на середине луга, на открытой местности; трудно было выбрать лучше место для такого спектакля, если животные хотели собрать большое количество зрителей. Сама долина, окруженная холмами, напоминала амфитеатр, а гладкая поверхность луга являлась как бы ареной для боя быков. Однако сражающиеся бились отчаянно не для того, чтобы развлечь праздную толпу; они и не предполагали, что здесь присутствуют зрители. Бой шел не на шутку. Злобный рев, когда противники насакивали друг на друга, громкий стук, когда они стлкнувались головами, — все доказывало, что борьба велась отчаянная.

Что животные эти бизоны, стало ясно с первого взгляда. Их огромный размер, львиная форма тела, а самое главное — мычание, которое напоминало рев разъяренных быков, убеждали наших юных охотников, что это старые быки-бизоны, проводившие один из своих грозных «турниров».

Я сказал, что наши охотники, взглянув на них, почувствовали страх. Но почему? Что было в этих бизонах, чтобы напугать мальчиков, раз они именно их и искали так давно? Злобное поведение животных или их громкой рев? Нет, не это, и мальчики чувствовали скорее не страх, а я сказал бы — благоговейный ужас: ведь это были белые бизоны!

Вы спросите, почему это должно было возбудить ужас? Разве не белый бизон является целью их экспедиции? Разве вид белого бизона не должен был скорее обрадовать, чем испугать охотников? Да, вид одного белого бизона обрадовал бы их, но вид многих, почти дюжины этих животных вместе — загадочное зрелище, неслыханная вещь! Вот что заставило затрепетать наших путешественников.

Прошло несколько минут, прежде чем все трое обрели дар речи и смогли вслух выразить свое изумление. Юные охотники сидели молча, глядя на долину. Они не верили своим глазам. Прикрыв ладонями глаза от солнца, мальчики все смотрели и смотрели. Наконец они увидели, что зрение не обманывает их: да, это бизоны и, кроме того, белые!

Не все были чисто белые, но большинство из них. Головы и ноги некоторых были темнее, но на боках виднелись широкие белые полосы, что делало их окраску пестрой. Однако основной цвет был беловатый, — и, как это ни странно, во всем стаде не было ни одного черного или бурого бизона. Ни одного бизона знакомой мальчикам обычной окраски! Это-то и производило впечатление загадочности.

Однако мальчики скоро овладели собой. Не оставалось сомнений, что они напали на стадо белых бизонов. Может быть, думали они, в конце концов нет ничего необычного в том, что такое количество белых бизонов объединилось вместе. Может быть, животные этого цвета, так редко встречающиеся, обычно собираются вместе и держатся отдельно от темных... Лучшего нельзя было и желать! Если братьям посчастливится убить одного из них, это будет все, что им надо. Цель их экспедиции будет достигнута, и им ничего больше не останется, как повернуть и кратчайшим путем ехать домой. Они стали ломать голову над тем, как подстрелить или поймать одного или нескольких бизонов из стада.

И вот план придуман. Бизоны, продолжая яростно сражаться, еще не заметили их и вряд ли заметят. Поэтому охотники решили, что двое из них останутся на лошадях, чтобы догнать животных, в то время как третий попытается приблизиться к ним пешком и, хорошенько прицелившись, выстрелит, прежде чем бизоны заметят его, а затем присоединится к погоне. Это было поручено Базилу. Сойдя с лошади и взяв свое верное ружье, он пополз в долину. Люсьен и Франсуа, не сходя с лошадей, оставались на гребне.

Базиль достиг зарослей ивняка незамеченным и, осторожно прокраившись вперед, оказался меньше чем в пятидесяти шагах от бизонов. Животные все еще носились туда и сюда, поднимая облака пыли, и яростно ревели, то расходясь, то снова сталкиваясь головами с таким треском, будто разбивались их черепа.

Охотник ждал, пока один из наиболее больших белых бизонов подойдет поближе, и

затем, прицелившись ему под лопатку, выстрелил. Огромное животное упало. Остальные, услышав выстрел и почуяв присутствие врага, сейчас же кончили сражаться, кинулись через заросли, взобрались на кряж и побежали в прерию.

Даже не взглянув на подстреленного им бизона, Базиль побежал к своей лошади, которая по его зову прискакала к нему.

Франсуа и Люсьен уже преследовали убегающее стадо, и Базиль, поспешно вскочив в седло, понесся за ними. Через несколько минут три мальчика поравнялись с бизонами. Затрещали ружейные и пистолетные выстрелы. Скоро были выпущены все заряды. Но хотя ни одна пуля не миновала животных, они продолжали мчаться вперед, будто никто из них и не был ранен. Еще не успев перезарядить ружья, охотники с огорчением увидели, что все стадо уже далеко в прерии и мчится, не убавляя скорости бега.

Поняв, что им не догнать бизонов, мальчики повернули лошадей и поехали обратно, чтобы захватить хотя бы того, которого подстрелил Базиль раньше. Наши охотники знали, что бизон еще находится в долине. Все трое видели его распростертым на земле и были уверены, что, по крайней мере, этот бизон не уйдет от них. А больше им ничего и не нужно было.

Каково же было их изумление, когда, взобравшись на кряж над долиной, они увидели, что бизон снова на ногах, а его окружает около двадцати рычащих и щелкающих зубами волков! Волки наскакивали на него со всех сторон, а раненый бык изворачивался, все время стараясь отогнать их рогами. Несколько волков уже валялись на земле мертвые, но их товарищи продолжали атаку с неослабевающей яростью. Глаза бизона метали искры, и, поворачиваясь то вправо, то влево, он старался держать противников перед собой.

Однако было ясно, что волки одерживают верх и, если их предоставить самим себе, скоро свалят бизона. Наши охотники сначала думали дать им эту возможность, но вдруг сообразили, что волки могут испортить шкуру. Разъяренные, они изорвут шкуру в куски своими клыками. Мальчики поскакали вниз, в долину, и окружили бизона. Волки разбежались, и огромный бык, обнаружив новых врагов, стал наскакивать то на одного, то на другого, стремясь поддеть лошадей на рога. С большим трудом мальчикам удавалось избежать столкновения с ним, но в конце концов меткий выстрел Базиля попал в сердце животного. Тщетно стараясь удержаться на широко расставленных ногах и закачавшись из стороны в сторону, бык упал на колени и лежал неподвижно. Из рта его текла струя крови. Через несколько минут он был мертв.

Убедившись в этом, наши охотники соскочили с лошадей, вытащили охотничьи ножи и устремились к своей жертве. Можете себе представить их изумление и отчаяние, когда, подойдя ближе, они обнаружили, что животное, которого они принимали за белого бизона, было совсем не белым, а черным и просто окрашенным в белый цвет! Да, именно так, сомнений в том не было. Все тело четвероногого великана было покрыто гипсовым слоем, и, когда они провели руками по длинной шерсти, на пальцах у них осталось белое вещество, напоминающее толченый мел.

Объяснение этому было очень скоро найдено. Мальчики вспомнили гипсовые холмы, которые проезжали накануне; вспомнили также, что ночью шел дождь. Бизоны находились среди холмов и, по своей привычке, катались и валялись в сырой пыли. Белая алебастровая пыль прилипла к их шкурам, придав им тот цвет, который обманул и озадачил наших охотников.

— Ну что ж, — воскликнул Базиль, толкая ногой тело мертвого бизона, — и черный бизон нам пригодится! По крайней мере, у нас будет свежее мясо на обед, и давайте пока этим и утешимся.

Сказав это, Базиль жестом пригласил братьев помочь ему, и все трое принялись свежевать тушу бизона.

Глава XXXIV. ТАИНСТВЕННЫЙ МЕШОЧЕК

В тот день наши охотники впервые ели на обед свежее мясо бизона. После обеда они тоже не сидели без дела, а вечером сушили над огнем мясо. Они решили остаться на ночь здесь, а утром снова двинуться по следу. Поэтому они трудились до позднего вечера и заготовили себе продовольствия на несколько дней.

Близилась полночь, когда мальчики стали ложиться спать. Как и раньше, они решили по очереди дежурить, чтобы не подпустить волков к мясу.

Лагерь юных охотников был на открытой местности, недалеко от того места, где они разделявали тушу бизона. На некотором расстоянии паслись их животные. Волков собралось много, и степных и больших серых. Запах жарившегося мяса привлек их издалека, и всю ночь они завывали и бродили вокруг лагеря.

Франсуа дежурил первым, Люсьен — вторым, затем шла очередь Базиля, и он должен был дежурить до рассвета, а потом разбудить братьев, чтобы пораньше собрать вещи и пуститься в дорогу. Они не хотели терять ни минуты, так как знали, что с каждым часом стадо будет уходить от них все дальше и дальше и преследование тогда очень затянется.

Дежурство Базиля было долгим; так как они улеглись поздно, мальчик очень хотел спать и поэтому не был дружелюбно настроен по отношению к волкам, из-за которых ему приходилось теперь бодрствовать. По временам, когда Базиль видел, как волки мелькают в темноте, он не мог сдержать гневных восклицаний и решил, что, как только наступит утро, он разрядит ружье в одного из волков стаи, чтобы хоть как-нибудь дать выход своим чувствам.

После трехчасового дежурства Базиль наконец увидел на востоке первые лучи солнца.

«К тому времени, как мы приготовим завтрак, — подумал Базиль, — станет уже достаточно светло: можно будет отправляться в путь. Пора будить Франсуа и Люса. Для разнообразия дам-ка я им сигнал к подъему выстрелом. Вот сейчас выберу самого большого из этих подлых волков... Хоть одного из них навсегда отучу от того, чтобы не давать спать людям!»

Базиль приподнялся на коленях и оглянулся, намечая себе жертву.

Как ни странно, койоты будто догадались о его намерении и разбежались от костра. Но некоторых из них можно было еще видеть под деревьями. Базиль выбрал одного, который при слабом свете казался здоровенным серым волком, и, наведя ружье, выстрелил в него. Охотник не очень заботился о том, убьет он животное или нет, и стрелял небрежно.

Вслед за выстрелом послышался громкий крик, которому ответили десятки других голосов со всех сторон долины. Крик разбудил спящих Франсуа и Люсьена.

Братья вскочили на ноги. Это не был волчий вой, нет, это был крик совсем другого рода. Это был вопль человеческих голосов — военный клич индейцев!

Братья молча стояли, объятые ужасом, но, даже если бы они и могли говорить, у них едва ли хватило бы времени на то, чтобы вымолвить хоть слово, ибо почти тут же на мальчиков набросились какие-то темные фигуры, и в следующее мгновение их окружили пятьдесят высоких индейцев. Базиль, стоявший дальше других от костра, упал без чувств, оглушенный ударом, и в это время Люсьена и Франсуа, которые не успели и подумать о том, чтобы взяться за ружья, уже схватили и крепко держали мускулистые руки индейцев. По счастью, братья не сопротивлялись, иначе индейцы убили бы всех троих на месте. А теперь индейцы, казалось, были в нерешительности — оставить мальчиков в живых или убить, ведь это Базиль принял одного из них за волка и ранил, что, конечно, сильно рассердило их. Однако, приняв во внимание, что силы противника очень малы и что мальчики не оказали сопротивления, индейцы оставили мысль о том, чтобы убить их на месте, а связали им руки сзади, посадили на лошадей и, захватив их ружья и одеяла, повезли юных охотников из долины.

Вскоре индейцы достигли места, где были привязаны их собственные лошади. Здесь они на минуту задержались. Каждый из них вскочил в седло, и затем весь отряд вместе с пленниками быстро поскакал по прерии.

Примерно через час они подъехали к большому лагерю, расположенному на берегу

широкой мелководной реки. На равнине стояло около сотни жилищ. На земле валялись рога и шкуры бизонов, а на шестах перед каждым жилищем висело много бизоньего мяса. Тут были и костры, и походные котелки, и всякая утварь, собаки и лошади, женщины и дети — все вперемешку двигались взад и вперед между шалашами.

Пленников бросили на землю перед лагерем, неподалеку от берега. Индейцы оставили их, но мальчиков сразу окружила толпа кричащих женщин и детей. Сначала они с любопытством рассматривали пленников, но, услышав, что один из индейцев ранен, начали издавать ужасные, пронзительные крики и приблизились к пленникам, угрожая им взглядами и жестами. Они начали тянуть беззащитных мальчиков за волосы и за уши, колоть им руки и плечи остриями стрел. Затем несколько женщин схватили мальчиков, потащили их в реку и стали окунать в воду, долго держа головы пленников под водой. Бедные мальчики думали, что их хотят утопить, но так как они были связаны, то не могли даже сделать попытку высвободиться. Однако утопить их не входило в намерения женщин, они просто хотели поугатать своих пленников и скоро снова вытащили мальчиков на берег и бросили их мокрых на траву.

Но что все это время делал Базиль? Разве он не обладал амулетом, который положил бы конец их мучениям и превратил бы индейцев из жестоких врагов в друзей? Бедный Базиль, он страдал больше всех! Я сейчас расскажу вам, как обстояло дело.

Когда на мальчиков напали индейцы, Базиля оглушили ударом томагавка по голове. Он упал без чувств и, хотя потом настолько пришел в себя, что мог ехать на лошади в индейский лагерь, окончательно очнулся лишь тогда, когда его погрузили в холодную реку. Как только сознание вернулось к Базилю, он вспомнил о том, что хранилось у него на груди. Братья все время напоминали ему об этом, горячо умоляя его применить секретное средство, о котором никто из них ничего толком не знал. Но все это время Базиль, оглушенный ударом, едва сознавал, что делал. Теперь он пришел в себя и старался дотянуться до шнурка и достать из-за ворота рубашки вышитый мешочек. Так как руки его были связаны сзади, он ничего не мог сделать. Базиль попробовал дотянуться до шнурка ртом; все его усилия были тщетны. Тогда Базиль повернулся к братьям, чтобы они помогли ему в этом. Но братьев уже не было рядом — женщины оттащили их далеко от него; ноги и руки Люсьена и Франсуа тоже были связаны, и они не могли сдвинуться с места. Базиль с отчаянием наблюдал все это. Судя по жестокому обращению, которому они подвергались, и по возбужденному, гневному поведению индейцев, он начал бояться худшего и сомневаться даже, поможет ли им амулет. Базиль напрягал все силы, чтобы достать мешочек, но у него ничего не получалось, и он стал делать знаки окружающим его женщинам, кивая головой и указывая глазами себе на грудь. Однако они не поняли, что он имел в виду, и только смеялись над этой, с их точки зрения, комической пантомимой.

Во время всей этой сцены индейцы-мужчины стояли в стороне, разговаривая и явно раздумывая над тем, как поступить с пленниками. Некоторые индейцы были сердиты и возбуждены. Они говорили громко, сильно жестикулируя, время от времени указывая на ровную площадку против лагеря. Среди этих громко разговаривающих индейцев был и тот, кого ранил Базиль, — у него была перевязана рука. Это был некрасивый, свирепого вида индеец, и, хотя мальчики не понимали ни слова из всего, что говорилось, они догадались, что он настроен по отношению к ним враждебно. К своему ужасу, они вдруг увидели, что он и его приверженцы одержали верх, и все остальные, казалось, наконец согласились.

Какое же индейцы приняли решение? Неужели они собираются убить их?

Мучимые ужасными предположениями, братья с волнением наблюдали за малейшим движением в лагере.

Вдруг они увидели, что каждый индеец вооружился луком, а двое из них принесли большой столб и врыли его в землю. О Боже! Страшная истина стала очевидной: индейцы намеревались привязать пленников к столбу и использовать их в качестве мишени для стрел. Мальчики слышали, что это распространенный обычай среди индейцев по отношению к пленным.

У каждого из братьев вырвался крик ужаса, когда они поняли смысл страшных приготовлений. Они даже не могли крикнуть что-нибудь друг другу, их слова потонули в воплях женщин и детей, которые прыгали и танцевали вокруг в явном восторге от перспективы ужасного спектакля, на котором они должны были присутствовать.

По счастью, Базиль был избран первой жертвой. Ему, очевидно, отдали предпочтение потому, что он был крупнее и старше остальных. Два индейца грубо схватили его и потащили к столбу, на ходу стаскивая с мальчика одежду, так как обнаженное тело было лучшей мишенью.

Как только индейцы ослабили веревки на руках и стащили с Базиля рубашку, внимание их привлек вышитый мешочек. Один из них схватил его и вынул содержимое; это оказалась чашечка трубки из красной глины — знаменитого мыльного камня. Как только индеец увидел трубку, он издал непонятное восклицание и передал трубку своему товарищу. Тот взял ее в руки, издал такое же восклицание и побежал к толпе индейцев. Трубка стала переходить из рук в руки; индейцы разглядывали ее и говорили что-то. Один индеец, казалось, был взволнован больше других. Посмотрев на трубку, он поспешно подбежал к Базилю; остальные последовали за ним.

Этого-то и ждал Базиль. Когда индейцы остановились перед ним, указывая на трубку и будто ожидая объяснения, мальчик, руки которого были теперь свободны, тщательно и хладнокровно сделал несколько знаков, которым его научил отец. Индеец сразу понял эти знаки, кинулся вперед, развязал веревки, опутывавшие ноги Базиля, и, поставив его на ноги, обнял с дружелюбными восклицаниями. Остальные индейцы теперь подошли к мальчику и стали жать ему руки, а некоторые из них побежали к Люсьену и Франсуа и немедленно освободили их.

Всех трех братьев привели в один из шалашей, одели в сухую одежду и быстро приготовили им угощение. Таким образом, враги, которые минуту назад собирались подвергнуть юных охотников жесточайшей смерти, теперь, казалось, состязались друг с другом в том, кто окажет мальчикам больше почестей. Однако тот индеец, который больше всех заинтересовался чашечкой трубки, получил разрешение быть главным в обслуживании мальчиков, и в его-то шалаш и привели наших путешественников.

Вам, конечно, не терпится узнать, что же могло заключаться в простой трубке, что произвело такое внезапное и сильное впечатление на индейца. Я сейчас расскажу вам об этом, по возможности коротко.

Вы, разумеется, слышали о знаменитом вожде племени шауни — Текумсе, величайшем воине и замечательном индейском политическом деятеле. Вы, может быть, также слышали, что во время последней войны между Англией и Соединенными Штатами Текумсе, воспользовавшись разногласиями между этими странами, пытался поднять индейцев на всеобщее восстание, чтобы изгнать всех белых из Америки. У Текумсе был брат Элсветова, больше известный под именем «Пророк». Он, так же как и сам вождь, горел желанием осуществить их великий замысел и с этой целью посещал все племена индейцев западной части Америки. Это был человек, обладающий большим даром красноречия, и его везде принимали дружески. Дело, за которое он боролся, было дорого всем индейцам, и Элсветову, конечно, внимательно слушали.

Он выкуривал «трубку мира» с каждым племенем. И вот эта-то самая «трубка мира», которую курил Пророк во время всех своих странствий, и оказалась у Базиля. По причудливым узорам и иероглифам, вырезанным на ней, ее сразу узнали эти индейцы, которые были из племени оседжи; это племя принадлежало к числу тех, которые в свое время посетил Пророк.

Но вы спросите, как эта «трубка мира» попала к отцу Базиля и почему обладание ею обеспечивало нашим путешественникам таинственное покровительство? Это я тоже могу объяснить. Текумсе был убит в войне с американцами, а Пророк жил еще много лет. Полковник, отец наших мальчиков-охотников, вскоре после своей эмиграции в Америку, во время одной из экспедиций около Сент-Луиса повстречался с этим необыкновенным

индейцем. Обстоятельства сложились так, что француз и индеец стали настоящими друзьями. Они обменялись подарками, и полковник получил красную «трубку мира».

Вручая ее, Пророк сказал полковнику, что, если ему когда-нибудь придется путешествовать среди индейских племен, она может пригодиться. Кроме того, индеец научил его определенным знакам, которыми тот мог в случае необходимости воспользоваться. Этим же знакам полковник научил Базиля, и мы уже были свидетелями впечатления, которое они произвели. Тот индеец, который лучше других понял эти знаки и которого они больше всех взволновали, был сам из племени шауни, то есть из того самого племени, к которому принадлежали и Пророк и Текумсе. От этого племени почти никого не осталось — большинство его воинственных сынов или умерли, или разбрелись по кочевым племенам, которые бродят теперь в великих прериях Запада.

Вот история красной «трубки мира», которая оказалась защитницей наших путешествующих охотников.

Скоро они уже могли объясняться с индейцами при помощи знаков, ибо ни один народ не понимает язык знаков лучше индейцев. Юные охотники объяснили индейцам, кто они и зачем отправились в прерии. Узнав о цели их путешествия, индейцы были очень удивлены и восхищены отвагой юных охотников. Они, в свою очередь, рассказали мальчикам, что сами охотятся на бизонов, что сейчас они преследуют большое стадо и предполагают, что видели одного или двух белых бизонов среди этого стада. Индейцы добавили, что, если мальчики останутся и несколько дней поохотятся с ними вместе, они приложат все старания, чтобы убить или поймать одного из этих животных, которого тут же предоставят в распоряжение своих юных гостей. Конечно, это приглашение было радостно принято.

Я мог бы описать еще много приключений, которые выпали на долю наших мальчиков-охотников, но боюсь, юный читатель, что ты уже устал от прерий. Достаточно сказать, что мальчики несколько дней охотились вместе с индейцами и белый бизон был наконец убит, а шкура его соответствующим способом снята и, после того как ее пропитали предохраняющим составом, который Люсьен привез с собой, тщательно упакована и погружена на седло Жаннет. И тут наши путешественники попрощались со своими индейскими друзьями и пустились в обратный путь.

Несколько индейцев проводили их до рубежей Луизианы, где они и расстались.

Вскоре мальчики-охотники достигли своего старого дома в Пойнт Купе, где — я думаю, мне не надо об этом вам и говорить — были радостно и с любовью встречены как отцом, так и преданным Гуго.

Старый натуралист получил то, что хотел, и был несказанно счастлив. Он еще больше гордился теперь своими маленькими мужчинами, своими «юными Немвродами» *note 13*, как он теперь называл их. Сидя около уютного очага, старый полковник с удовольствием слушал рассказы сыновей об их приключениях во время поисков белого бизона.

Note13

Немврод — по библейской легенде, основатель Вавилонского царства: прославился как отважный охотник.